Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4

2021

Center for Research and analytics
of Foundation for historical outlook

Perspectives and prospects

E-journal

№4

2021

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4 (27)

E-journal «Perspectives and prospects»
№4 (27)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411-3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:
Е.А. Нарочницкая — кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая — доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая — кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова — доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина — доктор исторических наук;
П.П. Яковлев — доктор экономических наук;
А.В. Щербина — кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2021

К 300-ЛЕТИЮ НИШТАДТСКОГО МИРА. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РОССИИ ИМПЕРИЕЙ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ ДЕРЖАВЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Содержание:

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ. Ништадтский мир и геополитическая трансформация Европы. К спорам об имперской традиции России 6

Елена ЛИНЬКОВА. «Европа Карла Великого» и «Европа Петра Великого»: отечественные консерваторы о международном положении России в начале XVIII в. 26

Андрей АНДРЕЕВ. Петр Великий. «Государь, которому нигде не было подобных...» 36

Ольга АГЕЕВА. Ништадтский мир и имперский статус России 49

Алексей ШИШОВ. Военные реформы Петра Великого в ходе Северной войны 1700–1721 гг. 63

Ханна КОВАЛЬСКА-СТУС. Северная война в оценках польских историков 71

Галина ШЕБАЛДИНА. Освобождение пленных: по материалам мирных соглашений между Россией и Швецией в XVI–XVIII вв. 82

Марку КАНГАСПУРО. Россия и страны Балтии от Ништадта до наших дней 91

Приложение:

Северная война, Петр Великий и его преобразования в оценках русских дореволюционных историков и мыслителей. Дайджест 95

Authors 136

Abstracts and Keywords 137

TO THE 300th ANNIVERSARY OF THE PEACE OF NYSTAD. PROCLAMATION OF RUSSIA AS AN EMPIRE: PAST AND FUTURE OF PETER THE GREAT'S POWER

Contents:

Natalia NAROCHNITSKAYA. Treaty of Nystad, Geopolitical Transformation of Europe and Controversial Narrative on Russia's Imperial Tradition 6

Elena LINKOVA. «Charlemagne's Europe» and «Peter the Great's Europe»: Russian Conservative Thinkers' Perspectives on Russia's International Position in the Early 18th Century 26

Andrey ANDREEV. Peter the Great. «The Monarch Like Whom There Has Been None Anywhere...» 36

Olga AGEEVA. The Peace of Nystad and Russia's Imperial Status 49

Alexey SHISHOV. Military reforms of Peter the Great during the Great Northern War (1700-1721) 63

Hanna KOWALSKA-STUS. Polish historians' assessments of the Great Northern War 71

Galina SHEBALDINA. The Release of Prisoners: Based on Materials from Peace Agreements between Russia and Sweden in the 16th-18th Centuries 82

Markku KANGASPURO Russia and the Baltic States: From Nystad to the Present 91

APPENDIX:

Russian Pre-Revolutionary Historians and Thinkers' Assessments of the Great Northern War, Peter the Great and his Reforms. Digest 95

Authors 136

Abstracts and Keywords 137

УДК 93/94; 327
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-6-25

Наталия Нарочницкая

Ништадтский мир и геополитическая трансформация Европы. К спорам об имперской традиции России

Аннотация. *300-летие Ништадтского мира, положившего масштабной геополитической трансформации Европы, побуждает панорамно проследить ревнивое отношение европейских держав к расширению и укреплению России. Становление Российской империи было императивом времени и ответом на геополитические и цивилизационные вызовы. В западном культурно-историческом сознании нигилистический взгляд на русскую историю московского периода постепенно переносится на Россию имперскую, затем Россию коммунистическую и Россию современную, принимая форму некой фобии. Образ враждебной, чуждой всякой цивилизации, имманентно агрессивной и опасной стихии заимствован из ряда исторических трудов и массово тиражируется в СМИ, несмотря на уважительное отношение к истории России части научного и интеллектуального сообщества Европы. Этот образ вобрал в себя в XXI веке негативные стереотипы в отношении Православия и России самых разных эпох, от великой схизмы и наследия «монгольского рабства» до коммунистического эксперимента и нового ценностного раскола постмодерна.*

Ключевые слова: *Петр Великий, формирование Российской империи, геополитическая роль России, Россия и Европа, Россия и Запад, образ России, антироссийские стереотипы.*

Указом Президента России 2022 г. объявлен годом «празднования 350-летия со дня рождения Петра I». Жанр указов традиционно лаконичен, и в тексте говорится лишь о большой роли реформ Петра I в истории России. Однако не только впечатляющий рывок в модернизации почти всех сторон жизни России стал итогом более чем 40-летнего царствования Петра — бурного, наполненного ранее невиданными на Руси событиями. Не менее впечатляющим образом изменилось к концу его правления международное положение Российского государства. Петр I, именуемый Великим, повлиял на русскую историю столь значительно, что интерес к его деятельности вряд ли когда-нибудь угаснет, как бы ни оценивались его реформы.

До Петра — это еще Московия, хотя и уже накопившая и явившая огромный потенциал и к расширению, и к активному взаимодействию с Европой и другими мирами.

Сведения об авторе: *Нарочницкая Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, иностранный член Сербской академии наук и искусств, член Общественной палаты РФ, доктор исторических наук, nn@stoletie.ru.*

После Петра — это империя, это Великая Россия. Грандиозный, без преувеличения, сдвиг в стратегических геополитических параметрах России привел к очевидно новому и необратимому соотношению сил и изменил геополитическую конфигурацию всей Европы. Начиналась новая эпоха. Рубежом для России и важнейшей вехой в становлении ее новой роли стала победа России над Швецией, закрепленная в Ништадтском мирном договоре 1721 г.

Ништадтский мирный договор — это одна из крупнейших дипломатических побед России и один из самых важных и значимых территориальных договоров, которые когда-либо Россия подписывала. Ништадтский мир — это поворотный пункт в истории России, в формировании ее политико-географического положения, позволившего безопасное устойчивое развитие в течение двух веков. Образно говоря, Ништадтский мир — это фактически и есть день рождения Российской империи, закрепленный *де юре* 2 ноября по новому стилю (22 октября по старому стилю) 1721 г., когда российский Сенат, превосходно осознававший значение этого рубежа, провозгласил Россию империей, а Петр I принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского.

Этим событиям и петровской эпохе в целом в 2021 г. была посвящена масштабная международная конференция, организованная совместно Российским историческим обществом, МГИМО МИД РФ, Институтом Всеобщей истории РАН и Фондом исторической перспективы. Тематика выступлений охватывала как собственно Ништадтский мир, его значение и восприятие этого события в европейской историографии, так и различные аспекты государственной жизни петровской эпохи: дипломатию и преобразования в армии, деятельность сподвижников Петра I.

Специально к 300-летию Ништадтского мира был подготовлен ряд заслуживающих внимания книг, выход которых приурочен к конференции.

Представленная на пленарном заседании конференции первая в нашей стране оригинальная публикация Ништадтского трактата [Ништадтский мирный договор…] является совместным проектом Министерства иностранных дел РФ и Фонда исторической перспективы. Прекрасная по своему полиграфическому исполнению и богато иллюстрированная, эта книга содержит факсимильное воспроизведение документов, хранящихся в Архиве внешней политики России, — фотокопии пергаментных листов, на которых содержится рукописный текст, а также все элементы его оформления: скрепляющие печати, обложки и прочие детали. Оформительские элементы сами по себе являются художественной ценностью, как и памятная медаль, специально отчеканенная к этому событию. Современный печатный текст Договора приводится в книге по Сборнику законов Российской империи. Завершают ее археографические комментарии к тексту, написанному на устаревшем русском языке. Книга также содержит обзор и анализ геополитического положения России до и после победы над Швецией в Северной войне, а также статьи о Петре I как дипломате и о перипетиях российско-шведских отношений в XVIII в. [См. Нарочницкая «Вечный…»; Санин; Ногаев].

В новой книге профессора В.В. Дегоева «Северная война 1700–1721 гг. и русская дипломатия» проанализированы перипетии европейской международной политики, дипломатические переговоры и договоры, внешнеполитические взгляды видных исторических персонажей. Автор рассмотрел стереотипы взаимовосприятия и «образы чужого» в контексте проблемы «Россия — Запад», устоявшиеся историографические оценки. Особое внимание уделено роли личностного и психологического фактора в дипломатии, являющегося главным предметом изучения в академической субдисциплине, которую сегодня принято именовать антропологией международных отношений [Дегоев].

Книга военного историка А.В. Шишова раскрывает страницы военных аспектов русско-шведской войны и представляет немало интереснейших деталей завершающего этапа этой длительной эпопеи, в которой приняли участие и проявили себя яркие новые военачальники и «птенцы гнезда Петрова» [Шишов].

С заключением Ништадтского мира Россия постепенно превращается в геополитическую силу, игнорировать интересы которой при решении крупных проблем европейской политики было уже невозможно. Сразу после этой вехи участие России в сложном клубке европейских интересов воспринималось лояльно, ибо помогало в сложных дипломатических партиях. Но когда через столетие после утверждения на Балтийском и Северном морях Россия вышла также и к Причерноморью, новая геополитическая реальность уже воспринималась с тревогой. Ведущие державы, Франция и Англия, открыто стремились Россию всячески сдерживать и оттеснять от рубежей, сделавших ее великой державой.

Наполеоновское нашествие на Россию по характеру цели — связанной не с обретением территорий или экономическими выгодами, но с устранением препятствия для безраздельного господства, — уже имело всеевропейский характер. По масштабу геополитических амбиций «тяготеющего над царствами кумира» и по втянутым в наполеоновское нашествие на Россию участникам это была уже почти мировая война. В ходе нашествия «двунадесяти языков» французы составляли лишь половину Великой армии, в которой была вся покоренная Европа: голландцы и валлоны из «Gallia Belgica»[1], которую Наполеон включил во владения Франции, немцы из германских государств Рейнского союза (среди них баварцы и саксонцы, вюртембержцы, вестфальцы и баденцы), немцы из Пруссии, хорваты, австрийский корпус под командованием Шварценберга, куда вошли румыны и мадьяры, итальянцы, принудительно мобилизованные испанцы и португальцы и, конечно, 100 тыс. поляков, всегда готовых присоединиться к делу нанесения вреда России.

---

1 Бельгийцы хранят память о кампании Наполеона в России, считая, что она коснулась многих бельгийских семей, ибо около 30 тыс. солдат были среди Великой армии, а двое из их потомков даже совершили пеший путь до Смоленска через Литву в честь 200-летия войны 1812 г. russkiymir.ru/news/8247/

В первой четверти XIX в. обнажается противодействие России со стороны Англии, ставшей важнейшим и непримиримым геополитическим соперником Российского государства, причем во всех его исторических формах. Английская политика в Закавказье, в отношении Персии (которую в договорах с Англией Лондон обязывал продолжать войну с Россией); хрестоматийная провокация сотрудника английского посольства в Константинополе Д. Уркварта, пославшего шхуну к берегам «Черкессии» с оружием для кавказцев против России; Крымская война; высадка британского десанта в Петропавловске-Камчатском во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., — вот лишь общеизвестные этапы этой геополитической линии Британии, ревниво оберегавшей свое влияние на морях.

В этот период уже заметно отношение к Российской империи как к опасной и склонной к безудержной экспансии на Запад чуждой силе, и в Европе начинают циркулировать «злостные легенды о русской внешней политике. Особенный успех имело утверждение, что наше государство было ненасытным захватчиком и европейским жандармом», — пишет крупный правовед, историк русского зарубежья Е.В. Спекторский, в конце жизни — первый председатель Русской академической группы в США [Спекторский]. Поначалу этому мифу служило подложное завещание Петра Великого, слух о котором пустил Наполеон, отправляясь захватывать и цивилизовывать Россию.

Возжелав возглавить Европу, Наполеон безуспешно пытался подорвать мощь своего главного соперника — Британии, втягивая в «континентальную блокаду» Россию. Столь же безуспешно он предлагал в Тильзите Александру I убрать с карты Европы Пруссию. Наполеон первым осознал, что невозможно стать правителем мира, не устранив с мировой арены Россию как великую державу. Россия мешала уже тогда, как будет мешать в XX и XXI в. любому, кто стремится управлять миром. Но не пожалевшая жизней за Отечество Россия уже тогда оказалась силой, равной совокупной Европе, и русской кровью искупила «Европы вольность, честь и мир».

К концу XIX в. представление о России как источнике опасности для амбициозных западноевропейских держав утверждается, а в XX в. уже превращается в некий исторический стереотип, который тиражируется в публицистике и в СМИ. Причем опирается такое клише уже не только на уничижительное отношение прежде всего к допетровской Руси. Нигилистический взгляд простирается и на Россию после Петра, на коммунистический СССР и посткоммунистическую Россию. При этом сам Петр отмечен как деятель крупного масштаба, постаравшийся повернуть свое государство на европейские рельсы, с которых Россия сошла, якобы подчиняясь своей имманентной дикой природе — зову из глубин варварского прошлого, колыбелью которого, по К. Марксу, является «кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов» [Маркс]. И уничижительное отношение к Московской Руси, и раздраженность имперской Россией слились к концу XIX в. Эта фобия, усиленная отторжением коммунистического СССР, окончательно оформилась к началу XXI в. в западном сознании в образ чуждой и опасной своей громадностью и иным культурным кодом ойкумены, якобы враждебной прогрессу и угрожающей Западу.

Нелишне бросить панорамный взгляд на оценки предшествующего периода русской истории, который трактуется весьма упрощенно и, за редким исключением [Arrignon][1], вне принципа историзма. В XVII–XIX вв. отношение к древней русской истории окрашивали великая схизма, отторжение православия как отпавшей от цивилизации еретической стихии. В XXI в. допетровская Русь рассматривается через призму секулярного мировоззрения и философии линейного прогресса. Негативные нарративы о Московской Руси (с очевидной целью нигилистически оценить русскую историю в целом) уже переносятся на «большевизм», «советский империализм», а также на Россию XXI в. Клише, применяемые в отношении России на разных этапах ее взаимодействия с Европой–Западом, могут носить отпечаток конъюнктурных и ситуационных целей, отличаться по стилю, уровню дипломатического этикета, исчезающего из воспитания западных элит. Однако за отторжением России во всех ее исторических формах скрываются именно извечные западные фобии в отношении православия и России, рядившиеся в разные одежды, но единые для папского Рима и Вольтера, Астольфа де Кюстина и К. Маркса, для Ленина с Троцким, для неискоренимого российского безоговорочного западничества (варварство варягов и любовь к рабству, византийская схизма, «филофейство», «царизм», «русский — советский империализм»).

В отечественной историографии и публицистике уже с XIX в. соседствуют различные оценки как допетровской Московии, так и самой петровской эпохи. В XXI в. с его клиповым и упрощенным подходом к истории в образовательных программах и информационных «продуктах», заменивших для большинства книги и учебники, доминируют односторонние суждения, резко противопоставляющие чисто русские основы государственной жизни и цивилизации — и якобы совершенно не преемственные, заимствованные Петром западноевропейские схемы.

XVIII столетие действительно открывает новую страницу российской истории, начиная и в ней эпоху Нового времени. Первая часть царствования Петра была связана с Московской Русью, противостоянием с сестрой — правительницей царевной Софьей, впечатлениями от стрелецких бунтов, от старого образа жизни, многочасового стояния на молитвах. Вторая — с бурным и сначала беспутным опытом знакомства с «европейскими развлечениями», Немецкой слободой, Великим посольством в Европу, но затем со взаимоотношениями уже «европейской» России и Европы. Эта двойственность ярко проявляется в деятельности Петра, ломавшего традиционный уклад жизни российского общества вполне средневековыми методами. Впрочем, возможны ли были европейские методы и приемы в Московии той эпохи? Это была модернизация по-русски,

1 К таким исключениям относятся работы Жан-Пьера Арриньона (1943–2021) — крупного французского русиста и византолога, чей последний обобщающий труд «Моя история России» [Arrignon] назван рецензентами «глобальным исследованием признанного специалиста». Ж.-П. Арриньон в убедительной респектабельной форме полемизировал с извращением образа России в западной прессе и научной литературе. Его подход отличался подлинным историзмом — глубиной проникновения в духовный мир и ментальность народа изучаемой эпохи, в исторический контекст, воспринимаемый через призму широкой общегуманитарной эрудиции историка.

свойственная революционерам и реформаторам во все последующие поворотные моменты русской истории вплоть до начала и конца XX столетия. Модернизация и смена уклада с достижениями и рывками вперед, ценой которых всегда был всплеск нищеты и смертности населения, появление и обогащение новой элиты и соединение ее династическими и культурными (как в XVIII–XIX вв.), идеологическими (как у пламенных большевиков), финансово-олигархическими (как в конце XX в.) узами и мировоззренческим кодом уже нерусского мира. Но вырождение исторического сознания новых элит России придет позже [См.: Нарочницкая Историческое сознание...].

В отличие от катастроф и крушений 1917 и 1991 гг., Петр не разрушал державу, а поднял ее на небывалый до этого уровень в мировом соотношении сил. Он любил Россию больше себя и был одержим ее славой, ее восшествием на пьедестал великих и суверенных держав. Пушкинское «Россия! встань и возвышайся!» — вот, пожалуй, наиболее емкое и лаконичное выражение этого петровского чувства. Установив европейские порядки, одев армию в немецкие мундиры, Петр обращается к войску перед Полтавской битвой со словами, немыслимыми в устах европейского монарха: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказывали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и Бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего» [Письма и бумаги Петра Великого, с. 226][1]. Здесь Петр куда ближе к К. Минину и его воззванию за сто лет до Петра: «Мужие, братие, вы видите и ощущаете, в какой великой беде все государство ныне находится...» Он призывает «помочь Московскому государству» (*не сюзерену — Н.Н.)* и «постоять за чистую и непорочную Христову веру»: «Не пожалеем животов наших, да не токмо животов... дворы свои продадим, жен и детей заложим...» [Костомаров, с. 724].

Хотя в исторических представлениях в целом доминирует мнение о Петре как великом, хотя и сумасбродном, реформаторе, который рубил направо и налево, но европеизировал Россию, на менее приметном для широкой публики уровне ведутся споры об истоках петровской неистовой страсти к нововведениям, и не только. До сих пор появляются уничижительные публикации, где подвергаются сомнению не только внутренние последствия петровской «перестройки», но и его признаваемые всеми внешние предприятия (даже самые неудачные из которых в целом служили подготовкой к итоговым победам).

Так, доктор исторических наук, профессор Уральского государственного университета С.А. Нефедов опубликовал в журнале «Новый мир» опус о «загадке» Петра, ссылаясь не только на документы, но и на апокрифические работы разных веков. В нем

1 Считается, что эту речь сочинил Феофан Прокопович, которого фундаменталисты склонны винить в реформе церкви и протестантских нововведениях.

подвергаются сомнению смысл и польза вообще всех предприятий и внешнеполитических действий Петра, которые якобы были подсказаны и внушены вечно пьяному и необразованному молодому Петру такими же вечно пьяными и никчемными иноземцами вроде Лефорта. А дьяк Посольского приказа Андрей Виниус, сын голландского купца, ставший, по непонятно на чем основанному мнению автора, главным наставником и дирижером политики Петра, вообще руководствовался вселенскими интересами экономического порядка, а вовсе не пользой для России. Цитируя чьи-то записи, С.А. Нефедов пишет, что приглашенные военные «специалисты», обучавшие петровских солдат, якобы имели инструкции и желание учить так, чтоб русские не получили нужного умения, намекая, что иностранцы в принципе не могут искренне желать успеха делу, ради которого наняты [Нефедов].

Последнее вызывает большое сомнение — хотя бы потому, что приглашение на дипломатическую и иную службу иностранцев было распространено при дворах почти всех абсолютных монархов, и иностранцы служили за деньги весьма ревностно и добросовестно. Это типичное явление западного мира, связанное с феодальными особенностями, когда общенационального самосознания в современном понимании еще не было, а короли больше доверяли иностранцам, чем собственной крупной аристократии, сохранявшей олигархические стремления. «Если развитие русского самодержавия с этой точки зрения представляет своеобразие, — отмечал еще А.Л. Нарочницкий, знаток международных отношений того периода, — то разве только в том смысле, что история России в XVI–XVII вв. совершенно не знает подобных примеров, и расправа с московской феодальной боярской знатью была проведена силами русского дворянства и царской власти» [см.: Нарочницкий, с. 70]. К тому же, при Петре крупнейшие дипломаты России в основном принадлежали к ее старой и новоиспеченной верхушке: дьяк Е. Украинцев, Б. Куракин, Ф. Головин, Г. Головкин, И. Шереметев, А. Меншиков. Исключение составляли лишь П. Шафиров, Я. Брюс и А. Остерман. При Елизавете управление дипломатическими делами находилось в руках графа А. Бестужева-Рюмина, князя А. Черкасского и графа М. Воронцова. Блистательные успехи русской дипломатии при Екатерине II были осуществлены ею и ее помощниками из старого и нового дворянства — Н. Паниным, Г. Потемкиным, А. Безбородко, С. Воронцовым.

Западная историография трактует московский период русской истории чаще всего в русле теории линейного прогресса (хотя и с разной степенью пренебрежения) — как некий тупик цивилизации. Советская историография нередко была лишь немного благосклоннее. Большую роль в укреплении такого стереотипа сыграл популярный на Западе Н.А. Бердяев, практически единственный благодаря своему мягкому либерализму удостоившийся там «рецепции»: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу… лучше был киевский период и период татарского ига… и уж, конечно, был лучше и значительнее дуалистический раскольничий петербургский период» [Бердяев, с. 6].

В качестве примера крайне нигилистической оценки русского исторического пути стоит привести труды недавно ушедшего из жизни известного американского русиста

Р. Пайпса [Пайпс Россия пристаром режиме; Он же. Россия при большевиках; Он же. Три «почему»...], который несколько десятилетий, почти до конца 90-х годов, преподавал в Гарвардском университете русскую историю будущим специалистам США по России. Пайпс награждает Древнюю Русь откровенно уничижительными оценками: «Если бы Русь была богата и культурна, как... Китай, Персия и другие, — то монголы бы ее оккупировали; поскольку это было не так, то они ее попросту обложили данью». Но Киев в конце X — начале XII в. по богатству и культуре превосходил западноевропейские города, уступая лишь итальянским. Дочь Ярослава Мудрого Анна, ставшая женой французского короля Генриха I, изумлялась антисанитарии, грубости нравов и быта французского двора, где она оказалась единственным человеком, умевшим читать и писать (Анна Ярославна читала по церковно-славянски, гречески и латыни, в то время как ее супруг король ставил вместо подписи крест). Пайпс же утверждает, что до Петра школ на Руси вообще не было, хотя общеизвестно, что среди берестяных грамот Новгородской Руси найдено немало ученических берестяных «тетрадей».

Отношение Р. Пайпса к Московской Руси не просто снисходительно, но насмешливо-презрительно, причем не только к реальному образу государственной жизни, но и к русскому религиозно-философскому толкованию своей государственности: «В городах и селах северо-восточной Руси завелись теперь значительные идеи, — буквально ерничает автор, - Князья, предки которых некогда ползали на четвереньках на потеху хану и его придворным, ныне вели свою родословную от императора Августа, корона же якобы была пожалована им Византией. Ходили разговоры о том, что Москва является «Третьим Римом» и что ей предопределено на веки вечные занять место развращенных и павших Рима Петра и Рима Константина.» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 103]. Русские князья под пером Пайпса становятся воплощением «лизоблюда, татарского заплечных дел мастера и одновременно верховного холопа» (характеристика, данная Ивану Калите). Не щадя даже Александра Невского, для которого якобы «вершиной политической добродетели» стал коллаборационизм, Пайпс обобщает: русская княжеская власть — продукт «некоего процесса естественного отбора», «при котором выживали самые беспринципные и безжалостные». [Пайпс Россия при старомрежиме, с. 80-85].

Центральной парадигмой для оценки становления русского самодержавия у Пайпса стало вотчинное «самовластье». По утверждению Пайпса, русские государи трактовали свою власть исключительно как «вотчину» — для него это dominium римского права: «абсолютная собственность, исключающая другие виды собственности и других собственников и подразумевающая за своим обладателем право пользования, злоупотребления и уничтожения». [см. подробнее: Нарочницкая. Россия и русские...]. При этом игнорируются принцип историзма и русское религиозно-историческое сознание эпохи. Термин возник после двух веков монгольского ига и подразумевает совсем иной смысл — суверенное правление в противоположность данничеству, о чем убедительно напомнил в своем фундаментальном труде А.Ф. Смирнов. В современное общественное сознание, отметил он, внедрено представление о самодержавной империи как воплощении *дикого самовластия*: «Тысячелетняя история России — это парадигма самов-

ластия и рабства... Преданы полному забвению наблюдения и выводы историографов старой школы (Карамзин, Ключевский), что самодержавие — синоним единодержавия возникает как феномен единства русской земли, ее независимости, суверенности, когда государь всея Руси перестает быть данником сопредельных властелинов и олицетворяет единство и целостность державы» [Смирнов, с. 37].

С точки зрения политологических клише, часто применяемых в XXI в. вместо принципа историзма и проникновения в конкретный исторический контекст, в философское и религиозное сознание эпохи, любая монархическая власть неотличима от языческой или восточной деспотии, где власть основана на силе и не освящена иными принципами [см.: Тихомиров]. Но в Средние века и в Московии, и в Западной Европе остро переживалось религиозное осмысление власти, и властители на смертном одре принимали монашество и истово молились о прощении грехов и спасении, о чем можно прочесть, например, у Ж. Ле Гоффа [Ле Гофф].

Представления Р. Пайпса о философских основах христианской государственности характеризует следующая цитата: «Со времени крещения Руси там несомненно полагали, что она стоит в некоей зависимости от Константинополя. Об этом не уставала напоминать греческая иерархия, любившая выдвигать теорию Юстиниана о «гармонии» или «симфонии», согласно которой церковь и императорская власть не могут существовать друг без друга». Далее Пайпс почему-то делает вывод, что «в силу этого православные на Руси должны сделаться подданными византийских императоров» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 101].

Однако общепризнано, что западноевропейское государство находилось в тот период в гораздо большей подчиненности церкви — взять хотя бы знаменитое «хождение в Каноссу» Генриха IV. Реформация привела к смене папоцезаризма на своеобразный цезарепапизм: так, Генрих VIII провозгласил себя главой Англиканской церкви, хотя в апостольском христианстве главой Церкви является сам Спаситель Иисус Христос, и обезглавил Томаса Мора, который отказался это признать. Католическая церковь в 1935 г. признала Томаса Мора святым как мученика за веру. Именно западная юридическая наука является наследницей Юстиниана, «кодифицировавшего» римское право. На «новеллах» Юстиниана произошла рецепция римского права в Европе.

Р. Пайпс оставил в своем памфлете о «России при старом режиме» не так много суждений о Петре, что достаточно удивительно. «До Петра российские правители смотрели на свое царство как люди на охотничьей стадии цивилизации; с Петра они обратились в земледельцев. Инстинктивные позывы к захвату всякого попавшегося на глаза соблазнительного объекта постепенно, не без периодических срывов, уступили место привычке к пестованию ресурсов. Петр лишь весьма смутно представлял себе последствия своих шагов в этом направлении, сделанных им не столько из философской прозорливости, сколько по инстинкту прирожденного государственного деятеля» [Там же].

Все же Пайпс признает, опять же в достаточно нигилистическом в отношении всей предшествующей русской истории тоне: «Именно при Петре в России возникло понятие о государстве как о чем-то отличном от монарха и стоящем выше его; узкие соображения податного характера теперь уступают место более широкому национальному кругозору. Вскоре после своего вступления на царствование Петр начал говорить об «общем благе» и тому подобных материях. Он был первым российским монархом, высказавшим идею bien public и выразившим какой-то интерес к улучшению доли своих подданных. При Петре в России впервые ощутили взаимосвязь между общественным и личным благом; немалая часть внутриполитической деятельности Петра была нацелена на то, чтобы россияне осознали эту связь между частным и общественным благосостоянием» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 62–63]. Однако, приведенное выше воззвание К. Минина, в котором говорится исключительно о «великой беде» для «Московского государства», но не о власти, свидетельствует о наличии гражданского самосознания за сто лет до Петра.

Признавая серьезнейшие нововведения не только в государственное управление, но и в сам концепт государства, автор попутно выражает всяческий скепсис в отношении цивилизационного уровня пытающейся догнать Европу Руси, которая для него — обреченный на неудачу эпигон. Поскольку у Петра и его преемников на самом деле «не было необходимости относиться к россиянам доверительно… и внушать им сознание общей судьбы», «многочисленные режимы вотчинного и деспотического типа прекрасно существовали столетиями», «именно так управляют Россией со времен Петра до наших дней» [Там же, с. 63]. Забавно, что Р. Пайпс, с сарказмом описывая, как русские князья и государи после Петра, с их «вотчинным» ощущением права единолично распоряжаться любым государственным имуществом, раздавали огромные угодья, поместья, денежные вознаграждения своим приближенным или выдвигаемым деятелям, игнорирует (трудно представить, что не знает) совершенно такое же типическое явление эпохи в западноевропейской истории[1].

Не только в западной историографии, но нередко и в самой России со времен полемики западников и славянофилов века, отделявшие монгольское иго от петровских преобразований, представляются недостойными внимания, а московский и петровский периоды — непреемственными по отношению друг к другу. В этой связи историк-западник, философ права К.Д. Кавелин предостерегал от «привычки смотреть на себя чужими глазами, сквозь чужие очки», от «разрыва своего сознания на две половины», ибо «все европейские народы пережили в своей истории крутые повороты… но ни дореволюционная Франция, ни дореформационная Германия не отделены в глазах французов и немцев такой непроходимой бездной… какой отделена, по нашим понятиям, древняя Россия от новой» [Кавелин, с. 176]. Русь расширялась быстрыми темпа-

1 Не только историки, но все читавшие романы А. Дюма имеют представление о том, как короли по своей прихоти раздавали замки, земли и поместья с крестьянами, драгоценности, титулы и чины не только отличившимся на службе, но даже фавориткам, их мужьям и родственникам. Жизнь смерда и в просвещенной Европе значила не больше, чем на Руси, и «благородный» Атос без смущений нравственного порядка проиграл в карты своего верного слугу Гримо.

ми еще до Петра, а все его успешные предприятия и дела имели начала в предыдущие царствования. С. Соловьев, которого относят к поклонникам петровских деяний, также в итоге находит импульс к новой России в XVII в.

С другой стороны, еще Н.М. Карамзин выражал определенное сожаление о чрезмерности петровского необузданного и торопливого реформаторства. Карамзин сомневался в пользе перестройки системы государственного управления, осуждал ликвидацию патриаршества, подчинение церкви государству. Карамзин признавал, что «Петр велик без сомнения», даже собирался написать «Похвальное слово Петру», но полагал, что реформатор «еще мог бы возвеличиться гораздо более, когда бы нашел способ просветить ум россиян без вреда для их гражданских добродетелей». Метафоричному и вполне добродушно-ироничному замечанию Карамзина — литератора и моралиста мы отчасти обязаны широкому распространению в среде фундаменталистов мнения о сломе Петром строя русской жизни, воспринятом аристократией и интеллигенцией, но отвергнутом народом: «Пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландией… страсть к новым для нас обычаям преступила в нем границы благоразумия» [Карамзин, с. 36-37].

Полемика западников и славянофилов, касающаяся оценки допетровских основ управления и власти, обогащавшая обе стороны русского сознания, выродилась к концу XIX в. в политическую дискуссию и к XXI в. утратила главный свой нерв — подлинно великую религиозно-философскую дилемму смысла русского присутствия в мире. Хотя самобытная русская общественная мысль, как справедливо заметил Н.А. Бердяев, пробудилась на проблеме сугубо историософической. «Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба» [Бердяев, с. 31]. Стоящие в ряду «славянофилов» И. Киреевский и А. Хомяков совсем не славянофилы, их родина —вся христианская ойкумена, призвание — всемирное в смысле духовной ответственности, прежде всего православной, затем уже русской.

Сформировавшаяся в сознании и историографии дихотомия трактовки российской истории с отрицанием московского и прославлением петровского периодов совершенно не отражает их действительного соотношения. Это на документах блестяще доказано Н.В. Синицыной — автором самого полного и академически выверенного труда о толковании подлинного послания Филофея и прочно утвердившейся через четыре века сентенции «Москва — III Рим», ставшей почти мифологемой, но *отсутствующей* у псковского старца. В послании Филофея вообще нет призыва к *земной* империи, но есть, наоборот, грозное предупреждение Великому князю, ставшему «единым во всей поднебесной христианом царем»: «убойся Бога, давшаго ти сия, не уповай на злато, и богатство, и славу: вся бо сиа здѣ собрана и на земли здѣ остают» [Послание старца Филофея].

«Идея «восточного царства», враждебная противоположность которого европейскому Западу была разрушена Петром, — порождение не укорененных в подлинной реальности «допетровской Руси» споров западников и славянофилов. Ее образ, точ-

нее, два ее образа были искусственно сконструированы в ходе споров XIX века, когда каждая из сторон абсолютизировала вычлененные из целого факты, лившие воду на ее мельницу» [Синицына, с. 27].

Приведенные экскурсы в историю и ее толкования демонстрируют, через какую призму и в XX–XXI вв. рассматривается и оценивается русская история в доминирующих исторических школах.

Общие стереотипы в отношении «византийской схизмы», русской и советской истории содержатся в трудах западных философов и историков, от А. де Кюстина, Ж. Мишле и классиков марксизма до самых современных авторов, добавивших к клише западного обществоведения поверхностную трактовку тоталитарного тождества нацизма и большевизма. Не удержались от такого сугубо конъюнктурного политического тезиса бывший директор французского Института международных отношений Т. де Монбриаль и крупный французский историк Ф. Фюре: «Нацистская Германия воплощает совершеннейший большевизм» [Фюре; Монбриаль; Максименко «Трисилы»...]. Но А. Тойнби однозначно признавал, что большевизм — чисто западное учение и явление и ничто в русской истории, философии и сознании не могло породить такую доктрину. Увлеченная коммунизмом Россия «рассталась со своей вековой традицией, — писал он, — впервые в истории переняв западное мировоззрение» [Тойнби, с. 106].

Тем не менее, миф о «филофействе» как программе «русского и советского империализма» и основе территориальной экспансии и имманентной агрессивности имперского сознания России повторяется как аксиома в многочисленных постсоветских работах [см., напр.: Гаджиев]. В этой связи уместно привести еще одно замечание Р. Пайпса, влияние которого на либеральную постсоветскую политологию и историографию ощутимо велико. Гарвардский профессор-русист попутно делает вывод, что все преобразования ничего не изменили в сущности России, но «взрастили образованную элиту, которая со временем... яростно ополчилась против всей системы мировоззрения, сосредоточенной на государственной службе, коей эта элита была обязана своим существованием» [Пайпс Россияпри старом режиме, с. 63].

Здесь этим стереотипам можно было бы не уделять столько внимания, если бы идеологемы «филофейства» и «вотчинности» не относились к опорным концептам нигилистической интерпретации всей русской истории и в том числе ее имперской традиции, связанной с именем Петра.

После того, как СССР обрел роль сверхдержавы, одним из инструментов холодной войны стала «тоталитаристская» и «империалистическая» трактовка «филофейства», которое представляли как предтечу «советского экспансионизма» и возводили к пресловутому «византинизму». А по Р. Пайпсу, «За высокими лозунгами «национальных задач» скрывалось на самом деле вполне тривиальное стремление к захвату чужих богатств для удовлетворения ненасытного аппетита России на землю и попутного упрочения позиций монархии внутри страны. Такое положение не изменилось и по сей

день» [Пайпс Россия при старом режиме, с. 35]. Истоки «советского тоталитаризма» и даже большевистской диктатуры и ее революционного террора, прямо скопированного у творцов Французской революции, Запад склонен искать в византийской природе России, во влиянии Чингисхана и варягов, но только не у яростных и беспощадных проводников своих религиозных или революционных идей в бурной и куда более кровавой западноевропейской истории.

Авторитетный и глубокий мыслитель А. Тойнби прямо признает, что именно «приверженность чуждой цивилизации восточно-православного христианства» вплоть до большевизма была «варварской отметиной» России в глазах Запада» [Тойнби, с. 107]. Он приводит примеры, от польской интервенции начала XVII в. до Наполеона и гитлеровского нашествия, и делает вывод, что «хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот». Призывающий к «постижению» истории, Тойнби полагает, что взаимное отрицание «тоталитаризма» и «демократии» есть в значительной мере перекодированное в клише новейшего времени более древнее взаимное отторжение [Тойнби, с. 111].

В XXI в. Запад расширяет свое влияние на многовековые территории исторического государства российского, а Польша подтверждает свою древнюю и, увы, извечную ревность к русской православной стихии. Не желая расстаться с исконными русскими землями, захваченными Казимиром Великим, поляки весьма обеспокоились принятым Иоанном III титулом «Государь всея Руси». Еще более испугал поляков, к этому времени захвативших часть исконно русских земель, отказ Василия III посольству Папы Льва X, предлагавшему из рук Папы в случае принятия католичества трон византийского императора, который в то время находился у турок, в борьбу с которыми Святой Престол и предполагал вовлечь Русь. «Князь хочет вотчины свои: земли русские», что означало земли империи Рюриковичей — такой ответ увез из Москвы посол Николай Шомберг в 1519 г.

Вопреки распространенному клише о разделах Польши Австрией, Пруссией и Россией в конце XVIII в. как исключительной причине польской неприязни к России, Польша с XII в. не скрывала своих вожделений в отношении православных земель Киевской Руси, наступала на них и призывала Бернарда Клервоского направить крестовый поход против еретиков — «русских варваров», которые гораздо опаснее греческих схизматиков (письмо епископа Краковского Матфея, 1146–1148 гг.). Патриарх послевоенной польской историографии академик А. Гейштор, участник варшавского восстания, пытаясь несколько оправдать острым отношением к схизме «необходимость» в глазах польского духовенства подобной «миссии Латинской Церкви», все же вынужден признать, что образ Руси в письме «особенно обострен» [Гейштор, с. 21]).

В течение уже почти тысячелетия Польша неизменно пытается вовлечь в свое ревнивое противостояние России сильных мира в каждой из сменяющихся эпох. Если в прежние века это были Папа, император Священной Римской империи, европейские

монархи, то в XXI в. — евроатлантические структуры, что демонстрировал 21 января 2022 г. Я. Качиньский на встрече с американской делегацией. На этом фоне современный накал цивилизационного идеологического и мировоззренческого неприятия России воспринимается яркой реминисценцией «крестового похода» на Восток, причем купно в военных, экономических и духовно-мировоззренческих аспектах. Вновь выдается за «цивилизующую миссию», подобно древней «миссии Латинской Церкви», проект распространения уже не католических ценностей, обладавших культуртрегерским обаянием, а постмодернистских догматов.

* * *

Ништадтский договор стал, бесспорно, выдающейся вехой в истории России, сделавшей необратимой уже развивающуюся геополитическую трансформацию Европы. Победа России не просто положила конец «долгобывшей и вредительной» Северной войне, продолжавшейся более 20 лет (отнюдь не только на границе со Швецией, но глубоко на территории исконных русских земель, куда увлекли шведскую корону невиданные амбиции Карла XII). Ништадтский мир сделал на время бессильными дипломатические интриги европейских государств, в первую очередь Англии, пытающейся всегда, во всех прошлых и будущих победах России до XXI в., обесценить плоды российских военных успехов. Он закрепил право России на выход к северным морям, что означало для нее обретение совершенно иного по параметрам безопасности геополитического пространства, обеспечивавшего возможность уверенного внутреннего развития и позволявшего на равных говорить с ведущими европейскими державами.

Важнейшим итогом стало то, что Ништадтским мирным договором Петр Великий пресек для своего времени возможности одновременного давления на Русское царство с двух сторон. Как можно заметить, начиная с XIII в. в течение нескольких столетий Россия периодически испытывала одновременное сжатие Западом и Востоком — геополитические «клещи». Монгольское нашествие побудило папский Рим к экспансии на рубежи русского мира. Были и попытки вступить в союзные отношения с монголами (миссия Плано Карпини), и продвижение на Восток католических орденов, и торговые и «географические» предприятия Р. Чэнслера и Московитской компании с видами на установление английского протектората над «той частью Московии, что лежит между Архангельском и рекой Волгой» [Максименко. Альтернативы... с. 38, 42]. Наполеон и одновременно русско-турецкие и русско-персидские войны, давление Швеции и Оттоманской Турции вновь вытесняло Россию на северо-восток Евразии от морей, но было остановлено Петром, а впоследствии Екатериной.

Уже к Новому времени Россия освободилась от трехвекового давления Востока и успешно отбила нашествия тевтонских орденов и польскую интервенцию в период русской смуты. Каждый из следующих трех веков демонстрировал некий повторяющийся цикл — временный упадок, сеющий надежды соперников на окончательное ослабление России, но за ним следовал новый геополитический успех эпохального значения. Это победа над Швецией в Северной войне, это через столетие — изгнание

Наполеона и решающая роль в крушении его империи, затем еще через век — восстановление после крымского унижения черноморских позиций. Так был предопределен из-за неприятия сильной, но чуждой православной России «мировой восточный вопрос»: в интерпретации разных по мировоззрению, но равно панорамно мыслящих титанов — геополитическое и духовно-культурное противостояние азиатского и европейского духа (С.М. Соловьев) или противостояние русского и западноевропейского культурных типов (Н.Я. Данилевский) [Соловьев, с. 25; Данилевский. Горе победителям; Он же. Россия и Европа].

Превращение Руси в Россию не только дало ей необходимые параметры геополитической безопасности, но и обеспечило безопасные условия православной цивилизации для продолжения ее исторической судьбы. Не имея той культуртрегерской агрессивности, которая была присуща католическому романо-германскому духу, она могла устоять, сохранить суверенитет духа, укрупнившись и достигнув определенных пространственных рубежей. И только с упрочением своего геополитического положения, прежде всего с получением выходов к морям, Россия обрела роль держателя равновесия в мировом балансе сил различных цивилизаций и представляющих их государств.

Борьба за выход к морю на протяжении столетий была важнейшим содержанием истории до окончательного формирования политико-географического облика мира, каким мы его знаем. Только державы, обладающие выходами в Мировой океан, играли и играют существенную роль в глобальном балансе сил, являются конституирующими элементами международных систем. Для России, страны-цивилизации, географическое расширение и закрепление на морях было закономерным условием выживания. Это интуитивно или осмысленно понимали русские государи еще от Александра Невского. Петр Великий в полной мере осознал колоссальный потенциал России и новые геополитические потребности государства, долгое время парализованного с запада и северо-запада Польшей и Швецией, с юга — Крымским ханством, вассалом Турецкой империи.

В соответствии с Ништадтским договором Россия, получив Лифляндию с Ригой, Эстляндию с Ревелем и Нарвой, часть Карелии с Кексгольмом, Ингерманландию (Ижорская земля), острова Эзель, Даго и другие земли от Выборга до границы с Курляндией, обретала выход к Балтийскому морю и прочно закрепляла за собой международно-правовой статус морской державы. Без победы в Северной войне вряд ли стало бы возможным вернуть себе и южную опору — Тавриду.

Начавшееся в конце XVII в. изменение соотношения сил главных государств Европы коренным образом сказывается уже к середине следующего века. Державы, бывшими самыми могущественными в начале XVIII в., отступают на второй план. В состояние упадка приходят Польша, Швеция и Турция. Традиционно могущественные Франция и Испания потеснены Британией, чьи амбиции, питаемые пуританским духом превосходства, растут вместе с ее утверждением на морях и в торговле, ставшей залогом ее экономического развития.

В этом контексте именно с Ништадтского мира начинается неудержимое и впечатляющее масштабами развитие и расширение Руси-России в меридиональном и широтном направлениях: к Северному и Балтийскому морям, к Черному морю, от Днестра и Днепра до Тихого океана. Этот процесс сыграл капитальную роль в формировании современного облика как Европы, так и Азии. Он остановил и раздвинул культурно разные исторические потоки, стремившиеся с Запада и Востока стиснуть Московию и овладеть *геополитической осью* Евразии — линией от Балтики и Северного моря до Черноморско-Каспийского бассейна. Россия начала превращаться в огромную империю, простиравшуюся от Балтийского моря до Тихого океана, равной которой по размерам Европа не знала со времен Рима. Обезопасив свои северо-западные рубежи, Россия окончательно закрепилась в Крыму, обеспечила тыл на Кавказе от набегов персов и турок и достигла Тихого океана, завершив освоение Сибири и Дальнего Востока. Трудно представить себе облик современной Европы, положение в Средиземно-Черноморском регионе, если латыши и эстонцы, не имевшие своей государственности и образования на родном языке (образование было на немецком), были бы окончательно ассимилированы тевтонами и шведами, а молдаване, грузины, армяне остались бы под властью Османской империи. Особое значение имело восстановление общей исторической судьбы православных *россов* — малороссов, белорусов и великороссов, сделавшее их неуязвимыми от поглощения внешними инокультурными и, с Юга, воинственно антихристианскими силами.

Убедительно суждение академика В.С. Мясникова, что «становление империй было императивом времени» [Мясников, с. 9]. Имперская идея России, уже в ранний период многонационального огромного государства, была ответом на исторический вызов, ибо ее окружали иные цивилизации с ярко выраженной имперской идеологией, нацеливавшей их на духовную и географическую экспансию. На Востоке это была китайская империя Цинь с ее трехтысячелетней стратагемной философией отношения к окружающему миру, на Юге — в Новое время — Оттоманская империя турок. К эпохе Петра уже ярко проявился имперский дух «латинской» Европы, который взывал к экспансии именно на восток Европы, на Россию.

Формирование и провозглашение Российской империи стало ответом на такие исторические явления, как «Священная Римская империя германской нации», Габсбургов, сковавших многих из западных славян; крестовые походы Ватикана против греческой ереси; многовековая экспансия Речи Посполитой, укрощенная российской мощью. «И у Европы были свои Иваны Калиты — Людовик XI, как и Иваны Грозные — Генрих VIII», но «собирание русских земель осложнялось необходимостью честно и грозно отстаивать их на двух фронтах, западном и восточном. Борьба на Востоке против напора монгол была крупной услугой западной цивилизации и культуре», — отмечал Е. Спекторский, — Расширение до Тихого океана в Азии не уничтожило втягиваемые народы, как это делал Pax Germana, но подобно Pax Romana приобщило к благам цивилизации “всяк сущий в ней язык”» [Спекторский].

Все побуждает к выводу, что рост могущества России в течение XVIII в. стал явлением огромного значения, как для страны, так и для евразийского континента в целом.

Последовательно расширяя свои географические пределы в Евразии до тех масштабов, что сделали ее, как писал Х. Маккиндер, «осевым пространством мировой политики», Россия оказалась из-за амбиций латинской Европы в XX в. в центре вселенской исторической драмы европейской цивилизации — двух мировых войн. Они полностью изменили политическую карту, формы национальной организации и политические институты, коммуникации, культуру и социальные отношения внутри европейских стран, а также вывели на мировую арену массы людей других цивилизаций, фактически не участвовавшие прежде в мировом взаимодействии. В форме СССР Россия вновь опрокинула расчеты и стала победителем в величайшей и невиданной битве истории. В XXI столетии вокруг России вновь вращается мировая геополитика, ибо само существование России в ее географических масштабах и в ее суверенном цивилизационном культурном коде не позволяет никому стать господином мира.

Помимо геополитического значения Ништадтского договора, можно и нужно отметить еще одну, весьма необычную для своей эпохи деталь в самом формулировании и оформлении рубежа российско-шведских отношений. Своеобразным приложением к Ништадтскому договору стала одновременно подготовленная медаль, которая в символической форме раскрывала суть дальнейшей политики России по отношению к Швеции. Нематериальная функция медали «В память Ништадтского мира» состояла в передаче шведской стороне мысли, что Россия не намерена унижать проигравшую Швецию, наоборот — стремится предложить ей сотрудничество, доказательством чему и является выбитый лозунг: «СОЮЗОМЪ МИРА СВЯЗУЕМЫ». Девиз этот, удачно выразивший всего в трех словах суть российских намерений, как нельзя более точно отражает еще одну ипостась Ништадтского договора — его мирную составляющую, стремление обеспечить «вечный, истинный и нерушимый мир» между Россией и Швецией, как это и говорится в одной из статей договора.

С этой точки зрения Ништадтский мирный договор, несомненно, является еще и неким новым образцом дипломатического документа, который не только фиксирует военную победу одной из сторон. Текст составлен таким образом, чтобы подвести черту под периодом вражды, обеспечить моральную возможность добрососедства между недавними военными противниками — отношений мира, сотрудничества и уважения. Россия, руководствуясь стремлением закрепить новое территориальное размежевание и закрыть этот вопрос навсегда, внесла в договор пункт о выплате Швеции (победитель платит побежденному!) 2 млн ефимков, что для Швеции фактически означало сумму ее годового бюджета того времени. Эта выплата до сих пор является предметом горячих споров и обсуждений, и на сайте «Музея Оккупации Латвии» появилась статья, автор которой всячески пытается обесценить Ништадтский договор как юридическое основание нахождения Латвии и других прибалтийских земель в составе Российской империи. Он яростно возражает против тезиса о покупке этих территорий, раз прямых формулировок об этом нет, и называет смехотворно малой огромную по тем временам сумму в 2 млн ефимков [Спруде].

Международные договоры об изменении границ не оформляются как покупка, ибо нельзя купить проживающее на территории население. В то же время переход тер-

риторий из одного государства в другое — это типичное явление формирования географико-политического облика мира. Все границы современных государств менялись именно таким образом, и нередко в решениях присутствовала и финансовая составляющая. Из текста Ништадтского договора ясно, что денежная компенсация со стороны победителя побежденному, *принятая побежденным*, означала: вопрос о принадлежности территорий закрыт и не будет пересматриваться, не будет предметом войн, даже если они случатся. Ништадтский договор выбивает почву из-под ног у тех сил, которые хотели бы предъявить территориальные и финансовые претензии к нынешней Российской Федерации.

В честь Ништадтского мирного договора был возведен монумент в стиле барокко итальянским скульптором Пьетро Баратта, весьма популярным в Венеции и Дрездене. Петр пригласил его для работы и обучения русских скульпторов, почему того на родине даже прозвали «скульптор Московии». На монументе поверженный лев лапой придерживает картуш с надписью на латыни: "Magnus est qui dat et qui accipit sed maximus qui ambe haec dare potest» — «Велик и тот, кто дает, и тот, кто принимает. Но самый великий тот, кто и то и другое свершить может». В этом смысле Ништадтский мир является вкладом в историю и культуру мировой дипломатии. Несомненно, этот договор, действующий до сих пор и не утративший своей правовой силы, заслуживает самого пристального внимания и изучения.

Исследователи за два столетия вскрыли почти все доступные документы, с разных точек зрения и в разных идейных и политических парадигмах рассмотрели канву событий вокруг Ништадтского мира. Трудно предположить, что какие-то пока неизвестные мелкие детали могут принципиально изменить представление о деяниях времен Петра и их оценку. Однако у современного человека, тем более у исследователя есть возможность осмыслить этот период и с высоты накопленных знаний, и панорамно, в свете совокупности международных отношений и преемственных геополитических устремлений за три столетия. Именно сейчас можно в полной мере оценить значение этой грандиозной эпопеи для всей русской истории, для положения России в мире и в мировой истории, провести параллели и сравнения с современными явлениями и амбициями.

Литература

Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М. 1997.
Гаджиев К.С. Политическая философия. М. 1998.
Гейштор А. Образ Руси в средневековой Польше. Культурные связи России и Польши. XI–XX вв. М. 1998.
Данилевский Н.Я. Горе победителям. М. 1998.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб. 1995.
Дегоев В.В. «Северная война 1700-1721 гг. и русская дипломатия» / Предисловие академика А.В. Торкунова. М. 2021.

Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М. 1989.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991.

Костомаров Н.М. Смутное время Московского государства. М. 1994.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. 1992.

Максименко В. «Три силы». Размышления по книге Франсуа Фюре «Прошлое одной иллюзии // Pro et contra. М. 1999. № 3.

Максименко В.И. Альтернативы Евразии. Россия и Азия, или Анти-Бжезинский. (очерк геополитики 2000 года) // Восток 2000. №2.

Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Скепсис. Гл. 4. — URL: scepsis.net/library/id_883.html (дата обращения: 07.12.2021).

Монбриаль Т. де. Память настоящего времени. М. 1997.

Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. М. 1996.

Нарочницкая Н.А. «Вечный, истинный и нерушимый...» // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.

Нарочницкая Н.А. Историческое сознание и идеология на поворотных этапах российской истории // «Перспективы. Электронный журнал». №4-2020/1-2021. С. 7-35. — URL: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/c70/4_01_2021_10_4.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.

Нарочницкий А.Л. Международные отношения европейских государств с 1794 до 1830 года. Стенограммы лекций. М. 1946.

Нефедов С. Загадка Петра Великого // Новый мир. 2021. № 5. — URL: nm1925.ru/Archive/Journal6_2021_5/Content/Publication6_7749/Default.aspx#sdfootnote7sym (дата обращения: 07.12.2021).

Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.

Ногаев И.В. Ништадтский мир и принципы российско-шведских отношений в XVIII веке // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.

Пайпс Р. Россия при большевиках. М. 1997.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. 1993.

Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М. 1996.

Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л. 1950. Т. 9.

Послание старца Филофея. Послание о злыхъ днехъ и часѣхъ // Электронные публикации Института русской литературы РАН (Пушкинский дом) С-Пб. — URL: lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105#_edn42 (дата обращения: 07.12.2021).

Санин Г.А. Петр I — дипломат. Великое посольство и Ништадтский мир // Ништадтский мирный договор и рождение Российской империи 1721–2021. М. 2021.

Синицына Н.В. Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. 1998.

Смирнов А. Государственная Дума Российской империи. 1906–1917. М. 1998.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1959–1966. Т.13.

Спекторский Е.В. Принципы европейской политики России в XIX и XX веках. Любляна. 1936.

Спруде В. Фейк: В XVIII веке Россия купила территорию стран Балтии у Швеции // История оккупации Латвии. — URL: okupacijasmuzejs.lv/ru/istorija-okkupacii-latvii/njezavisimaja-

latvija/fjejk-v-xviii-vjekje-rossija-kupila-tjerritoriju-stran-baltii-u-shvjecii (дата обращения: 07.12.2021).

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М. 1993.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. 1996.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М. 1998.

Шишов А. Рождение Российской империи. М. 2021.

Arrignon J.-P. Une Histoire de la Russie. P. 2020.

УДК 93/94; 327
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-26-35

Елена Линькова

«Европа Карла Великого» и «Европа Петра Великого»: отечественные консерваторы о международном положении России в начале XVIII в.

Аннотация. *Международное положение России и ее внешнеполитический курс являлись предметом дискуссий в рамках различных течений общественной мысли XIX в. Но особое внимание данным вопросам уделяли отечественные консерваторы, обеспокоенные судьбами страны в меняющемся мире. В раздумьях и полемике о месте России на мировой арене, о взаимосвязи внешней политики и внутреннего развития происходили зарождение и эволюция консервативной концепции. Особую роль в подобных дискуссиях играло обращение к эпохе Петра Великого, когда Россия стала частью системы международных отношений, заявила о своих геополитических интересах и приступила к их последовательной реализации. Фактически петровское время — это период ломки Вестфальской системы, в которой России была отведена периферийная роль, и становления нового европейского порядка, основанного на конгрессах в Утрехте, Раштатте и Бадене в 1713–1714 гг., на итогах Северной войны 1700–1721 гг. и Ништадтского мира 1721 г. В этих новых условиях Петр I показал не только преемственность с курсом своих предшественников, но и обозначил основные внешнеполитические векторы, которым российское государство следовало на протяжении XVIII и, как считали консервативные мыслители, всего XIX столетия.*

Ключевые слова: *консерватизм, международное положение, Петр I, Северная война, Восточный вопрос, славянство, внешняя политика.*

В начале XVIII в. Россия буквально ворвалась в Европу, заявив о себе как военная держава, как сильный потенциальный союзник, как страна, обладающая собственными геополитическими целями, которые не сводились лишь к обороне южных рубежей. Петровская эпоха, наследуя опыт и задачи предшествующего века, стала своего рода ключевым этапом в процессе эволюции российского внешнеполитического курса. Модернизация России, предпринятая Петром I и направленная на трансформацию страны, не только привела к существенным изменениям в ее экономическом и социальном развитии, но и способствовала утверждению новой роли российского государства на мировой арене.

Сведения об авторе: *Линькова Елена Валентиновна — доцент Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, e.v.linkova@yandex.ru.*

Бурная и, порой, революционная деятельность первого российского императора неслучайно стала одной из главных тем общественно-политических дискуссий XIX в. По прошествии столетия можно было объективно взглянуть на преобразования Петра I, проанализировать их предпосылки и основное содержание, дифференцировать результаты и дать им оценку. Данная рефлексия в отношении петровского наследия становится тем более актуальной, что именно в XIX в. происходит формирование основных направлений общественной мысли России, ведется полемика о судьбе страны. Причем споры о национальной идентичности, о схожести или коренном различии российских государственности и культуры с западноевропейскими зачастую ведутся в рамках парадигмы «Россия–Запад» и невольно заставляют обратиться к важной историософской проблеме — взаимодействию российского государства со странами Западной Европы.

В эпоху петровских преобразований трансформация России в активного участника международной повестки обострила многие исторические противоречия, существовавшие между российской и западноевропейской цивилизациями еще во времена Средневековья. Таким образом, обращение консерваторов к правлению Петра I — это, с одной стороны, попытка оценить результативность и основную направленность военной стратегии и внешнеполитического курса первого российского императора, а с другой — возможность проанализировать глубину и истоки противостояния на уровне дихотомии «Россия-Запад».

Отечественные консерваторы XIX в. одними из первых представителей общественной мысли обратились именно к внешнеполитической составляющей эпохи Петра I. Речь идет не только об историософских построениях, но и о том курсе внешней политики, который был инициирован российским императором и достался в наследство его потомкам. Представляется, что обращение к настоящей теме является важной научной задачей, расширяющей рамки исследований не только об эпохе петровских преобразований, но и о содержании внешнеполитической концепции российских консерваторов.

Личная переписка и полемические статьи консервативных мыслителей прошлого составляют обширную базу источников, позволяющую реконструировать внешнеполитические концепции российских консерваторов и выявить их суждения о трансформации международного положения России при Петре I.

В российской и зарубежной исторической науке данная тема не являлась предметом специальных исследований, но затрагивалась в работах историков, которые занимались анализом представлений консерваторов о личности и государственной деятельности Петра I [Репников; Консерватизм в России и мире; Павленко; Хевролина; Русский консерватизм...], а также внешнеполитической концепции консервативных мыслителей XIX в. [Цымбурский Тютчев как геополитик... Линькова Внешнеполитическая концепция... Арсланов, Линькова; Линькова Внешнеполитический курс...] В изучении взглядов отечественных консерваторов на петровскую эпоху приоритет отдавался оценкам внутриполитических преобразований императора. Однако, обращаясь к та-

ким «вечным» для российской внешней политики вопросам, как Восточный, славянский, польский, балтийский, консерваторы искали их исторические истоки и пытались понять, какой вектор международного курса будет наиболее адекватен национальным целям и интересам России. И ответы нередко находили именно в историческом наследии Петра I.

С одной стороны, преобразования первого российского императора вызывали критику в связи с ломкой традиций, европеизацией, калькированием чуждого опыта и ценностей. Однако внешнюю политику Петра I консерваторы в большинстве своем оценивали положительно. Н.Я. Данилевский отмечал, что «в деятельности Петра необходимо строго отличать две стороны: его деятельность государственную, все его военные, флотские, административные, промышленные насаждения, и его деятельность реформативную в тесном смысле этого слова, т.е. изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях, которые он старался произвесть в русском народе. Первая деятельность заслуживает вечной признательной, благоговейной памяти и благословения потомства» [Данилевский, с. 318]. Именно консервативные историки и мыслители уже в начале XIX в. впервые обратились к внешнеполитической составляющей петровского правления, а впоследствии рассуждения о внешнеполитическом курсе страны стали неотъемлемой частью консервативного дискурса.

Ранние российские консерваторы — Н.М. Карамзин, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка — размышляли о сближении России с Западом, которое произошло благодаря Петру I. В их время особенно актуальной стала тема противостояния России и западноевропейского мира, что влекло за собой сравнения международной ситуации начала XIX в. с той, что сложилась в начале XVIII в. Например, Ф.В. Ростопчин проводил параллель между Северной войной и войнами против Наполеона, показывая, что в традиции России — давать отпор противнику, какой бы силой он ни обладал. В заочном «споре» с Наполеоном Бонапартом, напоминал Ф.В. Ростопчин, «Карл-то Шведский пожилистей... был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврату. ...Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сю пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости» [Ростопчин, с. 148].

В дальнейшем рефлексия консерваторов вокруг изменения международного положения России при Петре I становилась более глубокой. Это было связано как с общей эволюцией отечественного консерватизма, так и с развитием геополитической составляющей консервативного мировоззрения, дифференциацией основных констант внешнеполитических построений консерваторов, включая идею исторического противостояния России и Запада, Восточный, славянский, польский вопросы.

Внешнеполитические доктрины и воззрения отечественных консерваторов XIX в. отличала «многоуровневость» мышления. Речь идет о восприятии действительности как сквозь призму понимания реальной международной ситуации, так и в постоянном «диалоге» с прошлым. Дискуссии консерваторов на внешнеполитические темы — это,

с одной стороны, обсуждение текущих событий и роли России в их развитии, а с другой — историософские, эсхатологические размышления, направленные на постижение места российского государства во всемирном историческом процессе.

В.Л. Цымбурский объяснял подобную особенность восприятия международных событий, свойственную наследию Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и других консервативных мыслителей, существованием «геополитического замеса» — непременной чертой «всей нашей философией культуры и истории». Эта черта связана с характером русской цивилизации, с бесконечным духовным поиском и попытками самоидентификации в рамках «платформ Европы и Азии» [Цымбурский Остров Россия... с. 369]. Именно петровское время стало переломным моментом в процессе такой самоидентификации. В этот период Россия заняла новое место на международной арене, а декларирование исторически сложившихся геополитических задач и начало их реализации обострило противоречия в рамках дихотомии Россия — Запад.

Анализируя положение страны в мире, Ф.И. Тютчев отмечал, что в начале XVIII в. «рука исполина сдернула завесу, и Европа Карла Великого очутилась лицом к лицу с Европой Петра Великого» [Тютчев, т. 3, с. 118]. Мыслитель говорил не просто о взаимном открытии России и Западной Европы, а о том, что петровская Россия заявила о себе как о равноправной силе, воплощающей то же европейское начало, только восточное. Тютчев доказывал, что на европейских пространствах существуют как минимум две культурно-религиозные ойкумены: первая, вышедшая из римского наследия, — Западная Европа и вторая, основанная на византинизме, славянстве, православии, — Восточная Европа, центром и опорой которой является Россия.

При Петре I Россия начинает отстаивать данное право — называться Второй Европой, объединять народы, тяготеющие к ней этнически и религиозно. Судьба Восточной Европы с тех пор станет важнейшей темой международной повестки как XVIII, так и XIX столетий. Военный историк, генерал-майор Р.А. Фадеев, сторонник панславизма, отмечал, что в обсуждении будущего Восточной Европы и в утверждении прочного положения России в этом регионе «заключается мировая историческая задача» [Фадеев, с. 369] российского народа.

Геополитическая проблема Восточной Европы была тесно связана со славянским вопросом, ставшим релевантным, по мнению М.П. Погодина, именно в петровское время. Во внешнеполитическом курсе Петра I вряд ли можно выделить славянское направление, однако М.П. Погодин обращал внимание на то, что к российскому царю часто обращались «христианские... обитатели» турецких провинций, призывая «избавить их от мусульманского ига и предлагали ему свое подданство» [Погодин, с. 322]. Схожую мысль высказывал и В.И. Ламанский, писавший, что «с появлением на северо-востоке колоссальной фигуры Петра Великого» стало «понемногу подниматься» славянское движение [Ламанский, с. 280]. Именно с петровского времени, по мысли Ламанского, началось расширение присутствия России на Балканах, укрепление ее положения в славянском мире. Христианские народы не только Османской империи, но и Австрии

увидели в российском императоре «не просто великого человека или государя, а великого царя славянского, домина императора, Василевса христианского, главу новой Восточной империи, вождя греко-славянского мира, чаявшего свободы и новой политической, местной и общей, союзной организации» [Там же, с. 281].

Именно в петровскую эпоху были заданы импульсы для развития славянского мира и продемонстрирована историческая роль России как его защитницы. Потомки Петра I лишь продолжали данную линию. В.И. Ламанский отмечал, что «могучий образ Петра, Полтава и Ништадтский мир, Семилетняя война, гениальная деятельность Ломоносова, победы Екатерининских орлов, поход Суворова в Италию и вообще стоянки русских войск в западных славянских землях во время Наполеоновских войн, наконец 1812 г. и новая слава России показали романо-германскому западу, что славянский мир умирать не собирается, а в немецких париях, славянах западных пробудили заснувшее самосознание» [Там же, с. 499].

С другой стороны, поднимая, хоть порой и не намеренно, славянство в османских провинциях, Петр I проводил несколько противоречивый курс, который предполагал активное сближение с германским миром, с теми странами, которые исторически являлись врагами славянства. Альянс с Австрией и германскими государствами был заложен именно в петровскую эпоху и окреп при его потомках. Через дипломатические соглашения и династические браки германский дух все более и более проникал в Россию, делая фактически невозможным решение славянского вопроса. Во второй половине XIX в. многие консерваторы (Р.А. Фадеев, К.Н. Леонтьев, Ф.И. Тютчев) указывали на то, что вовсе не Османская империя является главным врагом славянства, а Австрия. С их точки зрения, союз с Австрийской империей и проавстрийский вектор российской политики не давали возможности освободить и объединить славян. Препятствия российским действиям, чинимые австрийцами при любом правителе, мешали решить проблему южного славянства, Молдавии и Валахии.

Кроме Австрии, Р.А. Фадеев указывал на враждебность Пруссии. Генерал-майор был уверен, что, закончив объединение германских территорий, превратившись в империю, Пруссия будет преследовать общегерманские цели и интересы и не допустит лидерства России в славянском мире. Резюмируя свои размышления о возможности союза с Германией, Фадеев писал, что «главный враг наш никак не западная Европа, а немецкое племя с его непомерными притязаниями» [Фадеев, с. 361]. Славянский и германский элементы, отмечал он, на протяжении веков были противоборствующими силами в Восточной Европе и ожидать от них примирения в эпоху общеевропейской напряженности было бы верхом глупости. «Мудрено рассчитывать на союзницу, вынужденную чувством самосохранения быть в большой части случаев соперником и даже врагом своего союзника» [Там же, с. 324]. Сближение Петра I с германским миром не принесло России желаемого: решения Восточного вопроса и объединения славянства. Союзы с Австрией и Пруссией скорее носили временный характер, отвечали сиюминутным международным условиям, но не способствовали реализации геополитических задач.

Кого же Россия могла бы считать своим союзником? Р.А. Фадеев писал о том, что Россия обречена на одиночество в мире: «нам нечего обманывать себя в значении какого бы то ни было союза с Европой. Положительные, исторические русские интересы такого свойства, что для их осуществления никто не протянет нам руку охотно» [Там же, с. 326]. Перебирая одного за другим возможных союзников России еще с петровских времен, военный публицист приходил к выводу о невозможности сколько-нибудь прочного союза ни с одной из западных стран.

Обращают на себя внимание слова Р.А. Фадеева: «...от России ни в коем случае не зависит создать союз; нас слишком остерегаются, наш почин возбудит недоверие даже тех, кому выгодно стать рядом с нами. Россия может только пристать к одному из двух лагерей, на которые со временем делится Европа. Не владея почином, трудно направлять события» [Там же, с. 328]. Россия, фактически вступившая в Европу при Петре I, встретилась с уже сложившимися противоречиями, комбинациями и дипломатическими традициями. Российскому государству предстояло принять новые для себя правила, не имея возможности их изменить. Возможно, поэтому «против исторического развития России... стоит вся Европа» [Там же, с. 318], не согласная мириться с новой геополитической силой, ломающей систему европейского баланса.

Нельзя не согласиться с мнением С. Хантингтона, отмечавшего, что начиная с XVI в. формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны против друг друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...» [Хантингтон]. Россия же практически не участвовала в этом процессе, поэтому, когда при Петре I она вошла в систему международных отношений, то вынуждена была действовать в определенных рамках. Вполне объяснимо, что в этих условиях российский император искал союзников в тех или иных вопросах. Но войны XVIII — первой половины XIX вв. показали, сколь эфемерны были союз с Австрией, а главное, те выгоды, которые Россия рассчитывала извлечь из данного альянса.

К.Н. Леонтьев с воодушевлением писал: «...конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!» [Леонтьев, с. 268]. Притом консервативные мыслители чаще упрекали в германо- или австрофильстве даже не самого Петра I, а его потомков, которые не смогли сочетать сближение с Западом и сохранение национальной самобытности во внешнеполитическом курсе.

Петр I, по мнению консерваторов, не был настолько увлечен западными культурой и традициями, чтобы забыть о собственных национальных интересах, и иностранцы, которых приглашал император, служили именно российским интересам. Сближаясь с Западом, Россия укреплялась, перенимала достижения европейской науки и техники для роста собственной военной мощи, что дало возможность «с громом Полтавской победы» войти «в политическую систему тогдашней Европы, не спрашивая ее соизво-

ления, не ища ее покровительства. У России тот же час старые великие державы стали заискивать, домогаться ее союза и помощи» [Ламанский, с. 820].

Кстати, В.И. Ламанский предупреждал славянские народы, что, тяготея к Западу, они должны руководствоваться именно опытом России, и в частности Петра I: «Мы, русские, на себе испытали, в прошлом особенно столетии, что значит это умственное подчинение восточного славянства Западной Европе. Но какая громадная разница между Россией Петра Великого и его ближайших преемников и между Сербией короля Милана Обреновича или Болгарией князя Александра Батенберга!» За столетие изменилась и сама Европа, начавшая использовать разнообразные методы — от «свободных капиталов», «системы кредита» до «железных дорог, пароходов и телеграфа», а также «наступательные средства культурного порабощения стран малых и неразвитых» [Там же]. Ламанский отмечал, что Россия Петра I существенным образом отличалась от «слабой и малой Сербии Обреновича или... малой и слабой Болгарии Батенберга», вследствие чего и отношение западных стран к сербам и болгарам будет иным.

По словам Н.Я. Данилевского, «все войны до Петра велись Россией за собственное существование — за то, что в несчастные времена ее истории было отторгнуто ее соседями». Ситуация изменилась лишь при потомках императора: Россия, вступая в те или иные союзы, все чаще помогала своим временным «друзьям», а не отстаивала собственные интересы. «Первая война, которую она вела не с этой целью и которой, собственно, началось ее вмешательство в европейские дела, была ведена против Пруссии» [Данилевский, с. 53].

Достаточно позитивное отношение консерваторов к внешнеполитическому курсу Петра I можно объяснить тем, что в своем движении в сторону Запада, российский император руководствовался лишь практическими целями и не забывал о наличии у России национальных интересов, которые лежали в плоскости не общеевропейских задач, а собственных геополитических, экономических и стратегических установок страны. «Мысль преобразователя была — просветить Россию умом Европы, но в делах внешних действовать самостоятельно, в государственном интересе России» [Гильфердинг, с. 284].

Следующая особенность, которую подмечали консервативные мыслители, — преемственность внешнеполитического курса Петра I.

Основные внешнеполитические задачи России, по мысли консерваторов, были поставлены еще во времена Средневековья и Московского Царства, отчасти решены Петром и «завещаны» наследникам. В рамках этой концепции внешняя политика России не является ответом на сиюминутные вызовы, она последовательна и берет свое начало во времена становления российской государственности. Неудивительно, что и Петра I, при всей радикальности его преобразований, консервативные мыслители воспринимали как продолжателя традиции.

По сути, те внешнеполитические задачи, которые пытался решить российский царь, были непосредственным образом связаны с историей как Киевской, так и Московской Руси-России. Те же задачи оставалась первоочередными для российского внешнеполитического ведомства в последующие эпохи. Речь идет о выходе к незамерзающим морям и стабильном удержании прибрежных территорий, о решении Восточного вопроса, тесно связанного с геостратегическими, экономическими интересами России, с вопросами безопасности и, конечно же, со знаменитой теорией старца Филофея «Москва — Третий Рим». По наследству Петру достался и славянский вопрос, а также связанная с ним польская тема. И хотя принято считать, что данные аспекты внешней политики отчетливо проявились и стали частью международной повестки лишь во второй половине XVIII — начале XIX вв., однако, например, М.П. Погодин доказывал, что именно с петровских времен славянство начинает подниматься, почувствовав силу и опору России.

Рассуждая о трансформации международного положения России в начале XVIII в., российские консерваторы писали, что при всех достижениях Петра I на дипломатическом или военном поприще его курс был преемственным по отношению к предшественникам. К примеру, Россия участвовала в Северной войне, решая давнюю геостратегическую задачу — обретение выхода к незамерзающему морю, к торговым артериям, возможности защиты своих северо-западных рубежей. М.П. Погодин, анализируя причины Северной войны, писал: «Скажут, жила Россия без берегов почти тысячу лет! Жила, пока все соседи заняты были дома, пока они оставались вдали от нее и не могли еще простирать на нее своих видов. Обстоятельства переменяются, теперь и Китай недалеко от Англии. А покорение берегов, то есть присоединение Лифляндии, стоило Петру Великому двадцатилетней войны, которая была почти главной задачей всей его жизни, первой заботой от осады Нарвы до Ништадтского мира и окончилась только за четыре года перед его кончиной. Сколько мер и распоряжений соединено было с этою тягостной и решительной войной? Впрочем, и эта мысль, мысль о покорении Лифляндии, досталась ему также по наследству от его предков, которые по какому-то удивительному предчувствию (заметному часто в истории государств и наук) были особенно ей привержены; припоминаю о двадцатилетней войне Иоанна Грозного, который только в очаровании своего болезненного страха уступил ее Баторию; припоминаю о глубокомысленных мерах и усилиях Бориса Годунова и, наконец, о походе в царствование Алексея Михайловича. Следовательно, Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершителем предприятия, замышленного, может быть, и без дальних видов, его предками» [Погодин, с. 711].

Необходимо отметить, что под преемственностью некоторые отечественные консерваторы понимали и еще один важный аспект: достигнутое Петром I часто становилось возможным благодаря той экономической и военной базе, тому положению, которого добились или создали его предшественники. «Петровское государство побеждает с силами еще допетровской России», — писал К.С. Аксаков, а «все внешние дела Петра и его преемников... совершены силами той России, которая возрастала и окрепла на древней почве...» [Аксаков, с. 469]. Разрушение данной традиции, по мнению К.С. Аксакова, было чревато ослаблением России.

В отличие от внутренней, внешняя политика Петра I демонстрировала приверженность традиции, следование курсу, заложенному в предшествующие эпохи, что и предопределило одобрение со стороны народа, высоко оценивавшего деятельность царя именно за реализацию национальных задач и интересов. Положение страны на международной арене трансформировалось, но речь не шла о радикальной смене внешнеполитических целей.

Этой особенностью можно объяснить и актуальность геополитических установок петровской эпохи в свете современной международной полемики. Как справедливо заметил президент В.В. Путин, «цели нашей внешней политики имеют стратегический, неконъюнктурный характер и отражают уникальное место России на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации» [Путин, с. 118]. Мысль, высказанная в начале XXI в., по сути является продолжением того видения международной роли России, которое сложилось в рамках консервативного дискурсивного поля XIX в. благодаря детальному анализу основ российской внешней политики, в том числе петровского времени.

Таким образом, преемственность и национально ориентированный курс — это, своего рода, две константы внешней политики Петра I, на которые указывали консерваторы XIX в. Именно эти принципы внешнеполитического курса помогли стране стать полноправной силой на европейской арене, устанавливать свои правила и следовать собственным интересам.

С точки зрения международного положения России, петровская эпоха — это, по мнению консерваторов, время активного включения страны в мировую повестку, в процесс формирования этой самой повестки. Как отмечали историки, Петр столкнулся с серьезной проблемой — вхождением в Европу, где уже сложились определенные союзы, противоречия, система центра и периферии. Однако в этом сложном пространстве он сумел не просто заявить о себе, но и занять ведущее положение.

Петром I были обозначены и начали решаться многие геополитические задачи, которые впоследствии перешли по наследству следующим поколениям. В отечественном консервативном дискурсе XIX в. с его именем связывалась постановка вопроса о присутствии и роли России на Балтике и в Черном море, о судьбе славянства, о будущем Османской империи, о степени и характере взаимодействия с Западом. Нередко консерваторы отмечали, что если у Петра хватало воли и решимости в процессе сближения с Западной Европой позиционировать себя равноправным партнером, то правители XIX в. подобные качества растеряли, и, «не сходя с пути, по которому она следовала с Петра, Россия перешла в направление диаметрально противоположное тому, которое она приняла под рукою великого преобразователя» [Гильфердинг, с. 284]. Огромной исторической заслугой первого российского императора было то, что он сумел определить и утвердить место России в меняющемся европейском пространстве, заявить о наличии у нее собственных геополитических устремлений, трансформировать внешнеполитический курс страны, сохраняя преемственность по отношению к ключевым задачам, поставленным его предшественниками.

Литература

Аксаков И.С. О «Записке» К.С. Аксакова, поданной императору Александру II // Отчего так нелегко живется в России? М. 2002.

Арсланов Р.А., Линькова Е.В. Страны Запада и их внешняя политика в восприятии российских консерваторов и либералов XIX века. М. 2018.

Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. М. 2009.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. 2011.

Консерватизм в России и мире. В 3-х ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж. 2004.

Ламанский В.И. Геополитика панславизма. М. 2010.

Леонтьев К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М. 2010.

Линькова Е.В. Внешнеполитическая концепция российских консерваторов XIX века. М. 2021.

Линькова Е.В. Внешнеполитический курс Николая I в оценках отечественных консерваторов первой половины XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 1. С. 17–24.

Павленко Н.И. Михаил Погодин. М. 2003.

Погодин М.П. Вечное начало. Русский дух. М. 2011.

Путин В.В. «Россия сосредотачивается, собирается с силами — и достойно отвечает на любые вызовы». Авторские статьи. 2012 год. М. 2012.

Репников А.В. Русские консерваторы о природе и сущности самодержавного государства и власти // Перспективы. 27.11.2008. — URL: perspektivy.info/book/russkie_konservatory_o_prirode_i_suschnosti_samoderzhavnogo_gosudarstva_i_vlasti_2008-10-27-11-52.htm (дата обращения: 24.11.2021).

Ростопчин Ф.В. Мысли вслух на Красном крыльце. М. 2014.

Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. 2010.

Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 3. М. 2003.

Фадеев Р.А. «Мнение о восточном вопросе» // Наш военный вопрос. Военные и политические статьи. СПб. 1873.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. 2003. — URL: modernlib.ru/books/hantington_samyuel/stolknovenie_ civilizaciy/read_1 (дата обращения: 24.11.2021).

Хевролина В.М. Власть и общество. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878-1894 гг. М. 1999.

Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. 2007.

Цымбурский В.Л. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6, С. 86–96.

УДК 93/94
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-36-48

Андрей Андреев

Петр Великий. «Государь, которому нигде не было подобных...»

Аннотация. *Статья посвящена комплексной оценке исторической роли и места Петра Великого как в отечественной, так и в мировой истории. Показана роль Петра Великого в создании базовой модели российской модернизации, раскрыты основные особенности этой модели. Значительное внимание уделяется проблеме оригинальности социального и политического творчества Петра Великого и его соратников. Обсуждается вопрос о революционном характере петровских преобразований, рассматривается соотношение в них преемственности и обновления, анализируются основные черты петровской «просветительской революции». В статье подчеркивается, что петровские преобразования не были чисто личной инициативой «самодержавного исполина», а были подготовлены всем внутренним развитием русского общества. В этой связи в статье анализируется вопрос о социальной поддержке петровских преобразований и их влиянии на социальную структуру российского общества рассматриваемой эпохи.*

Ключевые слова: *Петр Великий, Просвещение Петрово, российское общество, вариативность модернизации, модель развития, модель культуры, современность (modernity), «просветительская революция», российская наука, российские традиции.*

XVII век в масштабах мировой истории — это время рождения современности (modernity). Современности — не в обычном хронологическом, а в социологическом смысле этого слова. Мы имеем в виду превращение традиционных средневековых обществ в общества нового типа, все более ориентированные не на воспроизводство сложившихся социальных образцов, а на управление собственной судьбой, динамичное развитие и целенаправленное преобразование мира, опирающееся на рациональное аналитическое мышление, постоянное углубление наших познаний и эффективные научно обоснованные технологии. С начала XVII в. на данную модель развития постепенно выходит и Россия. Однако решающий шаг в этом направлении был сделан в конце столетия, когда вся государственная власть сосредоточилась в руках молодого царя Петра Алексеевича, который придал процес-

Сведения об авторе: *Андреев Андрей Леонидович — главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) РАН, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова (ВГИК) и Национального исследовательского университета МЭИ, доктор философских наук, sympathy_06@mail.ru.*

сам модернизации невиданные до той поры радикальные формы, ускоренный темп и глубину. Итогом проведенных Петром преобразований стало превращение России из не слишком влиятельного государства европейской периферии в первоклассную мировую державу.

Хорошо известно, что петровские нововведения были навеяны знакомством с передовым в то время зарубежным опытом. И это обстоятельство часто с бесхитростной прямолинейностью трактуется как простое заимствование, перенос на русскую почву тех или иных зарубежных первообразов. На самом деле данный вопрос намного сложнее, его надо рассматривать в свете общей логики инновационного процесса, в полной мере проявившуюся еще в древности. Важны ведь не только первый проблеск идеи и первый опыт ее осуществления, но и этап «доводки», который имеет самостоятельную ценность. Так, греческие философы черпали начала математических знаний у египтян и вавилонян, однако только у греков эти знания превратились в настоящую науку, получив, таким образом, совершенно новое качество. А, скажем, знаменитая македонская фаланга, создавшая историческую славу первоначально не очень большому, теснимому со всех сторон Македонскому царству, — это тоже заимствование; будущий македонский царь Филипп перенял ее у фиванцев, но именно он, а затем его сын Александр довели это военное построение до совершенства и создали на его основе армию, завоевавшую почти весь тогдашний мир.

Петр Великий тоже осуществлял «доводку» многих возникших на Западе идей, проектов и практик, обобщая их через адаптацию к иной — российской — реальности. Однако добавим, что он, его сподвижники и прожектеры Петровского времени сами также были авторами многих оригинальных идей, часть которых была реализована на практике. Такова, к примеру, система знаменитых цифирных школ, для которой очень трудно было бы подобрать какие-либо зарубежные аналоги. И все же дело не в отдельных частностях. Несмотря на некоторую хаотичность Петровских преобразований, очень специфический («лихорадочный») ритм их осуществления и чисто ситуативный характер многих принимавшихся в то время решений, в них есть не только непреклонная целеустремленность, но и определенное стратегическое единство. Ретроспективно оценивая историческую роль Петра-реформатора с высоты понимания того, как пошла отечественная история после него, и сравнивая результаты его правления с результатами деятельности других государственных деятелей, в разное время стоявших у руля Государства Российского (включая советский период его истории), можно говорить о том, что при Петре в общем и целом выработалась адекватная как объективным условиям развития нашей страны, так и ментальности россиян оригинальная модель модернизации, которая в различных своих модификациях действовала на протяжении более чем трех столетий и, по всей видимости, остается актуальной вплоть до настоящего времени.

Главной особенностью этой модели является, во-первых, довольно радикальная для своего времени меритократическая стратегия социальной мобильности, а, во-вторых, специфическое понимание роли, функций и обязательств государства, которое заметно

отличается от принятого на Западе. Государство в этом понимании его задач не просто придает законодательную определенность сложившимся состояниям общества и исполняет роль арбитра во взаимодействии социальных субъектов, но выступает в качестве смыслополагающей инстанции, предлагающей обществу определенную матрицу «главных смыслов» и определенную перспективу развития. Связка этих двух принципов довольно долго обеспечивала стабильность созданной Петром государственной системы, несмотря на всем известные эксцессы фаворитизма и крепостничества. Но вот в пореформенной, вступившей на путь капитализма, России смыслополагающая функция государства стала быстро ослабевать, что, мы полагаем, сильно способствовало нарастанию кризиса власти и ее разрушению в феврале 1917 г. В послеоктябрьский период эта функция на некоторое время была восстановлена — правда, на совершенно другой идеологической основе; но когда в последние годы советской власти она вновь стала деградировать, уступая напору массовых потребительских настроений, исходящих в том числе и от перерождающейся советской элиты, это быстро привело страну к политической катастрофе 1990-х годов.

Характеризуя место России в мировой истории через личности и дела ее правителей, молодой Карамзин писал: «У нас был свой Карл Великий: Владимир, свой Лудовик XI: Царь Иоанн, свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий» [Карамзин, с. 252]. Государь, которому нигде не было подобных... Фактически это означает, что инновационным, необычным и, разумеется, неповторимым явлением была как сама личность Петра Великого, так и весь стиль его деятельности. Его неуемная любознательность, стремление все попробовать собственными руками чрезвычайно ярко отразило как прометеевский дух модернизации Нового времени, так и некоторые характерные особенности национальной ментальности, ту специфическую ее установку, которую Ленин в одной из статей о Л.Н. Толстом очень метко назвал стремлением «дойти до корня». Не будет преувеличением утверждать, что своим примером Петр Великий будил соответствующие склонности и в своих подданных, причем — самого разного социального положения. Именно при Петре и под влиянием его деятельности в российском обществе становится заметным новый социальный тип увлеченного исследователя и изобретателя, какими были, например, А.А. Нартов, а позднее М.В. Ломоносов. Но, называя эти известные в истории имена, не забудем при этом о лицах второго и третьего ряда — таких, как скромный екатеринбургский учитель Федор Санников, который по собственной инициативе вне службы стал заниматься «приращением науки» (его скромным вкладом в это дело стали журналы многолетних «метеорологических обсерваций»).

Петр, по меткому и очень глубокому определению А.С. Пушкина, был «революционером на троне». А Петровские преобразования стали едва ли не первым в истории примером так называемой революции сверху, что, разумеется, добавляет в характеристику выработанной в ходе Петровских преобразований модели развития черты инновационной уникальности. Повторимся: мы говорим не просто о реформаторстве и реформах (примеров реформаторской деятельности европейских и русских правителей немало

найдется и до Петра), а именно о революции. Однако этот тезис нуждается в определенных пояснениях[1].

По традиции, идущей от политической мифологии начала XVIII в., петровскую Россию было принято рассматривать как прямую противоположность допетровской Московской Руси. Традиция эта до сих пор в значительной степени определяет образы прошлого, сложившиеся и прочно укоренившиеся в массовом сознании, для которого Петр I — любимый исторический герой, равного которому не было ни в предшествующие, ни в последующие эпохи. Однако в исторической науке со времен С.М. Соловьева и его «Публичных чтений о Петре Великом» утвердилась другая точка зрения, обнаруживающая прямую преемственность государственной, общественной и культурной жизни с событиями и явлениями петровского царствования. Представление о петровских преобразованиях как о «буре», которая смела с лица земли все старые традиции и повернула русскую жизнь на новые, чуждые ей ранее пути развития, уступила место другому, более органическому пониманию связей между московской стариной и «новшествами» XVIII в. [См.: Пресняков]. Если первая точка зрения представляет Петра титаном-демиургом, создавшим «новую Россию» буквально из ничего, то вторая иной раз почти совсем отказывает ему в подлинном новаторстве, считая, что он лишь торопливо и порывисто довершал начатое при его отце, брате и сестре, делавших то же самое дело более осмотрительно, но вместе с тем и более основательно.

Как разрешить возникающее здесь противоречие? На наш взгляд, оба подхода в определенном смысле соответствуют действительности. И в тоже время сами по себе они... оба неверны. Парадокс этот можно разрешить, лишь если рассматривать их в некотором более широком контексте.

Прежде всего очень существенно то, какой личностный смысл мы вкладываем в понятие революции. Кто-то видит в них локомотивы истории, а кто-то лишь разгул насилия и смуту. Если рассматривать революционность как интегральное социологическое определение петровской эпохи и ключ к пониманию ее исторического смысла, то надо, прежде всего, вспомнить, что революции очень редко представляют собой единичные события. В большинстве случаев они группируются в своего рода серии — революционные циклы, когда в течение определенного промежутка времени («революционной эпохи») происходит чередование фаз обострения и фаз относительной стабилизации (подъемы и спады революционной волны). Так, в Англии между 1640 и 1688 гг. произошло две революции, во Франции за период 1789–1870 гг. — четыре, в Испании, начиная с 1808 г. — пять, в России в XX в. — по крайней мере, три (а если считать имевшие многие черты революции коллективизацию и события августа — декабря 1991 г., то пять) и т.д. Если принять предложенное нами в наших более ранних публикациях сопоставление российской Смуты с европейскими трансформациями начала Нового

1 Дальнейший текст является краткой авторской версией отдельных глав из книги: Андреев А.Л. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М. 2014. В данном виде публикуется впервые.

времени [Андреев, с. 89], то логично было бы рассматривать его как начало, а петровские преобразования — как завершающий акт первой в истории России революционной эпохи.

В таком контексте петровские преобразования как раз и предстают в одном аспекте как эволюция, совершенно логичное продолжение определенного направления развития (в данном случае — того проникновения в Россию европейских обычаев и образа жизни, которое начиналось еще при его ближайших предшественниках) и *одновременно*, но уже в другом событийном ряду, как разрыв, «перерыв постепенности», причем не только по отношению к старомосковской традиции, но и по отношению к тем формам освоения иноземного опыта, которые сложились при Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче. При этом, в отличие от более ранних ее стадий, революционный процесс охватывает уже не только социально-политические отношения, но и сферу культуры, начиная от государственной идеологии и кончая бытовым поведением.

Известно, что революция — это очень быстрая качественная трансформация общества, в ходе которой разрыв со старым социальным порядком осуществляется с применением насилия. Революции «ломают старое» и одновременно создают новые формы социальности. Это исходный пункт, с которого начинает любая социологическая теория, независимо от того, на каких концептуальных основах она строится и каких идеологических установок придерживается. Дальше же, как правило, указывают на конкретизирующие признаки, которые характеризуют ведущие к переменам социальные действия (активизация масс, характер и масштабы насилия, слом государственного аппарата, смена элит и др.). При помощи этих признаков, набор которых от теории к теории несколько варьируется, решается обычно общая задача разграничения революций и иных способов модификации социальных систем (таких, как «мирная» реформа или, допустим, государственный переворот). Разграничение это, однако, всегда вызывало трудности и никогда не могло быть проведено достаточно четко, что само по себе указывает на изъяны такой методологии. На наш же взгляд, гораздо важнее другое: специфической особенностью революций как таковых является то, что они являются своего рода коммутаторами режимов развития. Но не столько в старом марксистском смысле чередования относительно периодов постепенной эволюции со «скачками» от одного качественного состояния к другому, сколько в смысле перехода с линейной траектории развития на ветвящуюся и обратно. Если рассмотреть данный вопрос в рамках целостного революционного цикла, то, как нетрудно показать, открывающий его социальный кризис как раз и создает спектр новых исторических альтернатив, тогда как заключительный захлопывает все окна возможностей, кроме одного, и вновь на какое-то достаточно длительное время выводит общество на путь линейной эволюции. И в самом деле, в петровских преобразованиях нетрудно увидеть характерные признаки такой «заключительной» революции. Укажем, в частности, на то, что в ходе этих преобразований был окончательно решен вопрос о направлении и характере российской модернизации. А именно: страна бесповоротно и необратимо стала на путь модернизации сверху, проводимой

под патронажем государственной власти. Остальные же исторические возможности в результате этого были закрыты.

Одно время в литературе часто высказывалось мнение, что мотивы предпринимавшихся Петром действий и мер в конечном счете сводятся к решению узко прагматической задачи возможно более быстрого создания боеспособных вооруженных сил, способных противостоять другим европейским армиям того времени. Однако на самом деле петровские преобразования уже на ранней стадии стали приобретать черты многогранного соревновательного проекта, мотивируемого стремлением «посчитаться славой» с ведущими странами Европы. Россия отказывалась от освященной традицией сакрализации своего места в мире и становилась *одной из* многих стран Европы. Но — с целью занять среди них достойное положение, которое признавали бы (не смогли бы не признать) все остальные страны. Альтернативные этому «государственному европеизму» социально-исторические проекты, например, основанные на идеологии «третьего Рима» (именно такой вариант отстаивали, в частности, вожди раскола, чьи идеи находили отклик как у некоторых высокопоставленных представителей боярства, так и в низовых социальных слоях, в частности у посадских людей и стрельцов), со времени Петра окончательно подавляются либо оттесняются на положение маргинальных, не способных при сложившихся исторических обстоятельствах претендовать на достаточно широкое, а тем более общенациональное значение.

Рассматривая «славные дела» Петра как продолжение того, что делали его отец, старший брат и сестра, нельзя упускать из вида то, что петровская эпоха внесла в процесс модернизации не только новые темпоритмы, размах и склонность к повсеместному и скорому применению насильственных мер. По сути это была своего рода реконструкция всего проекта модернизации сверху, не только наделившая его новыми смыслами, но и разрешившая некоторые возникшие в его рамках противоречия. И, собственно говоря, именно эта реконструкция обеспечила окончательное торжество данной линии модернизации (хотя, как мы уже говорили выше, ее преобладание стало обозначаться несколько ранее). Вся петровская эпоха, за исключением нескольких первых лет, окрашена неповторимым духом романтики «практического делания» и дерзкого напора, передать который под силу лишь художнику — научные понятия для этого слишком сухи и лишены той яркой, чувственно осязаемой наглядности, которой обладают литература, живопись, кинематограф, создавшие, каждый по-своему, выразительные образы царя-преобразователя и его времени. И если возгонка конкретного многообразия событий в сферу теоретического мышления, где реальная история предстает в виде схемы исторического процесса, может иной раз привести нас к мысли о том, что во всем действительно существенном Петр лишь следовал курсу, намеченному его предшественниками, то живые впечатления убеждают в том, что петровская эпоха — это нечто *совсем другое*, чем царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

Вряд ли надо специально доказывать, что петровские преобразования носили ярко выраженный просветительский характер. И если мы отмечаем их революционный ха-

рактер, то к этой характеристике вполне уместно добавить еще и соответствующий эпитет: *просветительская* революция. Бесспорно, просветительские тенденции дают о себе знать и при предшественниках Петра. Они проявляются то тут, то там, но... как бы независимо от государственного целеполагания, которое было основано на идее создания всемирного православного царства или, по крайней мере, консолидации православного мира вокруг Москвы. При Петре же целью становится создание «просвещенной России», вследствие чего просвещение впервые приобретает черты национального проекта.

Осуществленная в России на рубеже XVII и XVIII вв. смена культурных образцов отнюдь не была просто данью личным симпатиям и вкусам юного Петра Алексеевича, любившего наезжать в Немецкую слободу и водившего дружбу со многими ее обитателями. Конечную ее основу, несомненно, надо искать в объективно назревших, хотя в то время еще не вполне осознанных, социальных потребностях, с которыми эти вкусы и симпатии совпадали (что, с одной стороны, несомненно облегчало реализацию этих последних, но, с другой стороны, создавало Петру сильную политическую опору, компенсирующую его неприемлемую для многих экстравагантность). Стилистически русская культура XVII — начала XVIII вв. — это культура барокко, ведущим мотивом которого является беспрестанное движение, динамизм. Но тот пересмотр культурных и идеологических ориентиров, который произошел в России при Петре, привел к реинтерпретации идеи динамизма, причем достаточно радикальной. Как заметил в свое время А.М. Панченко, в польско-латинском барокко и его украино-белорусских вариациях преобладал вербальный аспект. Апофеоз слова — вот главный принцип Симеона Полоцкого и других эрудитов-латинистов, задававших тон в придворных кругах времен Алексея Михайловича и его сына Федора. Их динамизм — это динамизм причудливых словесных мозаик, сложных, нередко вычурных, искусственно напряженных словесных конструкций. В противовес этому Петр и его время отвергают самодовлеющий культ слова во имя культа дела и вещи. На место динамизма, трактуемого как производство слов, выдвигается динамизм созидания предметного мира, энергетика производства вещей (или, если говорить точнее, полезных вещей). Не случайно царя, так любившего позиционировать себя в роли «мастерового», раздражала самодовлеющая словесная изысканность, и «высоким словам словенским» он предпочитал стиль и лексику Посольского приказа.

Новому типу русской культуры, который вырабатывался в ходе петровских преобразований, соответствовала и новая модель образованности, ориентированная не на отвлеченную ученость, а на подготовку к различным предметно-практическим видам деятельности. Рядом с изощренным мастером элоквенции, поднаторевшим в хитроумных спорах ритором, воспитанным на античной классике эрудитом, постепенно оттесняя их, возникают новые социальные фигуры — инженера, артиллериста, врача, кораблестроителя, моряка. Сфера образования настраивалась на выработку специфического «продукта», который впоследствии было принято называть «дельным человеком». «Дельный человек» петровской эпохи — несомненно, восприемник той «борзости» как стиля жизнедеятельности, который проявился в русской жизни уже в середине XVII

столетия. Но его отличает еще одно важное качество — особого рода компетентность, значительно выходящая за пределы чисто рецептурного знания мастера-ремесленника. Такая компетентность дается обучением, в основу которого положена трансляция от учителя к ученикам не только некоторых практически наработанных навыков, но и особого способа понимания окружающей действительности, ориентированного на воспроизведение вещей в их действительных (иначе говоря, первичных) качествах.

Речь идет об освоении результатов еще одной революции — интеллектуальной революции, происходившей в основных центрах европейской модернизации — в Италии и в бассейне Северного моря, где в XVI–XVII вв. созрели предпосылки новой науки и сформировался особый тип рациональности, соединившей эксперимент с математическим описанием реальности и рефлексивно-технологическим отношением к деятельности мышления (постановка проблемы метода и ее специальная целенаправленная разработка). Философия Нового времени ориентировалась на формирующуюся науку, которая должна была осветить все вокруг совершенно новым светом, а наука, как организованная деятельность по производству знаний, в свою очередь, должна была исходить из перспективы практического применения своих выводов с целью получения конкретных материальных результатов и овладения окружающим миром: знание — сила. В ходе становления новоевропейской науки старая ученость схоластически-книжного типа была отвергнута, а в борьбе с ней утверждалась идея изучения «великой книги природы».

В этом социокультурном и идеологическом контексте главной задачей образования как раз и становится воспроизводство в новых поколениях тех специфических форм рациональности, на которые опиралось и из которых вырастало научное мышление, а также обучение характерным для этой рациональности способам понимания вещей и явлений. Если в средневековой христианской культуре отношения учителя и ученика понимались, в первую очередь, как духовное наставничество, то теперь их смысл изменился и стал интерпретироваться преимущественно как передача знаний. При этом идея научного образования постепенно сопрягалась с философской антропологией «естественного человека» и основанной на ее принципах социальной педагогикой, в результате чего образование, которое в прошлом выполняло сугубо вспомогательную функцию, заняло в культуре Нового времени место совершенно самостоятельной ценности.

Осуществленная при Петре смена культурной модели положила начало целенаправленному и сознательному культивированию научной рациональности, созданию в России ориентированного на научную рациональность образования, а затем и натурализации на русской почве самого *социокультурного института науки*. Причастность к науке приобретает значение ведущей ценности, причем не просто инструментальной, но терминальной, так или иначе связанной с идентичностью человека петровской формации.

Для более ясного и отчетливого понимания данного тезиса небезынтересно задуматься над одним характерным эпизодом пребывания Петра в Голландии, относящим-

ся ко времени так называемого Великого посольства [См.: Буганов, с. 40 - 41]. Стремясь доставить удовольствие высокому гостю, дипломатичные хозяева заложили в его честь фрегат «Апостолы Петр и Павел» с тем, чтобы строительство от начала и до конца шло на его глазах и при его участии. И здесь царя ждало неожиданное для него открытие. А именно, то, что голландские кораблестроители работают на глаз, и у них «нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципии, прочее ж с долговременной практики» [Петр I, с. 14]. Казалось бы, данная информация эмоционально совершенно нейтральна, и Петру просто надо было принять ее к сведению. Но нет, его реакция оказалась совсем иной: «тогда зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего воспринял» [Там же]. Что же не устроило «урядника Преображенского полка Петра Михайлова»? Может быть, без знания геометрии было невозможно построить достаточно хороший корабль? Однако это не так. То, с чем Петр столкнулся на амстердамских верфях, было в те времена обычной практикой, и не доверять работавшим здесь мастерам у него не было никаких оснований. С точки зрения корабельного дела как такового, чрезвычайно эмоциональная реакция русского царя выглядит необъяснимой. Но она становится вполне понятной, если рассматривать ее как ответ на нарушение базовой для него картины мира, в котором все совершается в соответствии с наукой и в котором постигаемый научным разумом математический порядок (знаменитая петровская «регулярность») был едва ли не самым важными смыслообразующим элементом.

Вопрос об отчетливо выраженной математической ориентации петровской школы вообще весьма интересен и имеет принципиальное значение. Диктовалась ли эта ориентация только потребностями военно-прикладного характера? Несомненно, акцент на изучение арифметики и геометрии имел во многом именно такое значение. Но не только. Изучение математики в петровской школе никак нельзя свести к чисто технической выучке. Математика связана с формой мышления, а через нее — с формой культуры вообще (не случайно, кстати, в относящемся к петровскому времени проекте Академии политики также предусмотрено было преподавание арифметики, геометрии и «наутики»). Речь идет также и об определенных мировоззренческих символах, главным среди которых становилась наука, самым совершенным образцом которой, своего рода *наукой perse*, почиталась именно математика. Петр хочет не только побеждать на поле боя и занять выгодные ниши в мировом товарообмене, но, если так можно выразиться, переделать, «перекроить» россиян. Характерно, что образ России «отрожденной» (т.е. переродившейся), мотив преображения россиян в «новый народ» постоянно звучат в риторике нарождающейся «просвещенной империи» [См.: Лотман]. В этом смысловом контексте изучение математики оказывается не только приобретением неких знаний, но и средством своего рода антропологического превращения. Фактически оно выступает даже как некий «ритуал посвящения».

Специфической особенностью просветительской революции Петра Великого, была ее тесная связь с процессами перегруппировки социальных слоев. Основные элементы просвещения, включая школу, выступали в качестве инструментов трансформации общества в целом, поэтому и своей репрессивной стороной просветительская моби-

лизация начала XVIII столетия была обращена не только к социальным низам, но и к привилегированной части населения. Зато в содержательном плане образование в петровской России было менее, чем где-либо, сжато тисками социального неравенства. Несколько позже ситуация изменится, но «в начале славных дел» российская разносословная школа была по меркам того времени необычайно демократичной. Кстати, этот специфический социальный профиль в сочетании с использованием чрезвычайно радикальных мер также придает просвещению Петровской эпохи характерно революционный облик. Например, по ведомостям 1714 г. в московской Навигацкой школе из 190 учеников было всего 29 дворянских недорослей (чуть больше 15 %), остальные же — дети солдат, подьячих, приказных, посадских, дворового чина и др.; особо отмечены, кроме того, три человека «польской породы». В московской военно-инженерной школе из 100–150 положенных по штату учеников 2/3 должны были быть дворянами. Но вряд ли эта пропорция выдерживалась на практике. Во всяком случае в 1720 г. Военная коллегия постановила направить сюда 100 юношей «из всяких чинов людей» [Рождественский, с. 11–13]. Точно так же в артиллерийскую школу в 1716 г. велено было набрать для обучения соответствующим наукам «добрых людей из низших пород». [Там же].

Не приходится сомневаться в том, что значительная часть, если не большинство, населения видело в «просвещении Петровом»[1] своего рода напасть, а рекруты, попавшие в водоворот «просветительской мобилизации», сплошь и рядом стремились ее избежать или дезертировать. Но можно ли ограничиться только констатацией того, что указы о школах, как и все остальные петровские распоряжения, очень часто «писаны кнутом», а население, естественно, старалось от этого кнута уклониться?

Поучительно в этом плане сравнить российскую ситуацию с тем, что почти одновременно происходило в Турции, искавшей свои ответы на ту же проблему отставания от европейского научно-технического прогресса Нового времени.

Если судить по внешним, поддающимся непосредственной и прямой оценке критериям, турецкая модернизация стартовала, пожалуй, с более высокой точки, чем российская. В XVII в. только в Стамбуле было около 65 учебных заведений повышенного уровня — медресе; начальные же школы при мечетях имелись практически в каждом квартале. Претендовать на высшие должности в империи могли лишь выпускники нескольких самых прославленных медресе (Баязида, Айя София, Мехмета Завоевателя и Сулеймана Великолепного). Отметим, что на берегах Босфора существовали еще и специальные учебные заведения для изучения «благородной медицинской науки» [См.: Мантран, с. 253 - 263]. Допетровская Москва выглядит на этом фоне более, чем скромно.

Необходимость осваивать европейский опыт была осознана турецкой политической элитой лишь ненамного позже, чем российской. Еще в 1720 г. во Францию было на-

1 Выражение М.В. Ломоносова.

правлено посольство, которому было предписано внимательно изучить достижения этой страны в промышленности, науке и культуре. Наконец, в самом конце XVIII в. султан Селим III попытался окончательно переломить ситуацию и провести далеко идущие системные реформы, взяв за образец в том числе и петровские преобразования. Как и русский царь, молодой султан начал формировать обученные по-новому воинские части, открывал военные школы для подготовки артиллеристов, моряков и инженеров (преподавателями были в основном французские офицеры), старался содействовать распространению научных знаний, для чего при его поддержке была создана библиотека европейских книг. Реформы Селима III (Низам и-джедид) способствовали возникновению в османской элите небольшого, но довольно влиятельного интеллектуального ядра, выступающего в качестве проводника западного влияния. Однако завершились они совсем не так, как петровские преобразования. Поддержанный религиозным авторитетом улемов мятеж янычар (в которых можно видеть своеобразный аналог стрелецкого войска) положил конец правлению Селима. При этом жертвами трагических событий стал не только сам султан-реформатор и близкие к нему сановники, но и некоторые турецкие интеллектуалы.

Как видим, в ситуации утверждения новых форм просвещения был возможен не только «петровский» вариант развития событий. Наверное, Петр был более решительным и энергичным правителем, чем Селим, хотя самодержавной власти ни тому, ни другому было не занимать. Но как бы мы ни относились к первому императору Всероссийскому и его окружению, личные качества монархов для объяснения обсуждаемых нами различий отнюдь не достаточны. Новое в петровской России идет не только извне, и оно не просто насаждается, но в то же время как бы прорастает рядом с традицией, а иногда и вырастает непосредственно из нее самой. Так, если в Турции учащиеся медресе (софты) выступали в качестве сплоченной группы против любых преобразований и противились даже таким нововведениям, как использование в школах географических карт [См., в частности: Желтяков, Петросян, с. 14], то в России один из виднейших представителей церковной иерархии архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий в 1700 г. лично составил для Петра I небольшой, но имевший большое значение для военно-топографических изысканий на Севере географический путеводитель «Описание трех путей из державы царского величества ис поморских стран в Швецкую землю и до столицы их». Вообще же Холмогорский владыка известен историкам не только своей широкой культурной эрудицией (голландский путешественник Корнейль де Бруйн, в частности, характеризует его как любителя изящной литературы), но и разносторонними естественнонаучными интересами. С нашей точки зрения, особенно примечательно то, что речь сейчас идет отнюдь не о воспитанном в католических коллегиумах поклоннике западной учености, а о представителе коренного великорусского духовенства, одном из активных деятелей «греческого» направления, в свое время сыгравшим ключевую роль в их полемике с «латинствующими».

Российский социум, каким он был к моменту воцарения Петра, — это беспокойный, деятельный и вместе с тем «любознательный» социум, ревниво присматривающийся к опыту и достижениям других народов. Из драматического опыта столкновения с За-

падом, которое потребовало предельного напряжения сил, вырос напряженный дух состязательности, побуждающий русских людей постоянно доказывать на деле свою способность стоять на уровне ведущих (или признаваемых за таковые) стран и народов. Не случайно в инициативных проектах петровской эпохи также говорится о том, чтобы сравняться со всеми европейскими государствами «во всех свободных науках» [Салтыков, с. 58]. Причем вопрос ставился отнюдь не только в плане подготовки технических кадров, умеющих не хуже «немцев» решать те или иные прагматические задачи, но и ради стяжания себе «умного имени» [Там же]. Последнее означает, между прочим, что знание «свободных наук» приобретало некий этический смысл, становилось ценностной категорией, задающей меру достоинства отдельных людей и целых человеческих общностей (в том числе государств).

Петровская просветительская революция открывала перед социально активной частью дворянства (да и свободного населения вообще) совершенно новую перспективу. И как бы ни тяготили новые обязанности многочисленных «простаковых», люди с высоким уровнем личных амбиций (а именно они всегда образуют наиболее активную и дееспособную часть социальной группы) не могли этого не заметить. Одновременно происходила и своего рода реконструкция элиты. Новая идеология формировала смысловое поле, в котором становилась возможной и приемлемой интеграция старинной аристократии с дворянством, а с другой стороны — пополнение последнего отдельными даровитыми выходцами из низших сословий. Это придало всей социальной системе дополнительную степень динамизма, запас которого обеспечивал достаточно успешное развитие страны на протяжении почти целого столетия.

Создаваемый Петром «чин учимых» предполагал новую социальную иерархию, которой в допетровской России не было. Эта иерархия, правда, не отменяла сословную, но отчасти ее дополняла, переплеталась с ней и в конечном счете даже трансформировала ее в соответствии со своей собственной логикой. По мере того, как компетентность, основанная на рациональном понимании предмета деятельности, а в конечном итоге — на научном знании, все больше требовалась в самых разных сферах жизни общества, она приобретала значение *социального капитала*. Собственно, тенденция эта обозначилась еще задолго до петровских преобразований. Однако реально использовать свои познания как капитал можно было только ситуативно — выдвигались люди, лично замеченные государем или его ближними. Реально такое положение вещей давало неписанные преимущества знати и столичному дворянству, которые по самому своему положению были на виду. Из них в основном и черпались кадры на сколько-нибудь заметные должности, в том числе и в провинции.

В отличие от этой практики, знаменитая «Табель о рангах» создавала публично-правовое пространство восходящей мобильности. Теперь продвижение формально ставилось в зависимость от успешного выполнения тех или иных служебных функций, дифференцированных по уровню ответственности и сложности. Таким образом, возникали одновременно и механизм, и алгоритм конвертации знаний и квалификаций в статусные позиции, включая доступ отнюдь не родовитых, но дельных людей в «пер-

венствующее сословие». Конечно, на практике конвертация эта была далеко не прямой и вовсе не независимой от разного рода субъективных факторов. Но все же механизм действовал. Безусловно, в первую очередь это касалось военной службы, но там, помимо профессиональной подготовки и талантов, вознаграждались храбрость, решительность, способность переносить лишения и рисковать собственной жизнью. Гражданская служба, где значение образованности и обширных познаний в значительно меньшей степени заслоняется значением других качеств, вознаграждалась значительно скупее. В еще большей степени это касается собственно ученых занятий, которые не имеют непосредственного отношения к исполнению функций государственного управления. Однако и этот путь, начиная с эпохи Петра, позволял занять если и не слишком высокое, то во всяком случае достаточно заметное место на социальной лестнице.

Литература

Андреев А.Л. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М. 2014.

Буганов В.И. Петр Великий и его время. М. 1989.

Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М. 1965.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л. 1984.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. 2002.

Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М. 2006.

Петр I. Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858.

Пресняков А.Е. Три столетия // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: В 6-ти т. Т. 1. М. 1991.

Рождественский С.В. Очерки по истории систем просвещения в России в XVIII–XIX веках. Т. 1. СПб. 1912.

Салтыков Ф.С. Пропозиции // Антология педагогической мысли России XVIII века. СПб. 1891.

Перспективы. Электронный журнал №4-2021

УДК 94(470); 930 (85)
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-49-62

Ольга Агеева

Ништадтский мир и имперский статус России

Аннотация. *Начало XVIII в. ознаменовалось для России затяжной войной со Швецией, которая длилась 21 год и была завершена с подписанием мира в Ништадте 30 августа 1721 г. В статье рассматриваются торжества, посвященные празднованию победы в Северной войне и поднесению царю Петру I титула Императора Всероссийского и званий Отца Отечества и Великого. Прослеживается история международного признания русских правителей императорами и имперского статуса российского государства, которое потребовало дипломатических усилий и заняло несколько десятилетий. Отмечается, что в ней ясно проявились взгляды эпохи на императорский статус. На первом плане находилось место страны в политической иерархии Европы, другие же характеристики имперского типа государства значимыми не представлялись.*

Ключевые слова: *Россия, Ништадтский мир, провозглашение России империей, императорский титул, имперский статус.*

Начало XVIII в. ознаменовалось для России затяжной войной со Швецией, которая длилась 21 год и была успешно завершена подписанием мира в Ништадте 30 августа 1721 г. Оценивая политический итог Северной войны, современник тех событий, голштинский дипломат Г.Ф. Бассевич отметил, что мир, заключенный в Ништадте, не только прекратил военное соперничество России и Швеции, но и «должен был определить форму и значение русской монархии в Европе» [Бассевич, стб. 85].

Характеристику этим «форме и значению» уже в XIX в. блистательно дал замечательный русский историк С.М. Соловьев. Главным следствием Северной войны, писал он, стало то, что «Швеция потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия; но этим не ограничилось значение великого события. Занявшая место Швеции держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общей европейской жизни, держава, приносившая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая… держава славянская, держава, принадлежащая к восточной церкви… естественная защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями» [Соловьев, кн. IX, т. 17, с. 305–306].

Сведения об авторе: *Агеева Ольга Гениевна — главный научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук; ageeva_og@mail.ru.*

Однако в России 1721 г. вряд ли сразу поняли все величие случившегося. В Петербурге шла насыщенная делами повседневная жизнь. Планы Петра I по переустройству России требовали дальнейших усилий, преобразования продолжались, готовился поход на Восток. В честь долгожданного благополучного окончания Северной войны готовилось грандиозное торжество в новой столице Петербурге, а затем в Москве. Когда в конце сентября было получено известие о ратификации шведской стороной договора о мире, царь назначил дату празднования — 22 октября. К этому дню в Петербург съехались высшие военные и гражданские чины, прибыли части 23 полков армии-победительницы, к Петропавловской крепости и Троицкой площади перед нею подошли по Неве 125 галер Балтийского флота. Местом главного действа стал Троицкий собор, расположенный напротив крепости. Утром в присутствии царской фамилии, высших чинов и дипломатического корпуса в храме прошла торжественная литургия, после чего была зачитана ратификационная грамота о мире и архиепископ псковский Феофан Прокопович произнес проповедь в честь окончания войны. Завершали его речь слова о «великих делах» царя, особенно во время «войны со шведской короною», благодаря которым Петру «по достоинству иметь подобает» «имя Отца Отечества, Императора и Великого».

Эта концовка не была случайной. Сразу после слова иерарха состоялась необычная церемония. Ее сутью было «поднесение» царю Петру I титула Императора Всероссийского и званий Отца Отечества и Великого. Сопровождался акт тройным пушечным и ружейным салютом из крепости, с галер и от стоявших в параде войск.

На этом утренняя, церковная часть торжеств была закончена, и во второй половине дня началась светская. В Здании мазанковых коллегий, находившихся на той же Троицкой площади, было объявлено о повышении в чинах отличившихся в период войны лиц и прошел праздничный пир с участием примерно 1000 человек, во время которого под пушечную пальбу произносились многочисленные тосты. После трапезы был устроен бал, а в завершение вечера сожжен грандиозный фейерверк с декорацией в виде храма двуликого Януса. Во время многочасовой огненной потехи в знак мира закрывались ворота войны и два рыцаря, изображавшие Россию и Швецию, подавали друг другу руки. На Троицкой площади тем временем шло угощение народа жареным быком и бившим из двух фонтанов красным и белым вином. В последующие дни по иллюминованному в темное время суток городу ездили маски.

Зимой торжество было перенесено в Москву. 18 января состоялся торжественный въезд императора в украшенную триумфальными арками первопрестольную столицу. Главным увеселением празднества стал уличный маскарад. В течение нескольких дней по улицам Москвы ездили группы различных масок на 60 санях, запряженных лошадьми, медведями, свиньями и иными животными. Маскарадные костюмы участников поезда являли собой лиц разных наций и профессий: испанок, голландок, немецких курфюрстов, гамбургских бургомистров, пастушек, боцманов, барабанщиков и т. д. Члены всешутейшего собора были одеты в свои обычные костюмы католических священнослужителей — кардиналов, аббатисы, а также Бахуса, Нептуна и др. Сам Петр I в роли

корабельщика и командора умело маневрировал на линейном корабле с пушками [См.: Акт поднесения… Берхгольц, ч. 1, с. 225–232; ч. 2, с. 313–325; Зелов, с. 103, 109, 117–120; Шубинский, с. 32–35]. Открывал московское торжество великолепный фейерверк, также с храмом Януса и угощением народа жареными быками и вином и водкой, завершал его пуск множества ракет.

Между тем в памяти русского общества из всех этих событий остался прежде всего акт поднесения Петру I титула императора. Так как в ту эпоху ранг страны был персонифицирован в титуле монарха, то именно с этой церемонии начался в общественном сознании отсчет имперского петербургского периода в истории России, то есть в этот день Российское царство (Московия) официально превратилось в Российскую империю. Таким образом, акт в Троицком соборе, знаменуя собой победу в затяжной войне со Швецией, действительно показал новый реальный военно-политический вес России в Европе и продемонстрировал амбиции нового игрока на европейской сцене.

Чтобы дать правильную оценку этому символическому действу, следует перенестись в ту эпоху и понять, как относились к происходящему люди начала XVIII в. и чем они руководствовались. Свет на эти вопросы проливают источники, которые позволяют увидеть, кто и как готовил акт 22 октября 1721 г.

Протоколы заседаний Святейшего Синода свидетельствуют, что вопрос о поднесении царю императорского титула был поставлен не светской, а церковной властью. Это произошло 18 октября 1721 г., за четыре дня до объявленной заранее даты торжеств. В этот день члены Синода на своем заседании, рассмотрев «секретно» «труды» царского величества в связи с «вечным миром» с «короною Свейскою», решили «изобрести» что-либо «приличное» для монарха от лица его подданных. Тогда один из вице-президентов Синода предложил «молить царя» принять «титул Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского». На тот момент в Синоде было два вице-президента — архиепископ новгородский Феодосий Яновский и архиепископ псковский Феофан Прокопович. Следовательно, один из них и являлся автором идеи поднесения титула императора Петру I.

Однако только церковная власть, без власти светской, решить вопрос смены титула монарха и страны не могла. Поэтому 19 октября архиепископ Феофан Прокопович «секретно» сообщил о предложении Синода Правительствующему Сенату. Затем 20, 21 и утром 22 октября прошли совместные заседания Сената и Синода в аудиенц-камере Здания мазанковых коллегий, то есть в парадном тронном зале петровского Петербурга [Протоколы заседаний… т. 1, Прил. XLII, с. CCCCLII–CCCCLIII].

По данным печатной реляции о поднесении императорского титула от 1 ноября 1721 г., от имени Сената и Синода 20 октября к Петру I «с письменным прошением» (приговором Сената) был отправлен А.Д. Меншиков, затем с царем вели разговоры другие сенаторы, архиепископы Феодосий Яновский и Феофан Прокопович. Переговоры с монархом оказались, действительно, необходимы, так как первая реакция Пет-

ра на инициативу соратников была отрицательной. Царь «долго отрекался» принять титул, приводил свои «резоны», но затем, вняв доводам сенаторов и архиереев, дал согласие [ПСЗ-I, т. 6, № 3840, с. 444–445; приговор Сената см.: Филиппов, с. 50–52].

Из протоколов заседаний Синода следует, что очень тщательно разрабатывались детали церемонии, редактировался текст речи-обращения к монарху, проект которой составил П.П. Шафиров. (Всего имеются от Синода и отдельно от Сената три варианта речи с правкой: речь, сочиненная П.П. Шафировым с поправками от Сената, или сенатская; архиерейская, от Синода; синодская, исправленная Феодосием Яновским. Существенное отличие имела речь от Синода — в ней было зафиксировано возглашение «Виват Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский!»)[1]. При подготовке церемонии возникли разногласия о том, кто будет подносить титул. Еще 21 октября, накануне торжества, было решено, что главным действующим лицом, произносящим речь-прошение, станет Феодосий Яновский, то есть представитель церкви. Однако на другой день в роли «просителя» от народа выступил сенатор, глава Коллегии иностранных дел, канцлер граф Г.И. Головкин, то есть власть светская. Вероятно, этот вопрос решался в последний момент перед выходом в собор.

Таким образом, поднесение Петру I императорского титула готовили в течение четырех дней 19 высших должностных лиц России. Это были восемь членов Синода и синодальный обер-секретарь, восемь членов и обер-секретарь Сената и сам царь Петр I[2]. Рязанский митрополит Стефан Яворский, президент Святейшего Синода, в заседаниях, решавших вопрос о титуле, не участвовал.

Церемония поднесения императорского титула была самой простой. Новой коронации имперской короной и совершения миропомазания Петра I, то есть придания ему дополнительной святости, не было. Кстати, до конца своего правления Петр так и не обзавелся новой имперской короной, хотя успел ее учредить для своей супруги Екатерины Алексеевны при ее имперской коронации в 1724 г. [Амелехина, с. 22–24]

---

1 Речь, какова... его императорскому величеству... от господина канцлера графа Головкина говорена в 22 день октября 1721 году. СПб. 1721; То же // Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати, 1708 – январь 1725 г. М.;Л. 1955. № 618; То же // Там же. № 619; Реляция, что прежде и при отправлении... в день октября сего 1721 году торжества о заключении с короною швецкою вечного мира явилось // Там же. № 625; То же // Там же. № 632; Речь, которая публично... говорена вице-президентом Св. Синода архиепископом новгородским Феодосием... // Там же. № 655.

2 Члены Святейшего Синода: вице-президенты Феодосий Яновский и Феофан Прокопович, члены Синода архимандриты московского Симонова и Новоспасского монастырей Петр и Ерофей, костромского Ипатьевского Гавриил, иерей Анастасий Кондоиди, протопопы петербургских Троицкого и Петропавловского соборов Иоанн и Петр, обер-секретарь Синода иеромонах Варлаам Овсянников. Члены Правительствующего Сената: князь А.Д. Меншиков, вице-канцлер П.П. Шафиров, канцлер граф Г.И. Головкин, князь Д.К. Кантемир, князь Г.Ф. Долгоруков, П.А. Толстой, князь Д.М. Голицын, граф А.А. Матвеев и обер-секретарь Сената И.Д. Поздняков. И, наконец, царь Петр I.

Церемония в Троицком соборе «при народном собрании» состояла из обращенной к Петру I речи «одной от всех персоной» — канцлера графа Г.И. Головкина, который вместе с членами Сената и Синода «предстоял» перед царем. Эта речь включала знаменитые слова о том, что подданные царя его «неусыпными трудами», «славными и мужественными воинскими и политическими делами» «из тьмы неведения на феатр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество просвещенных народов присовокуплены». В завершении обращения Г.И. Головкин «в знак признания... всему нашему Отечеству показанных благодеяний» молил монарха принять именем всего Всероссийского государства и всех чинов народа титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского.

Затем последовала ответная речь монарха всего с тремя тезисами-положениями. Сообщив, что он благодарит верных подданных и «то приемлет» по их прошению, Петр призвал благодарить за достигнутый мир Бога, затем стал говорить о необходимости, несмотря на получение «славного и полезного» мира, «содержать в добром порядке» «военную экзерцицию», то есть поддерживать обороноспособность страны (при этом царь ссылался на печальный пример Греции); и в заключение советовал начатые в государстве «распорядки» «в совершенство привести» и получить выгоды от «отворения» купечества с чужестранными землями; указал он и цель этих действий — чтобы народ иметь мог «облегчение».

Речь монарха означала согласие на принятие титула императора и почетных званий. По ее окончании все присутствующие трижды, под пушечный и беглый ружейный огонь, возгласили «виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!». Этот церемониальный элемент являлся обычной частью и русских, и европейских коронаций, как и последовавший далее молебен с коленопреклонением, отслуженный президентом Синода, митрополитом Стефаном Яворским. Завершил молебен второй пушечный и ружейный салют. При выходе из собора, под третью пальбу пушек и ружей, толпа вновь кричала Петру «виват!». В завершение церемонии знатные особы, а затем дипломаты поздравляли Екатерину Алексеевну и ее дочерей как Ее Величество Императрицу и имперских принцесс [ПСЗ–I, т. 6, № 3840, с. 444–446].

Следствием церемонии 22 октября стала замена указами титулатуры лиц высочайшей фамилии. Вместо «Великий Государь, Царь, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец» стало «Мы, Петр Первый, Император и Самодержец Всероссийский», вместо «Государыня Царица и Великая Княгиня» — «Ее Величество Императрица» и т.д. Откорректирована была и государственная символика: в гербе на месте царской короны над двуглавым орлом теперь красовалась корона имперская (два полушария с дугой по центру), в регалиях были заменены на новые корона, коронационное платье, введен государственный меч и др. Изменились церемониалы государственных торжеств, и прежде всего коронаций[1].

1 [Указ] О императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах от 11 ноября 1721 г. // ПСЗ–I. Т. 6. № 3869. С. 467; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178.

Несмотря на непродолжительность подготовки и краткость церемониала объявления русского царя императором, а России империей, эта декларация нового высшего государственного статуса страны имела глубокий фундамент. Ништадтский мир стал лишь поводом для решения давно назревшей внешнеполитической проблемы.

Чтобы объяснить действия русских властей, необходимо понять, как оценивали статус русских правителей за пределами России до 1721 г. и какими вообще были представления о титулатуре монархов в ту эпоху. В XVII–XVIII вв. в Европе (по общему мнению, не зафиксированному юридически международными договорами) высшую политическую номинацию имела Священная Римская империя. Далее шли королевства Франция, Испания, Англия и другие, за ними — Венецианская республика, немецкие и итальянские княжества и т.д. Титулатура и дипломатический этикет точно фиксировали эту исторически сложившуюся внутриевропейскую иерархию. Ее нарушение вызывало конфликты и трения [См.: Левашов]. Доминирование внутриевропейских политических традиций сказалось в том, что государи таких превратившихся в огромные колониальные державы стран, как Англия и Франция, императорских титулов не принимали (только в XIX в. английская королева Виктория с одобрения парламента приняла титул императрицы Индии). При этом государства вне Европы могли именоваться империями — например, мусульманская Оттоманская Порта и богдыханский Китай, — но это не затрагивало взглядов на политическое устройство самого европейского сообщества. Что касается других признаков империи — огромной территории, полиэтничности, поликонфессиональности, характера внешней политики (агрессивной или мирной, так как Священная Римская империя часто выступала посредником при заключении мирных договоров), то они были вторичны. Статус государства, зафиксированный в титуле монарха, был прежде всего показателем места в общей политической иерархии Запада.

Что касается ранга России в Европе XVI–XVII вв., то он был неустойчив. Постоянные русские миссии стали появляться только во второй половине XVII в. в приграничных странах — Польше и Швеции. Обычные дипломатические отношения московских государей с европейскими странами поддерживались разовыми посольствами, направляемыми с какой-либо конкретной целью. Это давало возможность указывать в грамотах разные титулы правителей России. Великих князей Московских, а затем царей в дипломатических документах именовали князьями, великими князьями, королями (rex), а также цесарями, кайзерами и императорами. Последние титулы уже в XVI–XVII вв. писали в своих грамотах правители Священной Римской империи, Англии, Голландии, Дании и других стран. Представители европейской интеллектуальной элиты, например картографы, в печатных изданиях и своей переписке присваивали имперский титул русским государям с XVI ст. Примером такого рода является карта Московии Антони Дженкинсона 1562 г., на которой царь Иван Васильевич назван «великим императором России, князем Московским» («Magnus Imperator Russie, Dux Moscovie») [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 5, 91, 173, 211 и др.; Карта Московии]. С этого времени именуют русских царей императорами и представители европейской научной элиты; например, знаменитый фламандский картограф Г. Меркатор в письмах 1580 г. к английскому географу

Р. Гаклюйту называет русского монарха «le grand emperior de Moscovie»[1]. В целом же Европа к концу XVII в. приравнивала царский титул русских монархов к королевскому.

С этой ситуацией неопределенности столкнулся и Петр I. Во время Великого посольства западная сторона обращалась к нему по-разному, в том числе и как к императору. К примеру, так неоднократно именовали русского монарха в Великобритании в 1698 г. Пристально наблюдая за столь вольным использованием титула, принадлежащего своему сюзерену, австрийский резидент Гофман счел нужным сообщить в Вену, что русского царя все «называют здесь императором России» [См.: Андреев, с. 81]. Императором могли именовать Петра I и выходцы из Западной Европы, находившиеся на царской службе и жившие в России. Например, только так — «Mon Impereur!» — обращался к царю в многочисленных письмах и проектах блистательный французский архитектор Ж.Б.А. Леблон, работавший в Петербурге в конце 1710-х годов [РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696]. Однако далеко не все страны воспринимали спокойно такую титулатурную вольность.

На рубеже XVII — XVIII вв. Россия завела постоянные посольства в большинстве крупных государств Европы и в Стамбуле. Это предполагало использование четко зафиксированного ранга русского монарха при проведении ставших регулярными аудиенций и в официальной переписке. А так как взгляд на Россию из Европы и представление русских о своем месте в Европе не совпадали, то вопрос о титуле приобрел оттенок конфликтности. Для русской стороны термин «царь» уже был равен термину «цесарь», являвшемуся синонимом слова «император». Примеры этого многочисленны, но приведем лишь один. В словаре «Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках» И. Копиевского, изданном в 1718 г., слова «Imperator, Coesar, Augusftus» переводились как «кесарь, царь», а «гех» — как «король» [Копиевский, с. 88].

Этого традиционного взгляда на царский титул придерживался и сам Петр, который полагал, что русский монарх является цесарем и преемником византийских императоров еще со времен Древнерусского государства. В собственноручной записке о русском гербе, датируемой примерно 1712–1718 гг., он писал, что князь Владимир (Владимир I Святославич) «Расийскую свою империю» разделил между 12 сыновьями, и что в XVI в. царь Иван Васильевич «орла за герб империи Росиской принял**»**, когда монархию «утвердил и короновался» [Белавенец, с. 68–69].

В соответствии с этими воззрениями уже в первые десятилетия XVIII в. Петр предпринял ряд шагов по утверждению своего императорского титула. В 1700-х годах он начал присваивать своим подданным титулы графа и князя, что было прерогативой императора (первым российским графом в 1706 г. стал Б.П. Шереметев, первым князем в 1707 г. — А.Д. Меншиков). В июле 1709 г. царь дал главам Посольской канцелярии наименования государственного канцлера и вице-канцлера. Как отметил один из за-

1 О переписке Г. Меркатора с Р. Гаклюйтом см.: Чарыков Н. /Предисловие/ // Космография 1670. СПб. 1878–1881. С. 6.

падных дипломатов, «царские министры» через эти «имперские титулы» рассчитывали пользоваться большим почетом и уважением. Произошло это после Полтавского сражения, которое стало своеобразным рубежом в активизации действий русской дипломатии. «...как в России, так и за границею, — писал датский посланник Ю. Юль, —находятся люди, которые (искали) — и в особенности теперь... — ищут — понравиться царскому двору императорским титулом, побуждая в то же время царя добиться ото всех коронованных особ Европы (признания за ним) этого титула» [Юль, с. 137]. Своеобразным обращением к имперской атрибутике было присвоение в 1711 г. высшему судебному органу петровской России наименования Сената.

В 1710 г. во время извинительной аудиенции в Кремле, призванной загладить арест в Лондоне русского посланника графа А.А. Матвеева, английский посол Ч. Уитворт именовал Петра имперским величеством (Keizerlige), и вице-канцлер П.П. Шафиров показывал иностранным дипломатам копию речи посла с этим обращением. Остро реагируя на это, Ю. Юль заметил в своих записках, что высокомерие русских возросло до такой степени, что они стремятся переделать слово «царь» в «Keiser» или «Caeser» [Юль, с. 132, 135].

Наконец, в 1718 г. в архивах была найдена и напечатана по указу Петра I (значительным тиражом в 310 экземпляров, на русском и немецком языках) грамота 1514 г. императора Максимилиана I. В ней глава Священной Римской империи неоднократно именовал великого князя Василия III «Божиею милостию Цесарем и обладателем Всероссийским и Великим Князем». Это позволило указать в предисловии к публикации, что цесарское «высокое достоинство за толко уже лет всероссийским монархам надлежит». Грамоту по приказу царя показывали иностранным дипломатам, которые, как ганноверский резидент Х.Ф. Вебер, могли ее копировать [Грамота Максимилиана I... с. 1–5; Пекарский, т. 2, № 338, с. 429; Быкова, Гуревич, № 298; Вебер, стб. 1652]. Опубликованный документ был вручен и венскому двору. Там отрицали подлинность грамоты, сообщали, что не нашли подтверждения ей в своих архивах [Нелипович, с. 9]. Между тем прецедент именования главой Священной Римской империи русского монарха императором мог быть юридическим основанием для признания титула другими европейскими странами.

Таким образом, уже до 1721 г. русская сторона демонстрировала желание утвердить императорский титул за русскими правителями, в связи с чем возникла напряженная ситуация. Упомянутый выше датский посланник Ю. Юль, представитель страны-союзника России в войне со Швецией, в своем дневнике привел целое лингвистическое исследование, доказывающее, что русский царь не является цесарем, и что слово «царь» следует уравнять со словом «rex» — король [Юль, с. 135-137]. В силу этого противостояния акт поднесения титула императора 22 октября 1721 г. создал ситуацию, позволившую русской стороне на новой основе требовать признания высшего политического имперского достоинства для русского монарха и его страны.

Через день после церемонии в Троицком соборе, 24 октября, в Коллегии иностранных дел состоялся совет, на котором было принято решение разослать по всем русским

миссиям за границей рескрипт о заключенном в Ништадте мире и новом титуле русского монарха. Находящимся при иностранных дворах русским представителям вменялось в обязанность содействовать всеми возможными способами признанию титула. На следующий день члены коллегии доложили Петру I о принятом решении и содержании рескрипта. По указанию царя 26 октября документ был отправлен в заграничные посольства. Так началась борьба русской дипломатии за высшую имперскую номинацию России, продлившаяся четыре десятка лет [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11; Агеева Европеизация... с. 142–143].

Как оказалось, не представляло особой сложности получить титул от небольших государств — княжеств и республик. Уже в октябре 1721 г., при поздравлении императорской фамилии, признал императорский ранг русского монарха герцог голштинский. В мае 1722 г., «известясь» о принятии титула императора Петром I, отправила ему поздравительную грамоту Женевская республика [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 221]. Имперский статус, принятый Петром I, также признали Венецианская республика, герцоги пармский, брауншвейгский, гессен-кассельский и другие.

Иначе обстояло дело с крупными государствами Европы. У большинства из них известие вызвало внешне спокойное неприятие. Естественно, многие смотрели на Вену. А там на аудиенции у императора Карла VI русский резидент Л. Ланчинский, зачитывая предписанную ему в указе о титуле речь «гораздо вслух от слова до слова», «примечал тем же временем, какую мину Его Величество показать изволит». Однако «ничего переменного» дипломат не усмотрел, «Его Величество, по своему обычаю, изволил стоять при столе неподвижно, и мою речь спокойно выслушал, и потом изволил мне ответствовать, но толь невнятно и толь скоро, что я ни слова, ни в какую силу не выразумел». Обращение за разъяснением позиции Вены к имперскому вице-канцлеру ничего не дало, так как тот извинялся, что «не имел времени говорить с Цесарем», другие министры отмалчивались. В разговорах же министров между собой, как выяснил Ланчинский, единства не было; кто-то полагал, что при признании титула первенство все равно останется за Римским императором, кто-то опасался, что пойдет цепная реакция — императорский титул потребует английский, а потом и другие короли, и тем самым отличие Римской империи будет уничтожено, и т.д. Некоторую ясность в позицию Вены внесли две грамоты от императора Карла VI к Петру I конца 1721 г., в них был прописал старый титул [Соловьев, с. 312–313]. В Австрии, во Франции, Дании и ряде других ведущих стран дело признания нового титула было отложено на будущее.

В свете этого примечательно, что при жизни Петра I титул признали Пруссия, Голландия и Швеция. В случае с Пруссией, имевшей особые отношения с Россией, сказался принцип взаимности. При провозглашении Прусского королевства в 1700–1701 гг. русский царь одним из первых поздравил бранденбургского курфюрста с принятием королевского звания. Действуя аналогичным образом, король Фридрих Вильгельм I уже в 1721 г. заявил о признании цесарского достоинства Петра Великого и в декабре отправил в Россию поздравительную грамоту. В январе прусская сторона получила от русского двора заверение (реверс) о сохранении после признания титула прежнего

равенства церемониалов. По желанию русской стороны в мае 1722 г. в Бранденбурге состоялась приватная аудиенция русского посла графа А.Г. Головкина у прусского короля, на которой была подана грамота об императорском титуле, а затем в ответ получено письменное официальное поздравление с новым титулом [РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 79-83 об.; Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 27–28, 44–45].

Голландия, после внутренних споров между штатами, сообщила, что не находит трудностей в признании нового наименования русского монарха. После этого 24 апреля 1722 г. в дом русского посла Б.И. Куракина прибыла депутация от семи провинций-штатов, которая объявила резолюцию о признании императорского титула. Затем в мае в России состоялась аудиенция голландского резидента Девильде с объявлением о согласии дать русскому монарху имперское достоинство, и от Голландских Штатов Петру I была направлена грамота с императорским титулом. В ней содержалась просьба заплатить за пять голландских кораблей, сожженных на Балтике под Гельсингфорсом во время военных действий 1713 г. [Агеева Императорский титул… с. 56–60; Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 195–199]

Швеция признала титул монарха-победителя после длительных переговоров, в ходе которых дважды, в июне и октябре 1723 г., получила от российского посланника в Швеции М. Бестужева реверс о сохранении равенства церемониалов. После этого, в декабре, шведский министр барон Цедеркрейц был допущен на аудиенцию к Петру I с поздравительной грамотой о принятии царем имперского титула. В дальнейшем, однако, оказалось, что дело признания императорского титула русских монархов на этом закончено не было. Спустя несколько лет шведская сторона отказалась давать титул вступившему на русский трон молодому Петру II. Для урегулирования этого вопроса 4 июля 1729 г. вновь была дана и 10 августа ратифицирована декларация-реверс о сохранении равенства церемониалов. В третий раз вопрос о признании Швецией высшего ранга русских монархов встал в 1730 г., после вступления на престол племянницы Петра Великого Анны Иоанновны. 5 мая русским посланником в Стокгольме графом Н. Головиным шведской стороне вновь давался реверс, ратифицированный 30 июня. После этого в Стокгольм «на раздачу разным персонам» была переведена сумма в 10 тысяч рублей, которая и позволила окончательно решить вопрос о признании титула не только Анны Иоанновны, но и ее преемников [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 222–223, 226–227].

В правление этой императрицы, занявшей активную позицию в деле утверждения за Россией звания империи, были сделаны и другие важные шаги. В 1732 г. титул высшей политической номинации признало за Анной Иоанновной и ее преемниками Датское королевство. Предваряло это событие заключение в мае в Копенгагене трактата о дружбе двух стран, после чего в августе состоялся обмен декларациями о признании императорского титула ее величества. Наконец, 7 сентября в Петербурге на аудиенции датский министр барон Вестфален объявил о его официальном признании датским королем Христианом VI [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 267–268, 269].

В Польше признание императорского титула России оказалось напрямую связано с выборами нового короля. После смерти в январе 1733 г. Августа II в июле того же года был заключен трактат о возведении на престол сына умершего короля, саксонского курфюрста Фридриха Августа. В одном из пунктов оговаривалось признание будущим королем имперского достоинства русской монархини и его содействие в таковом признании Польской республикой. В сентябре Фридрих Август стал польским королем с именем Августа III [Бантыш-Каменский, ч. 3, с. 230–232].

Характер отношений с Великобританией позволил подойти к решению титулатурного вопроса только в 1740-е годы. При императоре Иоанне VI Антоновиче 3 апреля 1741 г. был заключен трактат о мире, дружбе и оборонительном союзе, имевший 2-й сепаратный артикул о том, что английский двор склоняется давать российскому государю и его потомкам титул императора. Совершившая в ноябре того же года переворот Елизавета Петровна не признала уже ратифицированный обеими сторонами трактат, равно как и все другие договоры, постановления и указы принца Иоанна. В итоге 11 декабря 1742 г. оборонительный союзный трактат с Великобританией был возобновлен в Санкт-Петербурге, и в его 2-м сепаратном артикуле было прописано признание императорского титула дочери Петра Великого и ее наследников. В январе 1743 г. документ был ратифицирован английским королем Георгом II [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 143–144].

В правление младенца Иоанна VI Антоновича, в ноябре 1741 г., о намерении признать его императорский титул сообщил король Неаполя и Сицилии Карл VII. В ответ он получил изъявление благодарности. Но после «дворцовой революции» 25 ноября 1741 г. дело остановилось. В правление Елизаветы Петровны ее имперский титул впервые был указан в грамоте неаполитанского короля, датированной 25 февраля 1744 г. Это послание было ответом на сентябрьское 1743 г. послание русской императрицы, извещавшее об успешном окончании войны России со Швецией [Бантыш-Каменский, ч. 2, с. 230].

Елизавета Петровна в целом завершила борьбу за признание России империей. Она постановила не принимать от иноземных дворов посланий без полного императорского титула. В силу этого запрета грамоты, не имеющие соответствующей формы, возвращались иностранным дипломатам, а они сами, прибыв в Россию с верительными грамотами без нужного титула, не допускались до приемной аудиенции. Этот метод, с учетом политических интересов различных стран в союзнических и иных отношениях с Россией, постепенно дал свои плоды.

При Елизавете Петровне в 1742 г. титул признали дочь императора Карла VI, венгеро-богемская королева Мария-Терезия, и ее супруг герцог Тосканский, будущий император Франц I. Признанию сопутствовало сложное положение венского двора [См.: Анисимов, с. 35–36]. 13 (24) января 1742 г. герцог проиграл выборы императора ставленнику Франции курфюрсту баварскому, который вступил на имперский престол с именем Карла VII. Спустя две недели Мария-Терезия отправила Елизавете Петров-

не грамоту с императорским титулом, а летом того же года (8 июля), получив реверс о церемониале, повелела своему министру, маркизу Ботте д'Адорно, прекратить споры о титуле [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 62–63]. Таким образом, внешние обстоятельства заставили венский двор, который два десятилетия отказывался именовать императорами русских монархов, изменить свою позицию.

4 января 1744 г. имперское достоинство правителей России признал и римский император Карл VII. Свою роль в этом сыграл отказ принимать его грамоты и не допускать на аудиенцию прибывшего в Петербург в 1742 г. полномочного министра барона Нейгауза. 16 месяцев барон не получал аккредитации из-за споров о титуле. И только после переписки со своим двором и получения 3 января 1744 г. от двора российского реверса о сохранении прежних церемониалов, на следующий день был допущен на аудиенцию к Елизавете Петровне. На ней представитель Римской империи подал грамоту с требуемым титулом государыни [Бантыш-Каменский, ч.1, с. 63–64].

После неожиданной смерти в январе 1745 г. императора Карла VII на избирательную коллегию курфюрстов во Франкфурт-на-Майне, где новым императором с именем Франца I был избран супруг эрцгерцогини австрийской Марии-Терезии, а затем к имперскому собранию в Регенсбург был отправлен русский дипломат, полномочный министр граф Кейзерлинг. Благодаря его усилиям в том же году титул русских императоров был признан всеми курфюрстами, князьями, городами и чинами Священной Римской империи [Бантыш-Каменский, ч.1, с. 65–66].

Одной из последних признала имперский статус России королевская Франция. 16 февраля 1745 г. в Петербурге на приемной аудиенции подал грамоту с полным императорским титулом французский полномочный министр д'Алльон (грамота была подписана 1 августа 1744 г.). Целью дипломатической деятельности представителей Франции в Петербурге в это время было заключение союза с Россией или предотвращение направления ею войск против Франции. Цель достигнута не была, так как в 1747 г. русский корпус был направлен на помощь союзникам, воюющим с Францией [Бантыш-Каменский, ч. 4, с. 105–106]. Что касается признания имперского титула, то оно сомнению уже не подвергалось.

Испания признала титул в 1759 г., когда скончался король Фердинанд VI. Тогда престол в Мадриде занял новый король — Карл III, ранее правивший в Неаполе. Императорский титул Елизаветы Петровны был дан им в известительной грамоте о кончине брата и своем вступлении на престол. После того, как при дворах Мадрида и Петербурга были взаимно восстановлены дипломатические миссии, прибывший в Петербург испанский полномочный министр маркиз д'Альмодавар подтвердил признание России империей на своей приемной аудиенции. Через день после нее, 25 августа 1761 г., посланнику был дан реверс о церемониалах [Бантыш-Каменский, ч. 1, с. 170].

Активно действуя в Европе, Елизавета Петровна продолжила старания своих предшественников в деле утверждения за Россией высшего государственного ранга на

Востоке. Так, ею было завершено признание императорского титула русских монархов Оттоманской Портой, которое начала еще Анна Иоанновна. Согласие на титул Османская империя первоначально дала при заключении Белградского мирного договора 18 сентября 1739 г. В 12-м артикуле договора было прописано, что об императорском титуле русской государыни будет достигнуто соглашение «без дальнего отложения времени и дружеским трактованием». Однако затем появились «затруднения», и вопрос заново был оговорен в конвенции (артикул 1-й), заключенной в Константинополе уже при императоре Иоанне VI Антоновиче 26 августа 1741 г. Так как Елизавета Петровна денонсировала все договоры принца Иоанна, то при ней договоренность была подтверждена в новой, «возобновительной» конвенции от 30 марта 1747 г.

Таким образом, признание правителей России императорами, а самой страны — империей, после поднесения Петру I имперского титула в 1721 г. потребовало больших дипломатических усилий и заняло почти четыре десятилетия. При этом ясно проступили взгляды эпохи на императорский статус. В них на первом плане находилось место страны в политической иерархии Европы, другие же характеристики имперского типа государства значимыми не представлялись. Очевидно и то, что признание нового титула, как и согласование вопросов дипломатического этикета, вызывавших подчас острые конфликты, были менее значимы, чем политические, военные и экономические проблемы государств. В силу этого признание высшей политической номинации России часто оборачивалось политическим торгом и завершалось успехом вследствие желания иметь добрые отношение с Петербургом, заключить с ним военный союз, выгодный торговый или мирный договор.

Литература

Агеева О.Г. Европеизация русского двора, 1700–1796 гг. М. 2006.

Агеева О.Г. Императорский титул России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского // Россия — Нидерланды: Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург 7–9 июня 2013 г. СПб. 2014. С. 56–60.

Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества 22 октября 1721 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. [ПСЗ–I]. СПб. 1830. Т.6. № 3840.

Амелехина С.А. Церемониальный костюм российского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля. М. 2016.

Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л. 1947.

Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине века (от Ахенского мира до начала Семилетней войны). М. 2012.

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.): В 4 ч. М. 1894–1902.

Бассевич Г.Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М. 1866.

Белавенец П.И. Изменение Российского государственного герба в имперский период // Вестник имп. Общества ревнителей истории. Пг. 1915. Вып. 2. С. 68–69.

Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца // Неистовый реформатор. М. 2000.

Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий гражданской печати, 1708 — январь 1725 г. М.; Л. 1955.

Вебер Х.Ф. Записки о России // Русский архив. 1872. № 9.

Грамота Максимилиана I к великому князю Василию III 1514 г. СПб. 1718.

Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М. 2019.

Карта Московии А. Дженкинсона 1562 г. // Борисовская Н.А. Карты и планы XV–XVII вв. М. 1992.

Копиевский И. Вокабулы или речи на словенском, немецком и латинском языках. СПб. 1718.

Левашов П.А. О первенстве и председательстве европейских государей, их послов и министров. СПб. 1792.

Нелипович С.Г. Союз двух орлов: русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М. 2010.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб. 1862.

Протоколы заседаний Святейшего Синода, особенно и общего с Сенатом, о поднесении царю Петру Алексеевичу титула Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб. 1868. Т. 1: 1542–1721.

РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.–11.

РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 79-83 об.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 178.

РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. 1993. Кн. IX. Т. 17.

Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат при Петре Великом и его ближайших преемниках (1711–1741 гг.). СПб. 1911.

Шубинский С.Н. Московский маскарад 1722 года // Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. М. 1995.

Юль Ю. Записки датского посланника при дворе Петра Великого // Лавры Полтавы. М. 2001.

Перспективы. Электронный журнал
№4-2021

УДК 355/359; 94
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-63-70

Алексей Шишов

Военные реформы Петра Великого в ходе Северной войны 1700–1721 гг.

Аннотация. *В статье раскрываются особенности создания регулярной армии и флота России в ходе военных реформ Петра I, которые проводились в условиях длительной большой войны — Северной войны 1700–1721 гг. Показано, как введение рекрутской повинности коренным образом изменило организацию вооруженных сил государства, сделало их регулярными, хорошо обученными и боеспособными, обеспечило их профессионально подготовленным офицерским корпусом. Рассматриваются вопросы изменения системы рекрутских наборов, связанные с упразднением старых и созданием новых органов военного управления и губернской реформой. Рекрутская система была тогда прогрессивным явлением и быстро доказала свое превосходство над системами найма и вербовки, принятыми в странах Западной Европы. Сложившаяся при Петре система комплектования вооруженных сил в целом просуществовала до «милютинских» военных реформ 60–70-х годов XIX в. В ходе петровских реформ в России была создана военная сила, не только способная победить в Северной войне, но и выдвинувшаяся на одно из первых мест в Европе по организации, вооружению и боевой подготовке.*

Ключевые слова: *Северная война, Петр I, военные реформы, рекрутская повинность, регулярная армия, приказ военных дел, иностранцы на русской службе, губернская реформа.*

Логическим итогом Северной войны 1700–1721 гг. стало, как известно, возникновение Российской империи. Этот исторический период ознаменовался также завершением создания в России регулярных армии и флота в ходе военных реформ Петра I, благодаря которым русские армия и флот по организации, вооружению и боевой подготовке выдвинулись на одно из первых мест в Европе.

Петровские военные реформы в ходе Северной войны включали в себя: создание регулярных армии и флота; упразднение ранее существовавших разнородных воинских формирований и введение однотипных организации и вооружения в пехоте, коннице и артиллерии, а также единой системы воинского обучения и воспитания, регламентированной уставами; централизацию военного управления, замену приказов Военной

Сведения об авторе: *Шишов Алексей Васильевич — старший научный сотрудник НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, кандидат исторических наук.*

коллегией и Адмиралтейств-коллегией; учреждение должности главнокомандующего, при котором была создана квартирмейстерская часть во главе с генерал-квартирмейстером; открытие военных школ для подготовки офицерских кадров и регламентирование службы офицеров; проведение военно-судебных реформ.

Создавая регулярную армию, Петр I ввел рекрутскую систему ее комплектования, которая с 1699 г. легла в основу начатых военных реформ. Разгром петровской армии в сражении под Нарвой 19 ноября 1700 г. заставил изменить содержание рекрутских наборов.

Первоначально рекрутская повинность заключалась в следующем: 1) повинности подлежали все сословия и все классы населения; 2) для дворян была повинность личная и поголовная, для податных сословий — общинная, то есть правительство предъявляло свои требования не лицу, а обществу, указывая лишь число рекрутов (в возрасте от 20 до 35 лет) и предоставляя самим обществам определять, кто и на каких основаниях должен быть сдан; 3) срок службы — пожизненный; 4) размер повинности, время набора и порядок раскладки определялись особо перед каждым набором [Военное дело… с. 488].

Набор лично вольных людей в солдаты стали производить не только в центральных уездах, но и в низовых (поволжских) городах, Олонце и других местах. Так, в декабре 1702 г. царским указом был объявлен набор по всей стране «в солдаты в Приказ военных дел, хто в тое службу похочет, семь тысяч человек». Военный приказ связал с этим указом принудительный набор посадской бедноты, имевшей доходы менее 30 рублей в год. Общий итог декабрьского набора: с 60 городов и семи слобод «взято… и волею записано» (и послано на службу) 11 150 человек [ЦГАДА.Ф. Сената. Л. 446 об. — 447]. Это был последний набор «вольных» людей. Проблему создания большой регулярной армии они решить не могли.

Набор даточных людей шел параллельно с приемом в солдаты «вольных». Нормы такого набора Приказ военных дел установил в октябре 1703 г. С помещиков и купцов брали каждого пятого дворового и каждого седьмого «делового человека» (то есть знающего «дело» — ремесло). Владельцы таких даточных людей обязывались доставлять их на смотр в количестве вдвое большем, чем требовалось, «чтоб было из кого выбирать». По «скаскам» владельцев в России насчитывалось 71 250 дворовых и «деловых» людей. Из них на смотр было доставлено 29 500 даточных, а записано в службу 11 500 [Столетие… прилож, с. 19].

Следует подчеркнуть, что создание регулярных армии и флота России, их пополнение в ходе Северной войны шло по 1703 г. за счет наборов в солдаты «вольных» и даточных людей, а также переформирования полков «нового строя» и стрельцов. Основной производящий класс государства — крестьянство — пока не затрагивался наборами. Однако война с ее большими потерями в действующих полевых войсках заставила царя пойти на набор в солдаты и среди крестьянства.

Первой пробой стал частный набор Поместного приказа молодых крестьян Московского уезда. Затем набор повторили в 16 уездах, соседних с Московским, большинство (9 977 человек) из взятых 14 550 передали в Приказ военных дел с последующим распределением по действующей армии [ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 37. Л. 443].

Набор в солдаты из крестьянства в 1705 г. вновь возложили на Поместный приказ, хранивший переписные книги 1678 г. Они служили основанием для раскладки на население требуемых в данный набор рекрутов. Согласно этим книгам, всего в России числилось 817 131 двор [Баиов, с. 226].

В том же году в царском указе впервые появился термин «рекрутский набор». Такой набор проводился в дальнейшем в ходе войны ежегодно. Обычно одного рекрута брали с 20 крестьянских дворов. В 1705 г. намечалось набрать около 40 тысяч человек, набрали же больше — 44 539 [Полтава… с. 230]. В тот год Приказ военных дел осуществил целевой набор в регулярную конницу. Даточных людей брали из расчета один человек с 80 дворов.

Переход на расчет по крестьянским дворам при наборах даточных был выгоден властям тем, что владельцам не было в таком случае смысла преуменьшать в «скасках» количество имевшихся у них дворовых людей. Указ от 20 февраля 1705 г. завершил начальный период складывания рекрутской системы. К указу были приложены 18 статей, данные стольникам о правилах сбора даточных людей и рекрутов «в солдаты».

В 1706 г. Приказ военных дел издал целую серию указов о рекрутских наборах. В них устанавливались категории владельцев, нормы сбора даточных людей с них и порядок их привода на смотр. Владельцев разделили на две категории — «служилые» и «неслужилые». С первых брали даточного с 300 дворов, со второго — со 100 дворов. Указы предписывали владельцам, не имевших такого количества дворов, складываться между собой и выставлять «даточных» людей сообща. Такое требование в указах повторялось неоднократно [Отечественные… с. 54].

Действующая армия в ходе войны ежегодно требовала многотысячных пополнений. В зависимости от потребностей войск рекрутские наборы проводились один или несколько раз в году. Были и специальные наборы: для флотских нужд (например, в 1717 г. их провели два, они дали 2 500 человек [Веселаго, с. 410]); для укомплектования фуражирских команд и обозных извозчиков (6 тысяч человек в 1706 г.).

О масштабности проводимых царем Петром I в ходе Северной войны рекрутских наборов свидетельствуют следующие цифры. За первые восемь лет войны под ружье ставится около 200 тысяч новобранцев и, несмотря на боевые и санитарные (по болезням) потери, численность регулярной армии с 40 тысяч доводится до 100 тысяч человек [Военное дело… с. 420].

Губернская реформа 1708–1709 гг. внесла существенные коррективы в деятельность Приказа военных дел по укомплектованию армии и флота. Теперь он занимался ре-

крутскими наборами только в Московской губернии. В остальных местах эту задачу выполняли губернские власти. Строгость властей при проведении рекрутских наборов порой не давала желаемых результатов. Так, не удалось выполнить план шестого набора — вместо 7 700 человек на воинскую службу набрали всего 5 100.

Причин было несколько: выкачка значительной части крестьянской молодежи, отъем работоспособного населения на всякого рода строительные работы, нескончаемые денежные и натуральные поборы, разорявшие крестьянское и подрывавшие помещичье хозяйство. Уездная власть во многих случаях не справлялась с задачами по организации наборов — прежде всего по доставке на смотры рекрутов, годных к военной службе. Многие помещики любыми способами стремились удержать в своих слабеющих хозяйствах работоспособных молодых мужчин.

Тяготы войны, бедственное положение семей, оставшихся без работников и кормильцев, другие причины приводили к бегству большого числа рекрутов из маршевых команд. Так, в итогах рекрутского набора 1710 г. значится по солдатским командам: послано в разные места 8 525 человек, «в отдаче — 5 690, бежало 2 835» [Полтава... с. 236].

Если в начале Северной войны рекрутские пополнения доставлялись в Москву, то в последующем такая практика была изменена. Для рекрутских станций стали определять другие города (например, Вологду, Тотьму, Белгород), где шло формирование маршевых подразделений. Там же проводилось освидетельствование годности новобранцев к военной службе.

Военный и другие приказы детально регламентировали деятельность рекрутских станций, обязанности их начальников, движение маршевых команд. Определялись кратчайшие и удобнейшие маршруты. Заболевших солдат оставляли по пути следования, выздоровевших людей местные воеводы отсылали в полки немедленно. Команды двигались на уездных подводах (по 5 человек на подводе). «Наказная память» старшим из офицеров маршевых команд строго запрещала всякие поборы с населения — солдаты получали подъемные и кормовые деньги.

В рекруты разрешалось брать людей, не опороченных какими-либо преступлениями, не увечных и не дураков. Сначала было указано брать только холостых, но в 1707 г. разрешили брать и женатых. Возраст рекрутов постепенно повышался: так, сначала их брали в возрасте от 15 до 20 лет, а затем — от 20 до 30. Повышение возраста вызывалось, с одной стороны, трудностями постоянной походной жизни, а с другой — слишком частыми наборами [Баиов, с. 226].

Одновременно с формированием регулярной армии России шло создание национального офицерского корпуса. Петр I считал это одной из важнейших задач военных реформ. Предпринимались попытки повысить служебный уровень командного состава, проводя краткосрочные сборы «начальных людей».

Один из ближайших сподвижников царя Петра I — А.М. Головин поставил вопрос о пополнении офицерского корпуса дворянами «московских чинов»[1] и привлечении на русскую службу офицеров из иноземных армий. После тщательного отбора на офицерские должности в инфантерию (пехоту) было направлено 940 дворян «лучших фамилий» [См.: Письма и бумаги... с. 355, 806–807, 814–816].

Это было новым явлением в истории вооруженных сил Российского государства. Раньше русские дворяне традиционно служили в поместной коннице, считая такую ратную службу своей родовой прерогативой, и не очень охотно шли в «учение пехотного строя». Петр I сломал такую традицию. Попытки уклониться от службы в пехоте жестоко пресекались.

С самого начала Северной войны царским повелением военная служба для дворян становилась государственной обязанностью. Большинство будущих офицеров начинало военную службу с нижних чинов. Петр I пошел на такую меру вынужденно — люди не имели ни военного опыта, ни специального образования, которые давали бы им законное право на офицерский патент.

В петровской регулярной армии служили и офицеры-иностранцы. В 1701 г. в трех дивизиях («генеральствах»), на которые делилась действующая армия, было 1137 офицеров, из них иноземцев и новокрещенов[2] было около трети. Все старшие офицеры были иноземцами или новокрещенами. Иное положение было в русской кавалерии. В девяти драгунских полках, сформированных в 1701–1702 гг. из представителей служилого дворянства (рейтар, копейщиков, гусар и т. д.) и находившихся в ведении Военного приказа, все офицеры, за исключением одного полковника, были русские.

Долгое время в правительственных кругах не могли выработать единой линии в вопросе о службе иностранцев в русской армии на командных должностях. Поведение в сражении под Нарвой иноземных офицеров во главе с австрийским генерал-фельдмаршалом герцогом де Кроа, сдавшимся в плен шведам, показало всю опасность их многочисленности в рядах русской армии. Но в то же время значительная часть русского офицерского корпуса еще не отвечала требованиям военной выучки.

Поэтому по царскому указанию дважды — в 1702 и 1704 г. — производился «вызов» иностранцев на русскую военную службу. При вербовке предпочтение отдавалось лицам, знавшим один из славянских языков. С ними подписывалось «договорное письмо» о поступлении на службу в армию России. В нем определялось будущее их положение на офицерской должности и размер жалованья.

---

1 Дворяне «московских чинов» — дворяне, служившие в столице и имевшие в ней двор, поместье в Московском уезде или в соседних с ним.

2 Новокрещены — люди, принявшие православие, ранее исповедовавшие другую религию и принявшие в своем большинстве русские фамилии, имена, отчества.

С начала Северной войны младшие офицерские должности в инфантерии постепенно заполнялись русскими офицерами. Из их числа началось назначение командирами пехотных полков. Но в кавалерии наблюдался обратный процесс. К 1706 г. многие русские командиры драгунских полков были заменены иностранцами.

После Полтавской победы, когда петровская регулярная армия продемонстрировала высокие боевые качества, появилась возможность освободиться от тех иноземных кадров, которые не отвечали требованиям времени.

Еще одним толчком для этого стал Прутский поход 1711 г., показавший неблаговидное поведение командиров-иностранцев, подчас не выполнявших боевые приказы, исходившие от самого царя. Государь, возвратившись из похода, сразу же принял меры для оздоровления командного состава русской армии: с российской службы были уволены 12 генералов, 14 полковников, 22 подполковника и 150 капитанов из числа иностранцев. Многие из них прибыли в Россию с блестящими рекомендациями [Шишов Северная война… с. 292].

В начале военных реформ русское офицерство комплектовалось за счет старых контингентов начальных людей Иноземного и Рейтарского приказов, старослужащих рейтар и копейщиков, дворян, присылавшихся из Разрядного приказа. В формировании русского офицерского корпуса с каждым годом возрастала роль Гвардии — Преображенского и Семеновского полков. Довольно скоро они превратились в основную кузницу командных кадров петровской армии. Для получения первого офицерского чина дворянину необходимо было прослужить определенный срок рядовым в гвардейских и иных полках.

По указу 1714 г. в офицеры производились по принципу баллотировки. Царский указ требовал, чтобы дворяне, производимые в офицеры, на практике знали военное дело. Тем начальникам, которые незаслуженно производили в офицеры «сродников, своих друзей», грозило лишение «своих имений и чести». Петр I часто сам производил проверку знаний молодых офицеров и был строг к нерадивым.

Военный приказ перенял функции Иноземного, став как бы офицерской аттестационной комиссией, ведавшей также присвоением офицерских званий. Он санкционировал производство в офицеры, которое осуществляли приказы Новгородский, Смоленский и другие, в ведении которых находились отдельные солдатские полки.

Нехватка командных кадров из-за роста числа воинских частей и естественной убыли в ходе военных действий привела к тому, что производство в младшие офицерские чины стало осуществляться высшим начальством действующей армии и губернаторами. Производство в старшие офицерские и генеральские чины оставалось в ведении Военного приказа, выполнявшего волю царя [Отечественные… с. 56].

Совершенствовалась штабная служба. В армии появляются офицеры-адъютанты и квартирмейстеры. В полковые штаты вводятся интенданты-обозничие. Развиваются

два параллельных корпуса военных чиновников — комиссариатские и провиантмейстерские. Появляются гевальдигеры (офицеры военно-полицейской службы) и аудиторы (военные юристы).

В целом Петру Великому, действовавшему решительно и энергично, сравнительно за короткий исторический срок удалось создать одну из сильнейших массовых европейских армий. Не случайно генерал-лейтенант на русской службе де Альбон (Дальбон), побывавший ранее в рядах нескольких армий континента, писал: «Я не видел более прекрасной пехоты, лучше обученной, дисциплинированной, лучше вооруженной и более выносливой во всех трудах войны» [Труды… с. 199].

Рассматривая рекрутскую систему как основу комплектования петровской армии, следует отметить, что она в корне изменила вооруженные силы России. Они стали регулярными. Рекрутов, как и дворян в офицеры, брали на пожизненную воинскую службу. В мирное время рекрутские наборы проводились не ежегодно, а по мере надобности. То есть в силу требований численного роста армии и флота, понесенных людских потерь. На службу брались физически здоровые мужчины в возрасте от 17 до 32 лет. Нижние чины находились на полном государственном обеспечении [См.: Шишов Рождение… с. 155].

Рекрутская система не была всеобщей воинской обязанностью: основная тяжесть наборов легла на крепостных и государственных крестьян. Духовенство было освобождено от военной службы, а состоятельная часть горожан и других свободных людей получила возможность откупаться от нее.

Военные реформы Петра I определили и формы мобилизации войск. Сбор призывного контингента проводился по губерниям. С 1720-х годов полки получили свои округа и стали пополняться по территориальному признаку. Начиная с 1716 г. каждый полк направлял офицеров и специальную команду для доставки своих рекрутов. Затем рекруты поступали в распоряжение полковых командиров, и те распределяли их в полку по своему усмотрению [См.: Бескровный, с. 32–33].

Петровские военные реформы, выразившиеся прежде всего во введении рекрутской повинности, позволили значительно увеличить численность российской армии и удовлетворить потребности флота в людях. Это сделало армию и флот более боеспособными, что и сказалось на ходе и итогах Северной войны.

Создание русской регулярной армии и флота в условиях ведения длительной большой войны требовало от государства немалых усилий. Формат военных преобразований оптимизировался не сразу. К концу противоборства со Швецией в России сложилась рекрутская система комплектования вооруженных сил, которая уже без серьезных изменений просуществовала в Российской империи до «милютинских» военных реформ 60–70-х годов XIX в., проведенных по инициативе военного министра Д.А. Милютина.

В условиях той эпохи рекрутская система была прогрессивным явлением и быстро доказала свое превосходство над системами найма и вербовки, существовавшими в то время в странах Западной Европы при комплектовании личным составом их армий и флотов. Русская армия со дня своего основания наемной не была.

Литература

Баиов А.К. История русского военного искусства. Т. 1. М. 2008.
Бескровный А.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М. 1958.
Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Вып. II. СПб. 1895.
Военное дело. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. М. 2006.
Отечественные военные реформы. М. 1995.
Письма и бумаги Петра Великого. Т. I.
Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М. 1959.
Столетие Военного министерства 1802–1902. Т. IV . Ч. I. Кн. I. Отд. I. СПб. 1902.
Труды Императорского военно-исторического общества. СПб. 1909. Т. 4.
ЦГАДА. Кабинет Петра I. Отд. I. Кн. 37. Л. 443.
ЦГАДА. Ф. Сената. Л. 446 об. — 447.
Шишов А.В. Рождение Российской империи. 300 лет со дня основания. М. 2021.
Шишов А.В. Северная война 1700–1721. М. 2021.

Перспективы. Электронный журнал №4-2021

УДК 93/94; 327
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-71-81

Ханна Ковальска-Стус

Северная война в оценках польских историков

Аннотация. *Польская историография, сосредоточенная на разделах Польши и ее образе жертвы, склонна под этим углом зрения смотреть и на прошлое, и на будущее. Большинство польских историков трактуют Северную войну как пролог к попаданию в зависимость от Российской империи и последующим разделам Польши. Однако в целом подходы польской исторической науки к данной теме гораздо более многовекторны. Разные исследователи анализируют события Северной войны в контексте развернувшейся еще в XVII в. шведской экспансии, внутрипольских противоречий, широкой панорамы взаимодействий и интересов европейских стран. Автор ставит перед собой задачу познакомить читателя с работами, которые выделяются максимальным стремлением к объективности, исторической правде, рациональному анализу, неприятием упрощения многогранных процессов. Обращается внимание на тот факт, что история как наука подвергается давлению (внешне)политических факторов и мотиваций.*

Ключевые слова: *Северная война, история Польши, Петр I, Речь Посполитая, польско-русские отношения рубежа XVII–XVIII вв., польская историография.*

Высказывания польских историков на тему III Северной войны 1700–1721 гг. (в российской историографии называемой Северной, Великой Северной или Двадцатилетней войной) складываются в двух направлениях. Одни рисуют широкую панораму взаимодействий и интересов европейских стран. Другие сосредоточены на истории Речи Посполитой, рассматривая Северную войну в контексте шведской экспансии, начавшейся еще в XVII в. Часто эта война трактуется как пролог к попаданию Речи Посполитой в политическую зависимость от России, что в итоге привело к разделам Польши.

Второй подход укладывается в наиболее характерную для польской историографии схему. Нас он здесь интересует в контексте эволюции польской русофобии, нескольких стадий ее развития. Авторы, оценивающие объективность польской историографии с этой точки зрения, сосредоточивались на второй половине XVIII в. и периоде разделов [Bocheński]. О настоящем времени писал Андрей Валицкий [Walicki]. Польская

Сведения об авторе: *Ханна Ковальска-Стус (Hanna Kowalska-Stus) — заведующая кафедрой русской культуры и теории культурных систем Института России и Восточной Европы Ягеллонского университета (Краков, Польша), доктор гуманитарных наук; kowalska.hanna@gmail.com.*

литература XVI и XVII вв., рисующая карикатурный образ Московии, тоже нашла своих критиков [Waszkiewicz].

Но пока никто не обратил внимания на то, в каком ключе — в качестве важного события польской истории — представлена в польской исторической науке III Северная война. Александер Бохеньский (Александр Бохенский) в своей книге подробно показал предвзятость современного типа польской историографии, возникновение которого можно отнести к XIX столетию [Bocheński]. Мы же здесь ограничимся рассмотрением польских исследований на тему III Северной войны, появившихся начиная с 1919 г.

Историография межвоенного периода

Одним из выдающихся польских историков первой половины XX в., забытым сегодня, был Юзеф Фельдман — автор книги «Польша во время Великой Северной войны 1704–1709», изданной в Кракове в 1925 г. [Feldman Polska w dobie...] Это была его кандидатская работа, защищенная в Ягеллонском университете; позже он продолжил исследование этого периода в своей докторской диссертации. Фельдман был евреем, принявшим христианство. Возможно, этот факт сказался в большей объективности его оценок по сравнению с другими польскими историками.

В начале своей книги Фельдман подчеркивает, что Речь Посполитая была совсем не подготовлена к III Северной войне. Этот факт предопределил ее дальнейшую судьбу, так как исход войны имел решающее значение для дальнейших судеб Восточной Европы и бассейна Балтийского моря. Учитывая трагический опыт Шведского (Кровавого) потопа, как именуют в Польше шведское вторжение середины XVII в., с его бедственными последствиями, Речь Посполитая не могла позволить себе ничего, кроме как занять позицию нейтралитета. Пассивное поведение было обусловлено также внутриполитической ситуацией. «На внешнее смятение Речь Посполитая ответила гражданской войной», — подчеркивает историк. Под шведским натиском одна часть шляхты стремилась к свержению с престола Августа II Саксонского, а другая вступила вместе с королем в союз с Петром I на основе Нарвского трактата. Союз с Москвой, которому Фельдман в общем симпатизирует, он оценивает как странный союз двух противоположных стихий, какими были Московское царство и польское государство.

Речь Посполитая, оставаясь нейтральной на первом этапе Северной войны, поспособствовала победе Петра I. Историк доказывает, что застрявшие под Львовом шведские войска позволили Петру завоевать Нарву. Фельдман отмечает геополитический гений Петра I, увидевшего подходящее, с точки зрения театра военных действий со Швецией, расположение Речи Посполитой. Ее север открывал путь к Балтике, юг — к горячим точкам венгерского восстания во главе с Ф. Ракоци, соприкосновения Европы с татарским Крымом и турецкой Портой. Однако трудность для Петра создавало то, что Речь Посполитая не являлась тогда единым государством. Ее прогрессирующий распад на Корону (Королевства Польского) и Литву стал очевиднее, чем когда-либо со времени Люблинской унии 1569 г. Свидетели эпохи утверждали, что внутренние

распри в Литве выявили все слабости Речи Посполитой. (Отметим, что польский историк и писатель Павел Ясеница позже тоже критически оценил союз Польши с Литвой с точки зрения его дальнейшего развития [Jasienica Polska Jagiellonów; Jasienica Rzeczpospolita obojga...].)

Прежде всего, литовская шляхта разделилась на сторонников Карла XII и Петра I. В 1702 г. был подписан первый договор Литвы с Россией, в котором Петр I обязывался оказать военную помощь разоренной шведами Литве и выплатить 40 тыс. рублей на вооружение в обмен на имения Сапеги — союзника Карла XII. В июне царь опубликовал грамоту, адресованную литовцам, в которой обещал всем убежище в границах Московского государства, гарантировал безопасность и привилегии.

Другая ситуация, как убедительно показывает Фельдман, образовалась в Короне, где сказывался прочно укорененный польско-московский антагонизм. Шведская дипломатия упирала на общие интересы и возможность для поляков вернуть отошедшие к Москве территории. В Польше зрела новая идея общего фронта против Москвы в союзе с казаками и Турцией. Однако большинство поляков не желало вести войну в союзе со шведами.

Фельдман приходит к выводу, что Петр I намеревался обратить против шведов силы Речи Посполитой, которую царь считал серьезным союзником, способным оказать существенную военную помощь. Историк полагает, что Петр видел себя в роли защитника Речи Посполитой от шведов. Во всех неудачах в реализации петровских намерений Фельдман обвиняет царского тайного советника Иоганна Рейнгольда фон Паткуля, лифляндского дворянина. Паткуль, перешедший на службу к Петру от Августа II, стремился предстать в глазах русской государственной администрации в роли европейского дипломата — специалиста по делам Польши и притом закулисно продвигал идею расчленения Речи Посполитой.

Главная проблема состояла в том, что Речь Посполитая потеряла политическую целостность и стала заложником двух партий, связанных с варшавской и Сандомирской конфедерациями. Первая поддерживала Карла XII (и привела к свержению с польского престола короля Августа II Сильного в 1706 г.), вторая — Петра I[1]. Сандомирской конфедерации Петр обещал 60 тыс. рублей на вооружение и другие выгоды. Свои требования предъявляли литовские магнаты, в ответ на что Петр требовал от них гарантий целостности Литвы и Польши. Фельдман — единственный среди известных польских историков, кто обращает внимание на этот немаловажный факт. Стоит это особо подчеркнуть, так как Россия в польской историографии представлена главным архитектором разделения и захвата Речи Посполитой начиная со времен Петра I.

1 Стоит подчеркнуть, что эта разделенность – постоянная черта политической культуры польских элит, актуальная до сих пор.

Фельдман подробно разбирает сложную ситуацию внутри Речи Посполитой в период III Северной войны. Он доказывает, что там не могло быть ни подающей надежды политической программы, ни перспективных планов на будущее. Все зависело от конъюнктуры, внешних влияний, выгод и амбиций магнатов. Ежи Доминик Любомирский (1664-1724) — воевода краковский, гетман Адам Сенявский и Ян Ежи Пржебендовский добивались для себя особых преимуществ. Фельдман подчеркивает, что ни в одном из договоров между Речью Посполитой и другими государствами роль частных интересов не была столь велика. Магнаты не хотели соглашаться на помилование Петром казацких бунтовщиков, хотя этого требовала ситуация, однако за обещание годовой пенсии в двадцать тысяч рублей смирились. Впрочем, Любомирский все равно предал Петра — за плату, обещанную Карлом.

Как справедливо замечает Фельдман, именно тогда в прошведском лагере магнатов Речи Посполитой (во главе с Ежи Домиником Любомирским созревала идея союза с Турцией против Москвы, которая позже расцвела пышным цветом в лагере противников короля Станислава Августа II, договаривавшегося с Екатериной II, а в XIX в. нашла реализацию в ходе Крымской войны, в которой многие поляки воевали на стороне Турции [См. Ковальска-Стус]. При этом нельзя забывать, что в 1683 г. польский король Ян III Собеский спас осажденную турками Вену, положив конец продвижению Оттоманской империи вглубь Европы. Отношения с Турцией — один из многих примеров противоречивости в истории Польши.

Фельдман доказывает, основываясь на скрупулезных расследованиях, что Нарвский трактат с Петром, в отличие от Варшавского договора 1705 г. с Карлом, был «проявлением равноправия и соразмерности обоих контрагентов. В то время как из каждой строчки Варшавского договора явствует заносчивое превосходство одной стороны над другой» [Feldman Polska w dobie...]. Такая констатация очень редко встречается в польских исторических рассуждениях.

Еще один важный момент, проигнорированный большинством историков, — поддержка, оказанная Петру Ватиканом в этой войне. Это, конечно, было связано с надеждой Рима оказывать влияние на Россию и Саксонию Августа II. Папский нунций получил инструкции положительно относиться к царю, что увязывалось с согласием Москвы на деятельность ордена капуцинов в России.

Фельдман выделяет немаловажный казацкий фактор. Шляхта требовала выдворения с границ Речи Посполитой казаков и калмыков, которые «своим поведением отводят сердца обывателей от союза с царем» [Ibidem]. Проблема Украины все время грозила распадом коалиции с Петром. Польская сторона угрожала, что если Украина не вернется в границы Речи Посполитой, то будет отнята силой. Этому сопутствовали очередные требования денег.

Проблему взаимоотношений между свергнутым в 1706 г. с престола Августом II и ставленником шведов Станиславом I Лещинским Фельдман освещает в пользу Пет-

ра I, определяя его позицию как «свидетельство эластичности взглядов, умение лавировать между воюющими сторонами. Царь дал свидетельство дальновидности намерений, которые имела на европейской арене царская дипломатия» [Ibidem]. Петр I утверждал, что его намерением является защитить польскую свободу от Карла XII. Он проявил готовность вывести свои войска и признать все внутренние решения Речи Посполитой, вплоть до признания королем С. Лещинского[1].

В исследовании Фельдмана обращается внимание еще на один важный аспект Северной войны. Шведские войска отнимали у крестьян Речи Посполитой все: зерно, сельскохозяйственные орудия и продукты. После этой войны население оказалось в крайней нищете и впоследствии попадало в бо́льшую крепостную зависимость, в то время как шляхта устраивала балы. Но прежде всего Фельдман ставит шляхте в упрек то, что она забыла о внешне- и внутриполитических задачах страны, а тем временем партийные интересы завязались в гордиев узел, интриги и измены определяли ход событий — все это и вело к польской катастрофе.

Интересны фрагменты, посвященные Мазепе. Фельдман замечает, что в 1708 г. с украинским гетманом заключили союз Станислав I Лещинский и Карл XII — несмотря на то, что Мазепа три раза устраивал набеги на Польшу и опустошил ее земли, был противником Брестской унии. Невзирая на это, Лещинский обещал ему государство наподобие Курляндии на землях Полоцкого и Витебского воеводств.

Специфика исторических интерпретаций Юзефа Фельдмана связана с тем, что он был воспитанником Краковской исторической школы, учеником таких выдающихся историков, как Валериан Калинка, Станислав Смолка, Михал Бобжинский, Станислав Тарновский. Они создали совсем новый, критически переосмысленный по сравнению с историографией XIX в. образ истории Речи Посполитой. Научным руководителем кандидатской диссертации Фельдмана был профессор Станислав Кот, историк, политик и дипломат, посол Польши в Москве в 1941-1942 гг.

Однако докторская диссертация Фельдмана «Польша и восточный вопрос. 1709–1714» [Feldman Polska a sprawa...], которую он писал под влиянием противника Краковской исторической школы, профессора Владислава Конопчинского — очень влиятельного историка, приехавшего в Краков из Варшавы, — по-другому ставит акценты. Дискурс в этой книге ведется в двух направлениях. С одной стороны, подчеркивается принадлежность Речи Посполитой к Восточной Европе с ее геополитическими проблемами, определяющая роль в решении которых после победы Петра I над Швецией объективно перешла к Петру. Историк честно выявляет все недостатки политики Августа II, его измену, конфликты между магнатами. С другой стороны, у него появилась уже ан-

1 Здесь историк вплетает сюжет с упоминавшимся выше транссильванским князем Ф. Ракоци в качестве одного из претендентов на польско-литовский престол, рассматривая эту историю как хитроумную международную интригу. Любопытно, что Фельдман уделяет внимание и роли польских женщин в процессе формирования политических решений, особенно жены гетмана Сенявского; к сожалению, эту роль нельзя оценить положительно.

тирусская нота, подводящая к выводу, что политическое превосходство России в этот момент прямо вело к порабощению Польши. Одновременно из приводимого Фельдманом материала явствует, что согласие было возможно и тогда, и при Екатерине, и можно было сохранить независимость в условиях союза с Россией. Этот пример показывает, насколько интерпретации в области истории зависят от конъюнктуры. Заметим, что Фельдман не подтасовывал факты, и если корректно оценивать содержащийся у него фактический материал, то можно получить истинную картину событий.

Историография второй половины XX столетия

В послевоенные десятилетия XX в. не появилось ни одной монографической работы, посвященной интересующей нас теме. Однако в исторических публикациях более общего характера по истории России, Польши, Украины она рассматривалась.

«История России» Людвика Базылева — издание, ставшее университетским учебником для нескольких поколений польских студентов, — дает сжатый объективный обзор событий, связанных с Ништадтским миром [Bazylow, s. 168–172]. Историк вкратце освещает роль Карла XII в политических интригах, связанных с польским престолом. Подчеркивается унизительность для польского трона Альтранштадтского мира 1706 г., связанного с нарушением договора, ранее заключенного с Петром I. Описывается предательство Мазепы в отношении Петра, его союз с Лещинским и шведами, его план образования казацкого княжества оценивается как утопический. Отмечается, что крестьяне на Украине не присоединились к этому плану, — наоборот, выступили против шведов. Много внимания Базылев уделяет Полтавской битве, которой придает переломное значение для истории всех Северных войн. Не обойдены также союз с Пруссией, завоевание Штетина, Эстонии, «Инфлянт» (польское название Лифляндии, или Ливонии) и Финляндии. Автор пространно описывает подвиги российского флота.

Ништадтский мир оценивается здесь как окончательное поражение Швеции. Победа Петра в столь важной для истории Европы войне принесла плоды в виде принятия русским царем титула императора. Базылев останавливается на условиях Ништадтского мира, в особенности — на гарантии свободы вероисповедания. Подчеркивается, что немецкая шляхта с завоеванных территорий Прибалтики начала принимать активное участие в политической жизни Петербурга, достигая высоких чинов.

Историк младшего поколения того же периода, автор книги «История Украины» [Serczyk, s. 171–181] Владислав Серчик, представляющий традицию краковской школы, сосредоточил внимание на роли казачества во время III Северной войны. На первом плане здесь — роль Мазепы и Семена Палия. Пространно характеризуются сложные отношения казаков с Речью Посполитой и Россией. Роль шведов обрисована однозначно негативно. Петр I представлен как единственная в этой опасной и сложной ситуации стабилизирующая сила в регионе. Распространению хаоса способствовали не только шведы, но также казаки, турки и магнаты Речи Посполитой. Петр I представлен как талантливый государственный лидер, политик и дипломат.

Стоит упомянуть еще одного историка, который, не будучи поляком, учился и защищался в Кракове и высоко оценен как исследователь Польши. Это британский историк Норман Девис (сам он представляет себя валлийцем) В Польше изданы его «Игра Бога. История Польши» [Devies Boże igrzysko, s. 650–660] и «Европа. Борьба историка с историей» [Devies Europa... s. 699–700]. Что касается темы Великой Северной войны, то во второй книге Девис в сокращенной форме повторяет то, что написал в «Игре Бога», поэтому мы сосредоточимся на этой первой книге.

Автор называет ответственным за нападение шведов на Речь Посполитую Августа II Саксонского. При этом отмечается, что, побеждая шведов в Риге, король стремился воссоединить Литву с Польшей вопреки намерениям литовских магнатов, выступивших против союза Августа с Петром I. Историк подчеркивает героизм простого народа в сопротивлении врагам на фоне ссорящейся знати.

В этом контексте Петр I показан в роли могучего арбитра, который взял сложные политические дела Речи Посполитой в свои руки. С этого ракурса Девис оценивает и так называемый Немой сейм 1717 г., тогда как большинство польских историков считают это событие проявлением и началом русской агрессии. Девис образно описывает, как Петр вынужден был в 1707 г. несколько месяцев потратить на поиски в Польше «головы гильотинируемой Речи Посполитой, которую можно было бы положить на затылок под гильотину» [Devies Boże igrzysko, s. 654]. Описывая впечатления царя от переговоров со шляхетскими партиями, историк выражает удивление, что польские республиканцы рассчитывали вести себя с ним панибратски. Тогда впервые в русских документах появилось определение «польская анархия». Стремлением Петра, на что очень редко указывают польские историки, было сохранение единства Литвы и Польши, к чему он старался привлечь саксонцев. Но для решения этой задачи требовались единство польской шляхты и ее солидарность с королем, а достичь этого в польских условиях было невозможно.

Здесь раскрывается очень важный контекст III Северной войны. Столь критикуемый в польской историографии Немой сейм на самом деле опережал своими постановлениями (заглавие) Великий сейм времен Станислава Августа и фактически утвердил, как пишет Фельдман, первую конституцию в письменном виде (польское заглавие документа — Konstytucye). По повелению Петра, он также устанавливал постоянную численность солдат и обязательных налогов на содержание войск. До тех пор в Речи Посполитой не было постоянной армии — только ополчение, не говоря уже о плачевном состоянии государственной казны в условиях шляхетской свободы как непререкаемой политической догмы. В этом плане Петр I, можно сказать, способствовал государственному укреплению Речи Посполитой.

Девис четко определяет политический маневр Петра по отношению к Речи Посполитой: таким способом шляхта и король были лишены средств, при помощи которых они могли бы друг другу угрожать. Упомянутый сейм в польской историографии назван Немым, потому что условия были оговорены раньше, а сейм дал присягу, что

примет их без дискуссий и протестов. На фоне принципа либерум вето, принятого в сейме Речи Посполитой на протяжении долгого времени, подобный казус не мог вызвать понимания.

В трактовке Девиса — в этом плане оригинальной, — III Северная война, которую он называет Великой, определила начало современной политической истории Польши [Devies, с. 655]. Особый интерес представляет еще одна констатация этого автора. Он отмечает, что политическая элита Речи Посполитой, осознав, что попала в зависимость от России, пыталась отстоять свободу, устраивая мятежи, но этим лишь неизбежно усугубляла свое положение.

Историк обратил внимание и на разочарование Августа II Речью Посполитой, цитируя слова короля, что он будет вынужден выставить ее «на аукцион». Причина состояла в том, что монарх не имел в Речи Посполитой какой-либо реальной власти. Власть над государственными учреждениями, земскими сеймами, судами, армией и церковной иерархией принадлежала магнатам. Они единолично управляли своими вотчинами, а среди шляхты, как в древнем Риме, имели своих клиентов, определяя через них внутреннюю и внешнюю политику.

Современная историография

Несколько интересных статей на рассматриваемую нами тему появились в последнее время. Стоит обратить внимание на статью Петра Вежбицкого «Польша накануне и в эпоху Северной войны — внутренние и международные условия поражения 1700–1721» [Wierzbicki], которая получила награду конкурса «Геополитика и независимость», организованного польским министерством иностранных дел в 2018 г. Автор выдвигает на первый план проблему пропагандистской борьбы сандомирских и варшавских конфедератов. Последние впервые использовали такой же аргумент против союза с Россией, какой выдвигается и сегодня: утверждали, что такой союз угрожает разрушением демократии (тогда шляхетской) в Речи Посполитой. Вежбицкий обратил внимание на несогласованность с Ватиканом политики примаса кардинала Радзиевского, который призывал всю шляхту к союзу с Карлом XII. Шведский король же, по оценке историка, нуждался для завоевания России в ресурсах Речи Посполитой, что привело последнюю к сильной политической и экономической зависимости от Швеции. Это касалось также высоких контрибуций, которые сторонники Карла платили ему.

В то время, подчеркивает Вежбицкий, Россия была для Речи Посполитой единственным союзником, а Швеция — единственным агрессором. Россия обещала присоединить к Речи Посполитой правобережную Украину, оказать военную помощь и дать деньги на оружие. Автор обращает внимание на то, что Петр всегда реагировал на опасность ослабления королевской власти. Когда в 1715 г. образовалась Тарногродская конфедерация против короля Августа II, Петр на протяжении года старался ее умиротворить, что удалось, наконец, при помощи Немого сейма, который одобрил постоянное присутствие русских войск в Речи Посполитой для сохранения порядка.

Интересные моменты содержит статья Михала Петруса «Жестокие усмирения и зона смерти. Шведско-русская война на польской земле» [Petrus]. Впервые предметом исследования стала судьба крестьян в Северной войне. Автор подчеркивает, что наибольшие потери в Речи Посполитой понесли именно крестьяне. Обращается внимание еще на один аспект, отсутствующий в других публикациях. Карл XII верил в богоизбранность Швеции, в ее призвание одержать победу над неверным «Ассуром». За этим именем, подразумевавшим Россию, стояла отсылка к ветхозаветной борьбе Израиля с Ассирией. Вера в свою миссию оправдывала в глазах Карла все преступления шведской армии, а шведские священники подталкивали солдат к убийствам и разжиганию пожаров во имя Божье. После победы шведов в битве при Калише в 1706 г. пленные саксонцы могли рассчитывать на пощаду, русские же подвергались уничтожению. Карл намеревался свергнуть с престола Петра и заменить его сыном польского короля Яна Собеского. Петр I, в свою очередь, проводил политику «выжженной земли» вдоль границы Речи Посполитой с Россией, чтобы лишить врага продовольствия, дорог и мостов, но успел это сделать только вдоль главной линии. Местные жители тогда прятались по лесам. Можно добавить, что в Мазовии курпы организовали довольно эффективное партизанское движение. В одном из сражений с партизанами едва не погиб Карл XII. В порядке усмирения шведы на этой территории истребляли людей целыми деревнями, с женщинами и детьми, пытали и убивали всех. Конец этому беспределу положила Полтавская победа Петра.

Заслуживает упоминания и интересная статья Марии Романовской-Задрожной под названием «Шведские грабежи в Польше. Причины, характеристика и последствия» [Romanowska-Zadrożna]. Она охватывает период от шведского нашествия на Польшу («Шведского Потопа») 1655–1660 гг. до III Северной войны, содержит описание и снимки артефактов. Здесь приводятся небезынтересные сведения о нищете шведского общества, для которого эта война создала возможность обогащения всех, от простого солдата до короля, который грабил коллекции искусства и библиотеки. До сих пор польские медиевисты вынуждены работать в шведских библиотеках, где находятся многие польские архивы. Вывезены были также регалии из Кракова, разграблены костелы. Ограблению подверглись могилы королей на Вавеле — шведы не пощадили даже гроб Владислава IV из шведской династии Васа, откуда украли два серебряных гвоздя. В общей сложности Вавель подвергся разграблению шведами в ходе трех войн восемь раз. Автор приводит удивительную историю трех солдат, которые украли и на собственных плечах принесли в родную деревню Насгульт (Nashult) огромный средневековый алтарь, где он находится по сей день. Среди другой добычи были колокола, органы, камины, колонны, лестницы, двери, целые книжные собрания (67 библиотек, 17 архивов). Шведы уничтожили десятки дворцов; неповрежденными остались, из наиболее значимых, только два города — Львов и Гданьск. В их понимании, армия должна была сама себя кормить, содержать и оплачивать за счет покоренных либо союзников.

Наконец, по-своему интересна статья Яцка Шимали «Полтавская битва (1709 г.). Обзор избранных современных визуализаций», предметом которой является отображе-

ние символического значения Полтавской битвы в искусстве кино [Szymala]. А Януш Бжоза, в свою очередь, остановился на поэзии периода Северной войны, посвященной этому событию [Brzoza].

* * *

Рассмотренные научные работы не вписываются в мейнстрим польской историографии, которая сосредоточена на разделах Польши и с этой точки зрения смотрит и на прошлое, и на будущее. Они отличаются объективизмом и на удивление перекликаются с современностью.

Затронутые здесь проблемы, такие как польско-шведские войны, личность и историческая роль Петра I, внутриполитическая ситуация в Речи Посполитой начала XVIII в., оценка правления Августа II и другие, — сами по себе, взятые по отдельности, в целом исторических исследованиях представлены достаточно объективно. Основная трудность заключается в интерпретации, которая бы сопоставила и соединила все эти аспекты прошлого.

Если говорить о роли Петра I в контексте событий, участниками которых во время III Северной войны были шведы, поляки, литовцы, Август II, то можно отметить следующее. Несмотря на однозначно негативную оценку действий Швеции, польские историки, как правило, трактуют роль Петра I в этих событиях также негативно, связывая ее с последующими разделами Речи Посполитой. На первый план ими выдвигаются факторы, которые, по их мнению, вели к уничтожению польской государственности в пользу России.

Лишь немногие исследования, включая рассмотренные выше, показывают всю сложность и многогранность тогдашней ситуации. Петр I, польские конфедераты, Август II рассматриваются как договаривающиеся стороны, у каждой из которой были свои приоритеты и условия. Наиболее ненадежной и внутренне расколотой была польская шляхта. Причины этого можно искать в политическом устройстве Речи Посполитой, неэффективном управлении династии Васа, беспощадности шведского нападения и др.

На фоне трагических событий того периода польской истории Петр I предстает в рассмотренных публикациях как дальновидный политик, хорошо ориентирующийся в ситуации и готовый идти на уступки. И самое главное — как проявляющий готовность к сотрудничеству в борьбе со шведами при сохранении государственной целостности Речи Посполитой, которую он поддерживал. Что касается мер принуждения, к которым прибег Петр I, то они выглядят скорее как оправданные, целительные — избавляющие Центральную и Восточную Европу от худших бедствий. Рассмотренные работы польских историков можно оценить как отличающиеся рациональным анализом, стремлением к исторической правде и неприятием упрощений в освещении сложных и многогранных исторических событий.

Литература

Ковальска-Стус Х. Поляки в крымской войне. идейная и личная мотивация // Политическое пространство и социальное время: система координат в меняющемся мире, Симферополь. 2019.

Bazylow L. Historia Rosji, Wrocław- Warszawa-Kraków 1969, s. 168-172.

Bocheński A. Dzieje głupoty w Polsce. Kraków. 2020.

Brzoza J. Szablą i piórem. Uwagi o poezji okolicznościowej początku wojny północnej (1700–1703) // NAPIS. Seria XII. 2006. S. 395–409.

Devies N. Boże igrzysko. Historia Polski, przekł. E. Tabakowska, Kraków 1990, s. 650–660.

Devies N. Europa. Rozprawa historyka z historią, przekł. E. Tabakowska. Kraków. 1999. S. 699-700.

Feldman J. Polska a sprawa wschodnia 1709–1714. Kraków 1926. — URL: kpbc.umk.pl/dlibra/doccontent?id=180457 (date of access: 15.10.2021).

Feldman J. Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704-1709. Kraków. 1925. — URL: pbc.gda.pl/dlibra/doccontent?id=2867 (date of access: 16.10.2021).

Jasienica P. Polska Jagiellonów. Warszawie. 2018.

Jasienica P. Rzeczpospolita obojga narodów. T. 1-2. Warszawie. 2018.

Petrus M. Brutalne pacyfikacje i зона strefa śmierci. Wojna szwedzko-rosyjska na polskiej ziemi // Ciekawostki Historyczne. 25.08.2015. — URL: ciekawostkihistoryczne.pl/2015/08/25/brutalne-pacyfikacje-i-strefa-smierci-wojna-szwedzko-rosyjska-na-polskiej-ziemi/ (date of access: 17.10.2021).

Romanowska-Zadrożna M. Grabieże szwedzkie w Polsce. Przyczyny, charakterystyka i skutki. — URL: cennebezcenne.pl/wp-content/uploads/2018/08/CBU_2005_3-s-32-37-zadrozna.pdf (date of access: 17.10.2021).

Serczyk W. Historia Ukrainy. Wrocław-Warszaw-Kraków. 1990. S. 171–181.

Szymala J. Bitwa pod Połtawą (1709). Ogląd wybranych współczesnych wizualizacji // Kultura i Historia, № 36/2019 (2). S. 85-105.

Walicki A. O Rosji inaczej, Wyd. Fundacja Oratio Recta. Warszawa. 2019.

Waszkiewicz J. Obraz Moskala w piśmiennictwie polskim XVI - XVII w // ECHA Polesia. 05.11.2016. — URL: polesie.org/3294/obraz-moskala-w-pismiennictwie-polskim-xvi-xvii-wieku-2/ (date of access: 12.10.2021).

Wierzbicki P. Polska przeddzień i w dobie wojny północnej — wewnętrzne i międzynarodowe uwarunkowania обусловленности (1700-1721). — URL: usa-ue.pl/klasyka-geopolityki-teksty/opracowania/polska-przeddzien-i-w-dobie-wojny-polnocnej-wewnetrzne-i-miedzynarodowe-uwarunkowania-1700-1721/ (date of access: 17.10.2021).

УДК 94; 327; 341
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-82-90

Галина Шебалдина

Освобождение пленных: по материалам мирных соглашений между Россией и Швецией в XVI–XVIII вв.

Аннотация. *Создание правовых норм, регулирующих статус и положение военнопленных, было длительным процессом. Оно начиналось с традиций, обычаев и практического опыта, накопленного в ходе военных конфликтов. Со временем, по мере развития гуманитарных начал мировоззрения и под сильным влиянием христианской морали и этики европейской цивилизации, происходили изменения в статусе и положении военнопленных. В данной статье этот процесс детально прослеживается на примере соответствующих договоров между Россией и Швецией, заключавшихся двумя государствами по окончании военных столкновений между ними на протяжении XVI–XVIII вв. Именно в этот период традиционная практика войн Средневековья постепенно дополнялась и сменялась в Европе новым подходом, связанным с консолидацией национальных государств. Формировались правила, ставшие предшественниками юридических статей международного военного права, в том числе и относящихся к военнопленным. Проведенное исследование помогает выявить предпосылки и особенности этого процесса.*

Ключевые слова: *военный плен, военнопленные, гуманитарное право, международные отношения, Россия, Швеция, Средние века и Новое время, дипломатия.*

Период с XVI по XVIII в. был наиболее активным во взаимоотношениях России и Швеции — как в мирном, так и в военном формате. Это хорошо отражено в многочисленных двусторонних дипломатических актах.

Текст любой статьи мирного соглашения является результатом большой предварительной работы представителей всех сторон вооруженного конфликта, подписывающих договор. Канцелярские служители начинали подготовительную работу именно с того, что извлекали из архивов предшествующие мирные договоры и переписывали содержание соответствующих статей. Тем больший интерес представляет то, что появлялось в них нового и как это было связано с меняющейся действительностью.

Сведения об авторе: *Шебалдина Галина Викторовна — доцент кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС), научный сотрудник Научно-образовательного центра «Гуманитарный архив» Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), кандидат исторических наук, gshebaldina@yandex.ru.*

Не рассматривая здесь историю формирования статуса военнопленного и его юридического оформления, упомянем некоторые моменты. С началом Нового времени в Европе отношение к военнопленным сочетало традиционную практику, основанную на предшествующем опыте войн Средневековья с его наемными отрядами отдельных феодальных владетелей (чья главная задача состояла в самообеспечении), и новый подход. Он был связан с формированием национальных государств, во главе централизованно управляемых армий которых находились те, для кого большое значение имел статус правителя, ведущего справедливую войну по правилам. Именно такие правила стали предшественниками юридических статей международного военного права, в том числе и относящихся к военнопленным.

При составлении мирных договоров была важна и роль собственного опыта государств. Международные договоры должны были устроить все стороны. Однако существовал раздел по линии принадлежности к «правильной» вере. Различия в положении христианских и мусульманских пленных — известная в историографии тема.

Судя по известным нам источникам, эволюция отношения к пленным на Руси соответствовала европейским тенденциям. Можно говорить только об определенном хронологическом отставании, но и оно в международных договорах не так заметно, как, например, в межкняжеских договорах периода феодальной раздробленности.

К XVI в. существовал, пожалуй, единственный непременный пункт мирных трактатов — взаимность отпуска военнопленных. При этом безвозмездность, освобождение от крестного целования, отдача на поруки и т.д. обрастали в большей или меньшей степени дополнительными условиями. Даже, казалось бы, очевидный шаг — освобождение пленных после окончания войны без выкупа долгое время было невозможно. Выкуп пленных оставался актуальным для европейских стран в течение всего XVI в., для русско-польских отношений — до начала XVII в., а в договорах с Османской империей и Крымским ханством — вплоть до первой половины XVIII в.

Исследователи считают, что прогресс в отношении положения военнопленных в Московском царстве начинается с договоров с Речью Посполитой. Как свидетельствуют документы, Иван IV уже активно использовал европейские тезисы об обязанности истинно христианского правителя думать о своих и чужих подданных, попавших в плен. Но при этом, обсуждая 5 июля 1566 г. со своими боярами предложение королевских послов отпустить пленных ранее съезда для заключения долгожданного мирного договора, он весьма прагматично рассуждает о потерях из-за неполученного выкупа за знатных литовских пленных: «… ино то рати на себя прибавляти а у себя казну убавляти» [Сборник… т. 71, с. 399].

Первым русско-шведским мирным договором, при подготовке которого обсуждался вопрос о порядке освобождения военнопленных с обеих сторон, стало перемирие, завершившее войну 1554–1557 гг. (или, как ее называют в Швеции, «Большую русскую войну»). Документ был подписан в Новгороде 25 марта 1557 г. сроком на 40 лет и стал

результатом многомесячных переговоров между представителями Ивана Грозного и Густава I Вазы.

Царь Иван, воспользовавшись благодушием противника, отказался от простого и полного отпуска пленных, на чем настаивала шведская сторона. Он очень четко разделил государственный и частный плен, при этом очевидно, что число пленных, находившихся в тюрьмах, то есть в «государственном плену», было во много раз меньше. Именно их Иван IV отпустил без всяких условий. Тех же, кто был в частных руках, царь милостиво разрешил выкупить по ценам, которые будут установлены их владельцами. Он позволил приехать «покупателям» — не указывая, будут это родственники или уполномоченные лица — и в Москву, и в Новгород, и в другие русские города [Сборник... т. 129, с. 42].

Не удалось решить вопрос об отпуске военнопленных в недолгий период дружбы и «братских» отношений с наследником Густава I, Эриком XIV. Договор, подписанный в Александровой слободе 15 февраля 1567 г., многие исследователи вслед за Г.В. Форстеном называют большим достижением русской дипломатии. Но претворить в жизнь достигнутое не удалось — смещение Эрика XIV и восшествие на престол Юхана III среди прочего сделало актуальным вопрос об освобождении пленных.

Тема выкупа пленных завуалированно возникала при разработке Ям-Запольского перемирия с Речью Посполитой и Плюсского перемирия со Швецией. Но решение вопроса перенесли по взаимной договоренности на будущее.

Долгожданный русско-шведский договор о «вечном мире» был подписан у р. Наровы при Тявзине 18 мая 1595 г. Стоит отметить, что и структура, и содержание позволяют рассматривать его как своего рода образец договоров следующего, XVII в.

Текст, размещенный в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских», начинается традиционным перечислением титулатуры правителей — Сигизмунда III и Федора Иоанновича — и состоит из нескольких ненумерованных параграфов. Первые из них — важнейшие: территориальные разделы и обязательства мирных намерений сторон. Следующие в некоторой степени затрагивают вопросы торговли и свободного плавания, а также обязательного удовлетворения долговых обязательств. Текст об отпуске военнопленных не выделен отдельно. Он следует за обязательством не грабить выброшенное во время кораблекрушений на берег имущество и определением порядка сбора пошлин с лопарей, проживающих на территории обоих государств.

«Равно мы, Великие Послы, уговорились и решили, что все пленные, как Дворяне, так и простые люди, малые и большие, с обеих сторон должны быть освобождены, без всякаго выкупа, или обмена, и никого отнюдь не принуждать оставаться, разве они по собственному добровольному согласию пожелают остаться там, где находятся. Также должны и все пленные, будь то Шведы, Финны или Эстонцы, которые были взяты

в плен в землях и замках, находящихся под Шведским владычеством, или которые были взяты на поле сражения и служили Шведскому Государству, все те пленные также должны быть освобождены безпрекословно. Точно также как и те (пленные), которые были взяты в плен в Русии в Татарской земле (Tattie), или такие, которые взяты по замкам, либо на поле сражения, и уведены в Шведское Государство, должны быть тоже освобождены, и все пленные с обеих сторон должны быть безопасно препровождены на рубежи. Русскому народу должно быть также предоставлено посылать своих людей отыскивать всех Русских пленных в Швеции, Финляндии и Эстляндии, и должны все безпрепятственно быть освобождены. То же должно быть предоставлено Шведам, Финнам и Эстонцам отыскивать всех пленных в России, и их точно так же должно освобождать» [Чтения… книга вторая, с. 6–7].

Можно выделить несколько важных положений:

- освобождению безо всякого обмена или выкупа подлежат все пленные, какого бы они чина и звания ни были;
- кроме взятых в плен на поле сражения, выделена категория взятых «по замкам»;
- принять решение остаться пленные могут только добровольно;
- свобода предоставляется представителям всех народов, которые находились на службе своему монарху на момент взятия в плен;
- назначение специальных уполномоченных для отыскания пленников и отправки на родину.

Но этот договор так и не был ратифицирован ни одним из правителей. Федор Иоаннович скончался, а пришедший ему на смену Борис Годунов посчитал договор невыгодным. Короля Сигизмунда в тот момент гораздо больше интересовали события в Польше.

Решение вопроса о военнопленных вновь было отложено. Между тем наступившее вскоре Смутное время, сопровождавшееся шведской и польской интервенциями, привело к стремительному росту количества военнопленных — как ратных людей, так и гражданских лиц. Проблемы, связанные с их содержанием, давление на власти со стороны родственников знатных пленных, которые любым способом (выкупом или обменом) хотели помочь своим близким, — все это было причиной того, что еще до заключения мирного договора шведы неоднократно ставили на повестку дня вопрос об обмене пленными.

Подготовка Столбовского мирного договора была длительной. Наибольшие споры развернулись вокруг территориального разграничения и титулования государей (проблемы, которая была одной из ведущих на протяжении всего XVII в. в отношениях России и Швеции). Вопрос отпуска пленных, как и ряд вопросов торговых отношений, не вызвали затруднений. Еще в первых статьях, подписанных 3 декабря 1616 г. графом Якобом Делагарди и английским послом Йоханесом (Иваном) Мериком, представлявшим русского царя, сделано особое указание, что они решаются в соответствии с Тявзинским и Выборгским мирными соглашениями.

В итоге статья о военнопленных Столбовского мирного договора, подписанного после долгих согласований 27 февраля 1617 г., гласила:

«А всем полоненником, какова они чина или народа ни буди: и тем ныне тотчас, сколь скоро сей мирный договор здесь совершится, с обе стороны, без всякаго окупа, на рубеже освобоженным и отпущенным быти. А будет которые ныне столь далече в Свейском Королевстве, или в Российском Царствии, что им столь скоро не мочно на рубеж быти, и тем безо всякаго задержания и хитрости Июня к 1 числу нынешняго 1617 году с обе стороны на рубеже межь Орешка и Ладоги к реке к Лавуе приведенным и тамо безо всякаго окупа освобоженным и отпущенным быти. А которые будет на которой стороне добровольно остатись и служити похотят: и то им на воле быти» [Полное собрание... т. I, №19, с. 186–187].

Помимо отсутствия каких-либо ограничений предоставления свободы, связанных со званиями и национальностью, пленные объявлялись свободными без всякого выкупа. Любопытны формулировка об «освобождении на рубеже», а также впервые появившееся в русско-шведских договорах определение конкретной даты (в данном случае — 1 июня 1617 г.), до которой было необходимо «привести» к рубежу находившихся «далече в Свейском Королевстве, или в Российском Царствии»; названо и конкретное место на границе, где будет происходить отпуск пленных. Здесь же вскользь обозначена проблема, которая оставалась актуальной еще многие десятилетия, — нежелание отпускать пленных их частными «владельцами».

Валиесарское перемирие 1658 г., по мнению Г.В. Форстена, было результатом стремлением шведского короля Карла X выйти из состояния войны с Россией, отнимавшей много денег и сил, и сосредоточиться на разрешении конфликтов с европейскими противниками. Их к середине XVII в. у Швеции было предостаточно [Форстен, с. 316–317]. Заключенное (что интересно, русскими на 20 лет, а шведами на 3 года) перемирие это современники считали необыкновенно удачным для шведов и недоумевали, почему русские не воспользовались открывшимися возможностями что-либо выторговать для себя. Даже вопрос о титуловании не вызвал бурных дискуссий. Как указывали Е.И. Кобзарева и вслед за ней Б.Н. Флоря, возможная причина состояла в том, что обе стороны были заняты решением более актуальных для них на тот момент политических задач, а перемирие рассматривалось как промежуточный шаг к их решению [Кобзарева; Флоря].

В статье перемирия, касавшейся освобождения военнопленных, можно обнаружить новые предложения, которые являлись результатом осмысления практики выполнения предшествующих соглашений. Статья 10 гласила:

«Всех полонянников, какого чину и достоинства и природы они ни суть, которые в нынешнем воинском времени взяты в полон, или инако некакою мерою задержаны суть, именною тех, которые в ближних местах или в крепостях сыщутся ныне вскоре, а иных, которые далеко живут, до Марта 1 числа 1659, а тех, которые в самых дальних

местах задержаны живут, в год изо дня в день без всякого откупу, на ближайшие городы через рубеж, вольно освобожденных и развязанных выдать; а которые с доброй воли на обе стороны остаться, или служить похотят, и тем то быть на воле» [Полное собрание… т. I, № 240, с. 473].

Во-первых, стоит отметить, что субъектами действия этого положения указаны плененные именно в этой войне, а не все, кто «накопился» за прошедшие годы. Во-вторых, срок возвращения увеличен до года для тех, кто находился в самых отдаленных местах. Кроме того, уже не указывается конкретное место доставки пленных, а речь предусмотрительно идет о городах на рубеже. Можно предположить, что эти изменения связаны с трудностями, с которыми столкнулись власти при возвращении пленных после договора 1617 г.

Наконец, обращает на себя внимание упоминание в договоре тех, кто не были взяты на поле боя, а «инако некакою мерою» были задержаны. В связи с этим интересно указание стольнику В.К. Безобразову от 8 июля 1659 г. В ней дается ссылка на договорные статьи полномочных послов боярина И.С. Прозоровского и Г. Бьелке, где написано: «полоняянников, которые взяты в нынешнюю войну в Российское государство, какого они чину или народу ни буди, или в торговлях задержаны нынешнею войною, которые не приняли веры греческого закону… а которые люди в нынешнюю войну от воинских людей из завоеванных городов и земель и уездов разбежались, и тем дать воля, кто где жити похочет, и в свои дома приходити» [Акты… № 1143, с. 671].

Фактически это соединение двух статей Валиесарского договора: 10-ой и 11-ой. Здесь расшифрована категория задержанных «некакою мерою» и, что особенно важно, указано, что возврату не подлежат принявшие православие. Вставить это уточнение в мирный договор помешало нежелание обострять переговоры со шведами.

Внешнеполитическая ситуация привела к тому, что уже в сентябре 1659 г. начались переговоры о заключении «вечного мира» между Россией и Швецией, закончившиеся подписанием 21 июня 1661 года договора в Кардисе. Обратим внимание на статью 20 Кардисского мирного договора: «Всем полоняянникам с обеих сторон, какого чина или природы они ни могут быти, кроме тех, которые в Российском Царствии Греческую веру добровольно приняли, без отказу, где они ни есть, свобоженным, и чрез рубеж к ближайшей крепости, другого Великого Государя приказным людям отданным быти; а те, которые доброю волею на одной или на другой стороне хотят служить, и тем то вольно и повольно быти» [Полное собрание… т. I, № 301, с.544].

Вскоре оказалось, что полномочные послы Б. Горн и И.С. Прозоровский увезли своим правителям для ратификации разные варианты договоров. В шведском варианте договора (и это было обнаружено не сразу) отсутствовала фраза о том, что отпуску не подлежат пленные, которые добровольно приняли православие. Это особенно интересно ввиду попыток русских властей внести подобное условие в предшествующие соглашения. Очевидно, проблема крещения пленников была настолько актуальна, что требовалось закрепить их статус законодательно.

Потребовались специальные переговоры и, как следствие, «Обнадеживание» шведского короля Карла XI от 22 апреля 1662 г. о его согласии принять эту «описку» русских дипломатов и тем самым — удержание тех пленных, которые приняли «Греческую веру» [Полное собрание… т. I, № 301, с. 550-551]. Этот документ весьма примечателен. Стремление регентского совета при малолетнем короле как можно быстрее завершить все военные конфликты лишь частично объясняет «великодушие» шведской стороны. Возможно, оно связано также и с тем, что полученные выгоды от этого мира затуманили шведам голову, невольно обрекая сотни плененных и депортированных в эту и последующие войны на разлуку с родиной.

Очевидно, что трактовка, предложенная шведскими властями, настолько устраивала русские власти, что именно ее (делая специальную оговорку, что она подписана шведским королем 22 апреля 1662 г.) они внесли в статью 3 Плюсского договора, заключенного 12 октября 1666 г. [Полное собрание… т. I, № 395, с. 642]

В пункте об отпуске военнопленных появились и новации. В частности, стороны договаривались о том, что те православные, которые жили на территории шведского королевства и были взяты в плен русскими войсками, могли выбрать: остаться или уехать в Швецию. Это была весьма щедрая уступка со стороны России, учитывая, насколько бескомпромиссными были русские церковные власти, когда речь заходила о пастве.

Первый русско-шведский мирный трактат XVIII в., Ништадтский, на фоне предшествующих договоров был гораздо более полным и, казалось, охватывал все наиболее важные аспекты освобождения военнопленных после окончания военных действий. Это объяснялось не только европейскими устремлениями Петра Великого. Обстоятельств, которые могли повлиять на это, довольно много. Изменения в содержании дипломатических документов — обоюдный процесс: не только Россия, но и Швеция оказалась готова к разработке, согласованию и принятию новых формулировок, общий дух которых соответствовал бы эпохе Просвещения и господства разума. Кроме того, нельзя забывать о стремлении Петра к тотальной регламентации, в которой он видел средство избежать ошибок исполнителей договора.

В статье 14 заключенного 30 августа 1721 г. Ништадтского договора было написано:

«С обеих сторон военные пленники, какой бы нации, чина и состояния ни были, имеют тотчас по воспоследованной ратификации сего мирного трактата без всякого выкупа, однако ж когда всякий наперед либо во учиненных каких долгах, или разделку учинит, или в платеже оных довольственную и справедливую поруку даст, из плена освобождены, на совершенную свободу выпущены и с обеих сторон без всякого задержания и в некоторое уреченное по расстоянию мест, где оные пленники ныне обретаются, пропорциональное время до границ с надлежащими подводами безденежно по возможности выпровождены быть. А те, которые у одной или другой стороны службу приняли или инако в землях одной или другой стороны остаться намерены будут, в том без изъятия всякую свободу и совершенную мочь иметь. Сие же разумеется и о

всех во время сей войны от одной или другой стороны увезенных людях, которые також по своему произволу остаться или в дома свои свободно и без помешательства возвратиться могут и имеют, кроме тех, которые по своему желанию веру Греческого исповедания приняли, которые на стороне Его Царского Величества остаться имеют; для чего обе высокодоговаривающиеся стороны в своих землях публичными указами о сем публиковать и объявить изволят» [Полное собрание... т. VI, № 3819, с. 428].

Первое, на что здесь стоит обратить внимание, — указание, что этот пункт вступит в действие после его ратификации договаривающимися сторонами. Упорядочен отпуск на свободу тех, кто во время долгого плена был вынужден взять деньги в долг. Для того чтобы отправиться домой, он должен либо вернуть займ, либо предоставить поручителя в том, что деньги будут возвращены в установленный срок.

Учитывая, что география размещения пленных каролинов[1] была очень обширной, оправданным представляется отказ от установления конкретных дат и сроков возвращения. Существенно в связи с этим указание на предоставление местными властями подвод, и «по возможности» безденежно.

Интересно, что впервые названы вместе группы тех, кому предоставлено право самостоятельно выбрать: уехать или остаться. Речь идет о привычной (в этом контексте) группе — поступивших на службу другой стороне, а также о новой — «от одной или от другой стороны увезенных людях». Принципиально важным для разработчиков этого положения является то, что не отпускались на родину те, кто «по своему желанию веру Греческого исповедания приняли».

Еще одно важное формальное новшество статьи состояло в указании на то, что условия отпуска военнопленных будут опубликованы и доведены до сведения всех подданных. Учитывая, что некоторое количество пленных и, особенно депортированных жителей прибалтийских провинций, находилось в частных руках, правители тем самым давали понять, что не оставят без внимания случаи нарушения правил. Как показали дальнейшие события, намек был услышан не всеми: под давлением шведских уполномоченных русским властям пришлось еще не раз выпускать грозные указания о возврате пленных в их отечество.

В ходе Великой Северной войны Швеция навсегда распростилась с идеей великодержавия, но в последующие десятилетия предпринимала несколько попыток пересмотра условий мирного договора, в первую очередь территориальных положений. Статьи о порядке освобождения военнопленных в целом остались без существенных изменений как в Абоском 1743 г., так и в известном своей лаконичностью Верельском мирном договоре 1790 г. Тем не менее в последнем соглашении в соответствующей статье появляются новые элементы.

---

1 Каролинами называли воинов шведских королей Карла X, Карла XI и Карла XII.

«Военнопленные, и всякие другие не носившие оружия и в продолжение неприятельских действий взятые воюющими Державами, — говорилось там, — будут с обеих сторон освобождены без всякого выкупа, и вольно им будет возвратиться восвояси, не требуя взаимно никакого удовлетворения расходов, употребленных на их содержание; но обязаны они будут заплатить частных людей на них долги в обоюдных Государствах» [Полное собрание… т. XXIII, № 16893, с.161].

Текст статьи оригинален, и стилистика его заметно изменилась, став не такой тяжеловесной, что не удивительно, учитывая эпоху правления и личность Екатерины Великой. В сложившийся образ просвещенной законодательницы и в то же время рачительной хозяйки великой империи вполне укладывается новое уточнение: отказ сторон от возмещения государственных расходов на содержание пленных.

Отдельно следует отметить, что Екатерина II исключила из договора одно из самых спорных и чувствительных положений предшествующих мирных соглашений — задержание тех, кто принял во время нахождения в плену православие. Этот факт доказывает то, что к концу XVIII в. в российском государстве формируется военное гуманитарное право, соответствующее европейским тенденциям.

Подводя итог, следует отметить, что дискурсивное поле данной тематики чрезвычайно обширно, и его изучение способно привести к очень интересным и, возможно, неожиданным выводам.

Литература

Акты Московского государства. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. СПб. 1894. № 1143.

Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661гг. М. 1998.

Полное собрание законов Российской Империи. Т. I; VI; XXIII. СПб. 1830.

Сборник Русского исторического общества. Т.71, СПб. 1892; Т.129, СПб. 1910.

Флоря Б.Н. Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре (1658 г.) и Речь Посполитая // Славяноведение. М. 2005. № 2.

Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // Журнал министерства народного просвещения. СПб. 1898. Февраль.

Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М. 1868. Апрель-Июнь.

Перспективы. Электронный журнал №4-2021

УДК 327; 94
DOI 10.32726/2411-3417-2021-4-91-135

Марку Кангаспуро

Россия и страны Балтии: от Ништадта до наших дней[1]

Аннотация. *Обзор основных трансформаций в геополитической конфигурации Балтийского региона за три столетия, прошедшие после подписания Ништадтского мирного договора, показывает, что несмотря на сложившиеся здесь новые геополитические реальности вызовы остаются старыми. Вместе с тем сохраняется баланс сил между крупными державами, который минимизирует военную угрозу и является предпосылкой оптимистичных перспектив. Главный вопрос состоит в том, каким образом реализовать в полной мере потенциал экономического, экологического и культурного развития Балтийского региона. Отмечается также, что развитие ситуации в Балтийском регионе в плане безопасности, торговли и политики всегда имело значение для всех главных игроков на европейской арене, и его нельзя рассматривать изолированно от процессов в других зонах мира.*

Ключевые слова: *Балтийский регион, Северная война, баланс сил, крупные державы, геополитические конфигурации.*

Шведская экспансия до Ништадтского мирного договора, в частности в период Тридцатилетней войны, поражала своей масштабностью. Она создала новую реальность в Северной Европе и регионе вокруг Балтийского моря. Территориальные завоевания — полученные шведами новые земли (сегодня принадлежащие России или входящие в состав других государств Балтии) превратили Швецию в великую державу в масштабах всей Европы.

Северная война ознаменовала новую конфигурацию и новый баланс сил. Это была война между великими европейскими державами того времени. Коалиции их были довольно сложными и неустойчивыми.

В общих чертах расстановка сил была такова. Франция, преследуя собственные интересы, поддерживала Швецию против растущего влияния России в Европе и на Юге.

1 Текст доклада на международной научной конференции «Рождение Империи. Россия между Востоком и Западом», МГИМО МИД России, 23 сентября 2021 г.

Сведения об авторе: *КАНГАСПУРО Марку (Kangaspuro Markku) — профессор, директор Александровского института — Финского центра российских и восточноевропейских исследований при Хельсинкском университете (Финляндия), markku.kangaspuro@helsinki.fi.*

Англия и Нидерланды поддерживали все стороны, также исходя из собственных интересов. Их волновали прежде всего вопросы морской торговли в регионе Балтийского моря, Атлантического океана, Средиземного моря, входивших в их сферу влияния. Часть немецких княжеств были союзниками России.

Нельзя также забывать об Османской империи, игравшей важную роль в южной части евразийского пространства, имевшей связи с регионом вокруг Балтийского моря и в силу этого оказывавшей определенное влияние на ход событий там. Стоит подчеркнуть, что развитие ситуации в Балтийском регионе в плане безопасности, торговли, политики всегда имело значение для всех главных игроков на европейской арене, и его нельзя рассматривать изолированно от процессов в других зонах.

Вероятно, одним из важнейших событий Северной войны была потеря Швецией Ингерманландии и крепости Ниеншанц в 1702 г., на начальном этапе войны. Это событие открыло для России возможность заложить в 1703 г. Санкт-Петербург, что стало одним из ключевых факторов и создало новую геополитическую ситуацию в Балтийском регионе, которая в целом сохраняется по сей день.

В результате Ништадтского мирного договора 1721 г., который положил конец войне и официально закрепил превращение России в державу Балтийского региона, Швеция потеряла статус великой державы. Она предприняла несколько реваншистских попыток вернуть утраченные территории, но все же перестала играть независимую роль и превратилась в пешку великих держав.

Политическое развитие Балтийского региона вследствие договора стало неоднородным — здесь больше не было доминирующей великой державы. Франция и Англия соперничали с Россией и заключали с ней союзы.

Полем битвы между Швецией и Россией на протяжении всего XVIII в. оказалась Финляндия. Наполеоновские войны привели к соглашению между Наполеоном и Александром I, результатом которого стало присоединение Финляндии к России. В 1809 г. Финляндия из восточной провинции Швеции превратилась в Великое княжество Финляндское. После этого Россия обрела статус полномасштабной балтийской державы.

В результате распада Российской империи в конце Первой мировой войны балтийские государства (Финляндия, Польша и другие) получили независимость. Это привело к геополитической неустойчивости в регионе в период между Первой и Второй мировыми войнами.

После Второй мировой войны геополитическая ситуация в регионе напоминала положение, сложившееся после заключения Ништадтского мирного договора. Балтийские государства снова стали частью России, точнее, Советского Союза. Швеция, как и Финляндия, не вошли в — Организацию Североатлантического договора. При этом Финляндия, связанная с СССР особым соглашением, считалась частью российской сфе-

ры военного влияния. Швеция же демонстрировала свою независимость, отказываясь от союзов, но всегда имела глубокие связи (в том числе, как сегодня известно, и военные, основанные на секретных договоренностях) с лидером НАТО — Соединенными Штатами Америки.

Таким образом, безопасность в Балтийском регионе в большей или меньшей степени основывалась на балансе сил между Советским Союзом и НАТО и том факте, что Финляндия и Швеция не были военными союзниками ни одной из сторон, — их интересы состояли в том, чтобы сохранить равновесие. При этом существовало несколько горячих точек. В фокусе внимания СССР и НАТО находились стратегически важная северная зона в районе Баренцева и Северного моря, а также Датские проливы — ворота из Балтийского моря в Атлантический океан.

После распада Советского Союза в 1991 г. между Россией и Западом в лице НАТО и ЕС появилась довольно обширная область, занимаемая странами, не состоявшими в союзе ни с одной из сторон. Ранее эти страны находились в советской сфере влияния или входили в состав СССР. Этот период многие дипломаты и политики характеризуют как нереализованную возможность создания системы европейской безопасности нового типа, которая бы не основывалась на противостоящих военных союзах и военной мощи. Финляндия и Швеция продолжали сохранять военный нейтралитет. Однако и помимо них появились страны, которые оставались нейтральными.

Военное присутствие России в регионе на всем протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов резко сокращалось, ликвидировались российские военные базы. Однако со второй половины 2000-х годов по многим причинам Россия вновь начинает наращивать военную мощь, в том числе и вокруг Балтийского моря. Строится военная база в Алакуртти для поддержки Северного флота — она становится частью Северного флота. Усиливается военная база в Калининграде. Все это, конечно, было частью процесса модернизации армии, но в Балтийском регионе произошли и другие перемены — страны, ранее составлявшие часть советской сферы влияния или самого СССР, вступили в НАТО, и в регион снова вернулось влияние крупных европейских держав и США.

Экономическая важность Прибалтики по-прежнему огромна, именно она стала причиной Северной войны и той роли, которую играла в ней Швеция. В результате этой войны Россия получила выход к Балтийскому морю. Сейчас это ключевой регион для российских газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» и для торговли в более широком плане.

Сегодняшняя политика крупных держав в отношении Балтийского региона характеризуется односторонним подходом Соединенных Штатов, который сами они называют «политикой сдерживания». Начиная с 2000-х годов цель США состоит в том, чтобы сдерживать мощь набирающей силу России и удерживать ее за пределами бывшей сферы советского влияния.

Главным средством сдерживания России была и остается американская экономическая и военная поддержка новых членов НАТО. Частью этой политики является сотрудничество с НАТО Финляндии и Швеции. Хотя формально они и не являются членами альянса, для них это служит средством сохранения баланса сил и противостояния растущему влиянию России в Балтийском регионе.

Разумеется, в этих условиях Белоруссия и Украина приобретают для России в военном отношении особую важность. Тем более что ситуация в Балтийском регионе имеет отношение и к напряженности, возникающей далеко за его пределами. В том числе, например, к геополитической напряженности в Черноморском и Средиземноморском регионах. Общая картина в какой-то мере сходна с тем, что происходило во времена Северной войны.

Итак, что можно сказать спустя 300 лет после подписания Ништадтского мирного договора? Сегодня в Балтийском регионе существует новая реальность, но вызовы остаются старыми. Сохраняется баланс сил между крупными державами, позволяющий минимизировать военную опасность. Именно он является предпосылкой оптимистичных перспектив.

Вопрос в том, как в полной мере реализовать потенциал экономического, экологического и культурного развития Балтийского региона. При сохранении военной напряженности и в условиях роста напряженности политической сделать это не получится. Ключевые слова здесь — сотрудничество и доверие, основанное на общих правилах и договоренностях, следовать которым стали бы все стороны. Малым государствам, таким как Финляндия, снижение военной напряженности и сотрудничество дают большие пространство для маневра и поле для деятельности, чем система отношений, в которой доминируют военные цели и великодержавная политика.

Развитие Балтийского региона — сложная проблема. Но я настроен оптимистично: когда-нибудь напряженность и взаимные претензии государств можно будет разрешить. Потому что сохранить мир в Балтийском море — в наших общих интересах.

Перспективы. Электронный журнал №4-2021

Приложение

Северная война, Петр Великий и его преобразования в оценках русских дореволюционных историков и мыслителей. Дайджест

I. Северная война. Ништадтский мир. Внешняя политика Петра I

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович

Великая Северная война прекратилась! Взглянем на ее значение. Как для развития отдельного человека необходимо, чтоб он покинул одиночество, узкую сферу и приобретал познания различными путями посредством учения, чтения, бесед с живыми людьми, путешествия, так и для целых народов необходимое условие развития состоит в покинутии одиночества, в расширении сферы умственной и практической деятельности посредством знакомства с новыми странами и народами, в общей жизни с ними, и, чем более стран и народов входит в эту общую жизнь, тем развитие их многообразнее и сильнее, богаче результатами. Вот почему в жизни человечества имеют великое значение те эпохи, когда для народов происходит расширение круга их деятельности, когда многие страны и народы каким бы то ни было способом соединяются для общей деятельности, для взаимного влияния друг на друга.

Так, в древнем мире, когда народы обыкновенно соединялись только путем насилия, завоевания, великое значение имеет деятельность Александра Македонского, соединившая западную и восточную цивилизацию; деятельность Рима, приведшая под одну державу народы древнего исторического мира. Древняя история оканчивается появлением на сцену новых стран, новых народов, бывших до тех пор за оградою исторического мира. В так называемой средней истории важнейшее по своим результатам явление есть знакомство западного мира с Востоком посредством крестовых походов.

Так называемая новая история начинается расширением сферы деятельности европейского человека чрез открытие Нового Света и новых путей в отдаленные части Старого. Через два века после этого новое великое, богатое результатами явление — восточная часть Европы, до сих пор мало известная, жившая одиноко, является на сцену, входит в общую жизнь Европы; европейская земля собирается (кроме Балканского полуострова).

Это новое расширение исторической сцены гораздо важнее, чем то, которое произошло в конце XV века и которым начинается новая история. Тогда европейский человек познакомился с новыми странами и народами, которые страдательно подчинились его влиянию; теперь же вошло в общую жизнь сильное европейско-христианское государство, представитель многочисленного европейского, исторического племени славянского, бывшего до сих пор под спудом. Если, входя в общую жизнь, Россия необходимо подчиняется влиянию других европейских народов, то, с другой стороны, при

условиях своей силы, она обнаруживает сильное влияние на судьбу других народов, на общую жизнь Европы. Это влияние высказалось впервые в Северной войне.

Чтоб понять роль России в этой войне, влияние, которое она оказала, и влияние, которое приняла (ибо одно нераздельно с другим при общей жизни и деятельности), надобно обратить внимание на то, в каком положении находилась тогда Европа.

С Вестфальского мира <...> на первый план выступают отношения чисто политические; движения, борьбы происходят оттого, что некоторые государства стремятся усилить себя на счет соседей, приобрести наибольшее влияние на дела Европы и встречают сопротивление в других; стремлениям к преобладанию, к гегемонии противопоставляется система политического равновесия. Важнейшие деятели этой эпохи, продолжающейся от Вестфальского мира до французской революции (1789 г.), суть четыре государя: Людовик XIV, Петр Великий, Фридрих II и Екатерина II. Значение России видно уже из того, что из четверых она дала двоих, и величайших, деятелей.

Франция вышла из средней истории в новую самым сильным, наиболее выгодно поставленным государством континентальной Европы и по характеру своего народонаселения устремилась немедленно воспользоваться своими выгодами, усилиться на счет Италии и Германии, получить гегемонию в Европе; в этих стремлениях она встречается с габсбургским домом, встречается с ним в Испании и Нидерландах, в Германии, Италии, встречается, вступает в борьбу, сдерживается. Новую политическую историю Западной, а потом и Восточной, всей Европы можно рассматривать как историю борьбы против преобладания Франции.

В то время, когда великий король Франции (Людовик *XIV* — прим. ред.) вступил в свою последнюю войну, войну за испанское наследство, в Европе Северо-Восточной загорается также страшная война. Как на западе против Франции образуется союз из императора, Англии и Голландии, так на северо-востоке образуется союз из России, Дании и польского короля (курфюрста саксонского) против Швеции, которая в последнее время играла на севере ту же роль, какую Франция играла на западе, так же стремилась здесь к преобладанию, обрывая соседей. Против опасного союза Швеция выставила короля-героя, победами которого приобрела новую славу, новое значение.

Но как Людовик XIV был самый блестящий из воинственных, истых королей Франции и вместе последний из них, так и Карл XII был последний из шведских королей-героев, утвердивших за Швецией важное значение на севере. Против Людовика XIV судьба дала союзникам великих полководцев — принца Евгения, герцога Мальборо; против Карла XII северные союзники не могли выставить никого вроде Евгения и Мальборо; но Россия выставила против него своего царя Петра, которого деятельность представляет противоположность с деятельностью и Людовика XIV, и Карла XII. И французский и шведский короли воспользовались прежде них бывшими, приготовленными для них средствами и вконец истощили их в своей блестящей деятельности. Для гениального царя ничего не было приготовлено, кроме убеждения в невозможности оставаться

при старом, кроме робких попыток ощупью пробраться к новому; Петр создал новые, могучие средства своею небывалою в истории деятельностью и вызовом сил народных к многообразной и напряженной деятельности.

Петр не был вовсе воинственный государь; его задача, необыкновенно ясно им сознанная, состояла в преобразовании, т. е. в приобретении новых, необходимых средств исторической жизни для своего народа; война была предпринята с тою же целью — с целью дать России место у северного Средиземного исторического моря, потому что Балтийское и Немецкое моря должно рассматривать как одно северное Средиземное море, соответствующее по важности своего значения для Северной Европы южному Средиземному морю. Ясно сознавая положение своего народа в семье других европейских народов, Петр смотрел на свою внутреннюю и внешнюю деятельность как на школу, которую должен был пройти народ для занятия достойного места.

Спокойно смотрел он на первые робкие шаги ученика в военной школе, какою была для русских Северная война; не смущался поражениями, потому что нехорошо, если постоянный успех избалует ученика; терпеливо рассчитывал на постепенность, медленность учения: сперва русские выучатся побеждать неприятеля малочисленного, имея на своей стороне превосходство числа, потом выучатся побеждать с равными, а наконец, и с меньшими силами. Такая скромность взгляда на свои средства, соединенная с неутомимою деятельностью для их увеличения, с железною волею, непоколебимым решением не оканчивать войны без приобретения морского берега, разумеется, должна была повести к успеху: средства России, несмотря на всю затруднительность, тяжесть положения и ропот на это, невидимо росли день ото дня; средства Швеции уменьшались день ото дня, и через 20 лет восточное Балтийское поморье находилось в русских руках; степной, восточный период русской истории кончился — морской, западный период начался. Впервые славяне после обычного отступления своего пред германским племенем на восток, к степям, повернули на запад и заставили немцев отдать себе часть берегов северного Средиземного моря, которое стало — было — Немецким озером.

Таково было главное следствие Северной войны: Швеция потеряла свое первенствующее положение на северо-востоке, которое заняла Россия; но этим не ограничивалось значение великого события. Занявшая место Швеции держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общей европейской жизни, держава, приносившая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая, которой границы простирались до Восточного океана и сходились с границами Срединной империи, держава славянская, держава, принадлежащая к восточной церкви, естественная представительница племен славянских, естественная защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями.

...Но какие бы благоприятные обстоятельства ни присоединялись к средствам царя и народа русского в Северной войне, война эта, окончившись таким блистательным миром

для России, изменяла положение Европы: подле Западной Европы для общей деятельности с нею явилась новая Европа, Восточная, что сейчас же отразилось в европейском организме, отозвалось всюду — от Швеции до Испании. Легко понять, какое чувство при известии о мире должно было овладеть русскими людьми, которые прошли «троевременную школу, так кровавую и жестокую и весьма опасную, и ныне такой мир получили не заслуженною от бога милостию». Чрез знакомство с европейскою цивилизациею, чрез сильное и быстрое расширение своей сферы, до тех пор столь узкой, они сознавали себя людьми новыми, живущими новою, настоящею жизнию; но при этом народное чувство их было вполне удовлетворено тем великим значением, какое они получили в этой гордой и недоступной им прежде Европе; не покорными только учениками явились они здесь, но самостоятельными и сильными участниками в общей деятельности, заняли почетное место, заставили относиться к себе с уважением. Напряженные усилия, тяжкие пожертвования были вознаграждены небывалою славою, неожиданными выгодами. Труд не пропал даром и был так блистательно оправдан. Так блистательно был оправдан великий человек, руководивший народ свой, знаменитый корабельный плотник, знаменитый шкипер, так искусно проводивший корабль свой чрез опасные места.

(Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В *29* томах. М. *2003.* Том *17.* Глава *3.)*

Чем сильнее становились слухи о скором и выгодном для России окончании ништадтских переговоров, тем сильнее со стороны австрийских министров становились заявления о желании дружбы и союза с царским величеством.

...Шёнборн говорил Ланчинскому: «Никакие государи такого доброго дела устроить не могут, как царь и цесарь, к пользе и тишине всего христианства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на них не посягнет, и будет в Европе напрасных войн поменьше. Интересы обоих сходны, особенно против турок. Хотя было мнение, будто мы королю польскому хотим помогать в получении неограниченной власти, но оно не имело никакого основания, ибо как царскому, так и цесарскому величествам одинаково нужно, чтоб Польша оставалась в прежнем своем положении и вольности, а курфюрстов в королях и так довольно; если наша эрцгерцогиня вышла за саксонского принца, то из этого не следует, чтоб мы намерены были помогать ее мужу против собственных австрийских интересов. Но подозрение уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помешать нашему союзу?»

...Наступил сентябрь. Петр отправился в Выборг. 3 числа царь был на Лисьем носу, когда приехавший из Ништадта курьер подал ему бумаги; он распечатывает. «Всемилостивейший государь! При сем к вашему царскому величеству всеподданнейше посылаем подлинный трактат мирный, который сего часу с шведскими министрами заключили, подписали и разменялись. Мы оный перевесть не успели, понеже на то время потребно было, и мы опасались, дабы между тем ведомость о заключении мира не пронеслась. <...> — Яков Брюс, Андрей Остерман. Августа 30 дня, в четвертом часу пополуночи».

Договор состоял из следующих статей:

1) вечный, истинный и неразрывный мир между царским величеством и его преемниками и его королевским величеством шведским и его преемниками.
2) С обеих сторон общая амнистия; из нее исключаются русские козаки-изменники, которые последовали за шведским войском.
3) Все неприятельские действия в четырнадцать дней по подписании договора, а если можно и прежде, прекращаются.
4) С шведской стороны уступаются царскому величеству и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные царского величества оружием провинции: Лифляндия, Эстляндия, Ингрия, часть Карелии с дистриктом Выборгского лена, со всеми аппартиненциями и депенденциями, юрисдикциею, правами и доходами. Оные в вечные времена к Российскому государству присовокуплены быть и остаться имеют.

При этом пункте Брюс и Остерман заметили: «Понеже шведские министры отнюдь допустить не хотели, чтоб прежнее обязательство, дабы сии провинции никому иному не уступить, в сем артикуле осталось, того ради мы вместо того внесли, что сии провинции вечно к Российскому государству присовокуплены остаться имеют, в чем и то разумеется, что оные иному никому уступить невозможно; и хотя шведские министры на нашу экспрессию долго не позволяли, однакож мы напоследок их к тому склонили». Эта *экспрессия* нужна была против польских притязаний на Лифляндию.

5) Царское величество возвращает Швеции Великое княжество Финляндское, кроме той части, которая в разграничении выговорена. Сверх того, царское величество обещает королевскому величеству и государству Шведскому заплатить два миллиона ефимков.
6) Королевское величество имеет право в вечные времена свободно закупать хлеб в Риге, Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50000 рублей, беспошлинно, кроме тех чрезвычайных случаев, когда вывоз хлеба из России будет запрещен всем народам.
7) Его царское величество наикрепчайше обещает, что он в домашние дела королевства Шведского, яко в форму правительства, и в акт наследства, от чинов государства единогласно соизволенные и присягою укрепленные, мешаться не будет, никому, кто б ни был, в том ни прямо, ни посторонне, каким ни есть образом не вспоможет, но паче к показанию истинной соседственной дружбы всему, что тому противно вознамеряется и его царскому величеству известно учинится, всяким образом мешать и упредить искать изволит.
8) Определяются границы.
9) Жители уступленных России провинций пользуются правами, какие они имели под шведским владычеством.
10) Жителям этих провинций не будет никакого принуждения в совести; евангелическая вера, церкви и школы будут содержаны, как прежде были под шведским владением; однако греческая вера впредь свободно и без помешания в оных такожде отправлена быть может.

11) Царское величество обещает, что каждый, хотя оный в земле или вне оной обретается, который справедливую претензию на маетности в Лифляндии, Эстляндии и на Эзеле имеет и оную надлежащим образом засвидетельствовать и доказать может, своим правом беспрекословно пользоваться и чрез немедленной розыск и изъяснение таких претензии до владения ему праведно принадлежащей маетности паки достичь имеет.
12) В Лифляндии, Эстляндии, на Эзеле, в Нарве и Выборге возвращаются прежним собственникам конфискованные во время войны земли и дома, также аренды, другим отданные, которых срок еще не прошел; но эти владельцы обязаны при вступлении во владение присягнуть на подданство царскому величеству; которые же не захотят присягнуть, тем дается трехгодичный срок для продажи своих имений.
13) Военнопленные освобождаются без выкупа, кроме желающих добровольно остаться и принявших в России греческую веру. То же разумеется о всех вывезенных во время войны людях.
14) Король и Речь Посполитая Польские, как союзники царского величества, именно в сей мир включаются; и так как на здешнем мирном конгрессе уполномоченных от них нет, то шведский король обещает, что он немедленно отправит своих уполномоченных в то место, о котором будет условлено с королем и Речью Посполитою Польскою, и под медиациею царского величества с ними вечный мир заключить изволит, однако так, чтоб в договоре ничего не было такого, что бы настоящему с Россиею заключенному миру было противно.
15) Свободная торговля между подданными обоих государств.
16) Послы будут сами себя содержать.
17) От стороны шведской король великобританский включается в сей мирный трактат, однако с предоставлением того, в чем его царское величество от его королевского величества великобританского себя иногда обижена находит, о чем прямо между его царским величеством и королем великобританским дружески трактовано и соглашено быть имеет

...В сепаратном артикуле было постановлено, что обещанные Россиею два миллиона ефимков выплачиваются по 500000 ефимков на четыре срока, последний в сентябре 1724 года. Брюс и Остерман писали царю: «Герцога голштинского мы наилучшим образом рекомендовали, и здесь пребывающие министры обнадеживают, что, когда случай придет, кроме него, никто иной выбран не будет, и с великими клятвами уверяют, что они, со всею своею фамилиею, никому иному, кроме него, не дадут голоса».

«Высокоблагородный и благородный, нам любезно верные! — писал Петр Брюсу и Остерману 10 сентября. — Отправленный от вас нашей гвардии капрал Обрезков в бытность нашу у Котлина-острова к нам прибыл с заключенным мирным трактатом, с которою всерадостною ведомостью мы сами в 4-й день сего месяца сюда прибыли и воздали всевысшему благодарение за такой благополучный мир, и тот от вас присланный трактат немедленно перевесть велели, <...> и все пункты, в том трактате содержанные и чрез ваши труды постановленные, мы всемилостивейше апробовали».

От того же числа сохранилась засвидетельствованная Брюсом копия другого письма царского к уполномоченным: «Господа полномочные! Я намерен был ехать к Выборху для границ, но, приезжая к Дубкам, получил от вас уже подписанный и размененный трактат, которая нечаямая так скорая ведомость нас и всех зело обрадовала и что сия *трехвременная* жестокая школа такой благой конец получила. <...> Здесь выражение «трехвременная жестокая школа» объясняется письмом Петра к князю Василию Лукичу Долгорукому в Париж: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 год), однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

(Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 томах. Книга IX. Том 17. Глава 3.)

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович

Он [Петр] хотел не заимствовать с Запада готовые плоды тамошней техники, а усвоить ее, пересадить в Россию самые производства с их главным рычагом — техническим знанием. <...> И во внешней политике он обратил все народные силы на разрешение вопроса, казавшегося ему наиболее важным для народного хозяйства, вопроса балтийского.

(Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXVIII. Значение реформы Петра Великого.)

КОСТОМАРОВ Николай Иванович

30 августа 1721 года заключен был царскими послами окончательный Ништадтский мирный договор, прекративший долголетнюю Северную войну. Швеция уступила России в вечное владение Лифляндию, Эстляндию, острова Эзель, Даго и Мен, Ингерманландию, часть Корелии и Выборг в Финляндии, а остальная Финляндия, завоеванная Россией, возвращена была Швеции. Со своей стороны, Россия выплачивала два миллиона ефимков по срокам, обязывалась не вмешиваться в домашние дела шведского королевства и не помогать никому в достижении наследственных прав, вопреки воле чинов государства; все военнопленные освобождались без выкупа, кроме добровольно принявших в России православную веру. Трактат подписан был с русской стороны Брюсом и Остерманом, а с шведской — графом Лилиенстедтом и бароном Стрельфельдом. Молодой герцог голштинский должен был отказаться от надежды получить шведскую корону при пособии России.

...22 октября в Петербурге в соборной церкви Св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившего долголетнюю и тяжелую Северную войну. Сначала прочитан был мирный трактат, потом архиепископ псковский изрек поучение, вслед за тем канцлер Головкин проговорил государю речь, после которой все бывшие тут сенаторы воскликнули: «Виват, виват, Петр Великий, отец отечества, император Всероссийский!» Обиль-

ная пальба из петербургской крепости, адмиралтейства, судов, стрельба из ружей, производимая 23 полками, все возвещало всеобщую радость. Петр говорил: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь прошедшею войною и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всей крепостью благодарить; однако, надеясь на мир, не ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так сталось, как с монархией греческой. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который нам Бог кладет перед очами как внутрь, так и во вне, отчего облегчен будет народ».

Торжественный праздничный обед устроен был в здании сената; к обеду приглашенных было до тысячи персон. По окончании стола был бал, продолжавшийся до ночи, а ночью фейерверк, изображавший храм Януса, из которого появился бог Янус с лавровым венком и масличной ветвью; из крепости дана была тысяча выстрелов, и вся Нева иллюминована была потешными огнями. Царский пир окончился в три часа ночи «обношением всех гостей преизрядным токайским». Для простого народа устроены были два фонтана, из которых лилось белое и красное вино. Меншиков и два архиерея, от имени сената и синода, за все попечения и старания о благополучии государства, за то, что государь «изволил привести Всероссийское государство и народ в такую славу через единое свое руковождение», просили царя принять титул «Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Государь отрекался от этой чести и принял ее как бы по усиленному прошению сенаторов.

Вслед за тем от сената установлена была форма титула: «Божьей милостью, мы Петр Первый, император и самодержец Всероссийский», а в челобитных: «Всепресветлейший, державнейший император, самодержец Всероссийский, отец отечества, государь всемилостивейший». Несколько дней после того продолжались веселые празднества. Царь устроил шумный маскарад, на который приглашено было более пятисот особ обоего пола.

Сам царь со своей семьей участвовал в этом маскараде и был одет голландским матросом-барабанщиком, а Екатерина была одета голландской крестьянкой с корзиной в руке. Ее придворные дамы изображали нимф, пастушек, арапок, монахинь и шутов. Шутовской князь-кесарь был одет в горностаевой мантии и окружен служителями в старорусской боярской одежде, а его жена явилась в красном, вышитом золотом, летнике, с толпой женщин в одежде старых боярынь. Князь-папа был на этом маскараде со всем своим всепьянейшим собором.

Веселое многодневное празднество в Петербурге было прервано 4 ноября большим наводнением Невы. Вода снесла мосты, опустошила с корнем деревья в садах, выбросила на сушу суда и шлюпки, затопила погреба и нанесла большие убытки купцам. Наводнения повторялись потом несколько раз, но уже не были так сильны, как в первый раз. Неизвестно, скольким человекам стоили жизни эти наводнения, но после них при дворе опять возобновились празднества, пиры, балы, концерты и великолепные разъезды по городу. Так было до самого отъезда царя в Москву.

По силе договора, всех шведских военнопленных приказано препроводить как можно скорее в военную коллегию, кроме поступивших на царскую службу или принявших православие. Шведов, женившихся на русских, но не принявших православия, приказано было отпустить в отечество без жен, давши им, однако, срок на год или на два одуматься и возвратиться в Россию. По всей России приказано было праздновать торжество заключения мира молебствиями. В ознаменование своей радости 4 ноября император высочайшим указом объявил генеральное прощение всем осужденным, а также сидящим в тюрьмах за государственные долги, амнистия не простиралась только на осужденных за неоднократные разбои. Все каторжники, у которых не были вырваны ноздри, могли определяться на службу и жить где угодно в России; прочие оставались в Сибири, но на свободе; тех, которые тайною канцеляриею были сосланы в дальние города, приказано перевести в ближайшие.

Попов и дьяконов, осужденных по суздальскому делу, соприкосновенному к процессу царевича Алексея, велено поставить у церквей в новопостроенных городах. Раскольников положено было оставить на прежнем основании, пока не обратятся в православие. В начале декабря царь со всем двором отправился в Москву, для чего велено было заготовлять подводы по дороге, а в самой Москве к царскому приезду построить трое триумфальных ворот: на Тверской, в Китай-городе у Казанского собора и на Мясницкой.

Восемь дней шло празднество; устроено было катанье на санях, на которых поставлены были изображения разных морских судов. Весь поезд начинался колесницею, на которой сидел Бахус; за этою колесницею ехали одни за другими сани в шутовской обстановке: те запряжены были медведями, другие — свиньями, третьи — собаками. Шутовской патриарх сидел на подобии трона и раздавал направо и налево благословения, а перед ним сидел отец Силен на бочке. Около колесницы патриарха ехали в кардинальских одеждах члены сумасброднейшего собора, сидя верхом на оседланных быках, а за ними следовал князь-кесарь в комическом виде, представлявший московского царя прежних времен.

Сам царь Петр, одетый моряком, сидел на изображении двухпалубного фрегата, уставленного на санях, запряженных шестью лошадьми. За ним — 24 саней, связанных одни с другими, нагруженные людьми, представляли огромную змею. Далее ехала государыня в одежде фрисландской крестьянки, в сопровождении придворных, разодетых африканцами. Затем следовали сани за санями, на которых поставлены были изображения судов, и на них сидели вельможи и иностранные посланники, приглашенные гостями на праздничное торжество. Все были одеты в маскарадное платье китайцами, персиянами, черкесами, индейцами, сибирскими инородцами, турками и разными европейскими народами, всякого звания и сословия. Весь этот поезд отправился к Меншикову — во дворец Лефорта, и гости прогуляли так целую ночь. После этого праздника недели две сряду отправлялись подобные гулянья. Кроме царя, угощали гостей пирами, балами, маскарадами и фейерверками Меншиков и голштинский герцог, ухаживавший в то время за дочерью царя. Все дела остановились во время всеобщего гулянья.

23 декабря сенат с Синодом порешили именовать царицу Екатерину — императрицей, а царских дочерей цесаревнами.

(Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск шестой. XVIII столетие.)

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович

В своем стремлении овладеть берегами Балтийского моря Петр явился продолжателем политики всех предшествовавших ему московских царей. Страшную борьбу за Балтийское побережье выдержал Иван Грозный. То, что было потеряно при Грозном из русских земель на морском берегу, возвратил Москве царь Федор Иванович и снова потерял Василий Шуйский. Государи XVII в. не забывали этой утраты, утвержденной Столбовским договором 1617 г. При царе Алексее Михайловиче А. Л. Ордин-Нащокин особенно настаивал на мысли о необходимости пробиться к Балтийскому морю, именно к Рижскому заливу, для непосредственных морских сношений со средней Европой. Но в ту пору осуществление этой вековой мечты московских патриотов было еще невозможно: царь Алексей всего более был связан малороссийскими делами и борьбою с Речью Посполитою и Турцией. При Петре отношения на юге установились, и он естественно обратил свой порыв к Балтийским берегам, повинуясь стихийному стремлению Москвы на Запад.

(Платонов С.Ф. Учебник Русской истории для средней школы. Петроград. 1915. С. 276.)

Значение этого [Ништадтского] мира для Московского государства определяется кратко: Россия становилась главною державою на севере Европы, окончательно входила в круг европейских держав, связывала себя с ними общими политическими интересами и получала возможность свободного сообщения со всем Западом посредством новоприобретенных границ. Усиление политического могущества Руси и новые условия политической жизни, созданные миром, были поняты и Петром, и его сотрудниками. Во время торжественного празднования мира 22 октября 1721 года Сенат поднес Петру титул императора, отца отечества и Великого. Петр принял титул императора. Московское государство, таким образом, стало Всероссийской империей, и эта перемена послужила внешним знаком перелома, совершившегося в исторической жизни Руси.

(Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петроград. 1917. С. 503-504.)

Тотчас по окончании Северной войны Петр начал новую войну — с Персией. <...> Таким образом, все войны, какие только вел в свое царствование Петр Великий, име-

ли своею целью приобретение морских берегов: черноморских (азовских), балтийских и каспийских. Гениальный политик рвался к морям, понимая, какое значение имеют моря в международных сношениях, в движении культуры.

(Там же. С. 285–286.)

Чтобы окончить обзор внешней политики Петра Великого, следует упомянуть о его отношении к Востоку. Всем известно, какое важное значение играл Восток в экономическом развитии Европы, как упорно стремились европейцы узнать пути к конечной цели торговых вожделений — Индии. <...> Петр, высоко ставивший торговлю как рычаг общественного благосостояния, не упустил из виду и торговли с Востоком. С 1715 года он старался производить разведки о водных путях в Азии, которые вели бы к Индии (с подобными целями были посланы в 1715 году Волынский в Персию, в 1716 году Бекович-Черкасский в Хиву). В конце концов Петр остановился на мысли о приобретении берегов Каспийского моря как базиса для азиатской торговли. С этой целью, как только кончена была шведская война, Петр объявил войну Персии. В 1722–1723 годах русские взяли Дербент и Баку. В начале кампании Петр сам был на театре войны, но в 1723 году вернулся в Петербург, где и заключен был осенью того же года мирный договор с Персией, по которому Россия приобрела взятые города и все западное побережье Каспийского моря.

(Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Петроград. 1917. С. 504.)

II. Общая оценка деятельности Петра и его преобразований

КОСТОМАРОВ Николай Иванович

Петр, как историческая личность, представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов. Великий Шекспир своим художественным гением создал в Гамлете неподражаемый тип человека, у которого размышление берет верх над волею и не допускает осуществляться на деле желаниям и намерениям. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой натуры, а сама натура создала обратный тип — человека с неудержимою и неутомимою волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело.

...Он отличался непостижимою для обыкновенных смертных переимчивостью. Не получив ни в чем правильного образования, он желал все знать и принужден был многому учиться не вовремя; однако русский царь был одарен такими богатыми способностями, что, при своей недолговременной подготовке, приводил в изумление знатоков, проводивших всю свою жизнь за тем, что Петр изучал только мимоходом. Все, что он ни узнавал, стремился применить к России, с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль лелеял он искренно и всецело в продолжение

всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петр был самодержавен, а в такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным.

Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным... Только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания.

Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное им от предков. Он создает войско и флот, хотя для этого требуется бесчисленное множество человеческих жертв и плодов многолетнего народного труда, — все приносится народом для этой цели, хотя собственно народ этого ясно не понимает и потому не желает; все приносится оттого, что так хочет царь. Налагаются неимоверные налоги, высылаются на войну и на тяжелые работы сотни тысяч молодого здорового поколения для того, чтоб уже не возвратиться домой. Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями.

...Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию; новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось столько же бессильно, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь заметен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уж никак не Петру.

Во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных, преследовал казнокрадов, взяточников, обманщиков, скорбел, что в России совершается не так, как бы ему хотелось. Сторонники его искали и теперь еще ищут всему этому причину в закоснелых пороках и недостатках старого русского человека. Но, приглядевшись к делу беспристрастнее, придется многое приписать и самому характеру действий Петра. Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать, насиловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти.

(Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск шестой. XVIII столетие.)

ПОГОДИН Михаил Петрович

Нынешняя Россия, то есть Россия европейская — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах гражданской жизни ни стали мы рассматривать, о каком бы учреждении ни стали мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю Историю, — которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли в будущем.

...В каком отношении Россия Петрова находится к России прежней, и не было ли б лучше, если б прежняя Россия была предоставлена естественному своему течению, или — если б преобразование было произведено не так быстро, не с таким насилием, или — если б произведено было преобразование иное?

...Говорят: Петр Великий, введя европейскую цивилизацию, поразил Русскую национальность — это самое главное и благовидное обвинение.

Допустим, сначала так, но — спрошу я обвинителей, возможно ли было России уклониться от европейской цивилизации, хотя б она имела для нас много неприличных, даже вредных свойств?

Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее, и участвовать в ее движении, как планета повинуется законам своей солнечной системы. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волею и неволею, она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь беспрестанно далее и далее, приблизились к ней, и начали ее захватывать. Назовите это образование, пожалуй, чумою, — но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой не существует никаких застав, никаких карантинов, никаких таможен, никаких преград.

...Преобразования Петровы были необходимы по естественному ходу вещей в самой России, не только в соседних государствах, в Европе.

С другой стороны, западная, европейская цивилизация, со всем ее добром и злом, достигла там до такой степени силы, что физически начала притягивать к себе Россию.

Итак, вопрос наш о преобразовании, или принятии западного элемента, получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ль необходимое столкновение, сближение России с Европою, произойти иначе? <...> Или нельзя было действовать и распоря-

жаться лучше Петра Великого? Нельзя ли было взять в руки этот меч обоюдоострый осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос, кто скажет: можно? Не знаю, по крайней мере, не я. Я не берусь ни за что на свете предложить другой план Полтавского сражения, другой проект Ништадскаго мира.

Даже вопрос о бритье бороды и вопрос о Немецком платье я не осмеливаюсь, за Петрово время, решить безусловно, — так же как и о скорых мерах, жестокостях, казнях, кроме немногих случаев, где были виною более всего его темперамент и обстоятельства.

...Я обращу внимание новых судей на прежние два периода преобразований, даже более внутренних, более глубоких, действительных, и обнимавших все сословия, а не одно какое-либо в особенности, которые как будто совсем позабываются ими: я говорю о Норманнах, коими из Славянского мирного, патриархального семейства образовано бранное государство, и о Монголах, коими потрясен был весь характер народный, и изменились все гражданские отношения. Тот и другой переворот были необходимы: нельзя было уклониться от Норманнов и оставаться в патриархальном состоянии; нельзя было укрыться от Монголов и сохранить формы времен средних; точно также нельзя было не подпасть Европейскому влиянию в XVIII веке, и счастие России, что на это время посылал ей Бог Петра Великого.

...Петр Великий есть сокровище Русской Истории, описанное подробно, но еще не исследованное, не оцененное во всех частях своих с точностию.

...И не одной Русской Истории принадлежит Петр Великий. Всеобщая История имеет полное право на этого сына судеб.

Скажу здесь несколько слов и о месте, которое там принадлежит ему.

Я говорил о западном образовании и его влиянии на нас со стороны отрицательной, — я осмелился даже сравнить оное с чумою, называл злом неизбежным, — но оно имеет свою сторону положительную, свое добро неотъемлемое. Два государства были в древнем мире, Римское и Греческое; на развалинах Римского государства основались все западные государства; Греческое представляется Россиею. Западные государства приняли Христианскую веру из Рима, Россия — из Константинополя, церковь Римская и Греческая. Образование западное отличается точно также от восточного: одному принадлежит исследование, другому — верование; одному — беспокойство, движение, другому — спокойствие, пребываемость; одному — неудовольствие, другому — терпение; стремление вне и внутрь, сила средобежная и средостремительная, человек западный и восточный. Оба эти образования, отдельно взятые, односторонни, неполны, одному недостает другого.

Они должны соединиться между собою, пополниться одно другим и произвести новое полное образование западо-восточное, Европейское-Русское.

Вот здесь лице Петра Великого получает для меня общеисторическое значение, как основателя соединению двух всемирных образований, как начинателя новой эпохи в Истории человечества! Вот здесь сердце мое начинает биться сильнее при сладостной мечте, что моему отечеству суждено явить миру плоды этого вожделенного, вселенского просвещения и освятить Западную пытливость Восточною Верою.

Западное образование, принесенное Петром Великим, взяло у нас преимущество сначала над домашним национальным образованием, — и очень естественно: младшее государство в Европе, как младшее дитя в семействе, подвергается всегда влиянию старших. Но теперь мы начинаем освобождаться из-под этого насильственного ига Европейского; мы начинаем думать о собственных своих стихиях, пользоваться Европейским опытом, наукою, искусством, с рассуждением, не безусловно, откидывать ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выражать свою национальность в слове, в мысли, в деле, в жизни.

Император Александр, вступив в Париж, положил последний камень того здания, которого первый основный камень положен Петром Великим на полях Полтавских. Период русской Истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом Европейским. С Императора Николая, который в одном из первых своих указов по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие Профессоры, были именно русские, — с Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, — с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие русское принимается с благоволением, начинается новый период русской Истории, период национальный, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества.

(Впервые опубликовано: Погодин М.П. Историко-критические отрывки. Петр Великий // Москвитянин. 1841. № 1.)

КЛЮЧЕВСКИЙ Василий Осипович

...Вопрос о значении реформы Петра в значительной степени есть вопрос о движении нашего исторического сознания... Всякий, кто хотел взглянуть сколько-нибудь философским взглядом на наше прошлое, считал требованием ученого приличия высказать свое суждение о деятельности Петра. Часто даже вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы: посредством некоторого, как бы сказать, ученого ракурса весь смысл русской истории сжимался в один вопрос о значении деятельности Петра, об отношении преобразованной им новой России к древней. Реформа Петра становилась центральным пунктом нашей истории, совмещавшим в себе итоги прошлого и задатки будущего. С этой точки зрения по упрощенной систематизации

вся наша история делилась на два периода: на Русь древнюю, допетровскую, и Русь новую, петровскую и послепетровскую.

...По смерти преобразователя в обществе, захваченном реформой и обаянием его личности, долго господствовало отношение к его деятельности, которое можно назвать благоговейным культом Петра. <...> Ломоносов называл Петра человеком, Богу подобным, а Державин спрашивал: «Не бог ли в нем сходил с небес?» <...> «Но уже современники Державина, увлекавшиеся французской философией, начинали смотреть на дело Петра иначе. Умам, привыкшим к отвлеченным общественным построениям и к тончайшим сюжетам академической морали, не могла нравиться деятельность реформатора, посвященная самым конкретным мелочам военного дела и государственного хозяйства. Она должна была казаться им слишком низменной и материальной, недостойной ни ума, ни положения Петра. Такой взгляд любили выражать, сопоставляя реформу Петра I с деятельностью Екатерины II. <...> Тогдашнее великосветское общество, приветствовавшее стольких философов на престоле, не любило царей в роли чернорабочих. Вопрос осложнился, когда в оценку реформы внесены были мотивы нравственный и национальный. Князь Щербатов в своей записке «О повреждении нравов в России» признает реформу Петра «нужной, но может быть излишней», отвечавшей народным нуждам, но слишком радикальной, не в меру многосторонней. Не довольствуясь потребными нововведениями — законодательными, военными, экономическими, просветительными, Петр стремился исправить и частное общежитие, ввести людскость, смягчить грубые древние нравы, а это смягчение повело к распущенности и положило начало крайней порче нравов.

...Французская революция создала боязнь переворотов, старческую привязанность к старине, и Карамзин явился у нас ярким показателем этого поворота и смелым выразителем усталого консерватизма, которому чудилась революция в порывистой и нервной ломке, совершенной Петром. Некогда, в лета юности, исходя из космополитического тезиса, что все народное ничто перед человеческим, он прославлял просветительную реформу Петра и считал жалкими иеремиадами упреки Петру за изменение русского характера, за утрату русской нравственной физиономии. А 20 лет спустя в *Записке* о древней и новой России он сам стал жалким Иеремией, плакался, что начавшееся с царя Михаила изменение гражданских учреждений и нравов, постепенное, тихое, едва заметное, без порывов и насилия, вдруг прервано было порывистым подавлением духа народного, составляющего нравственное могущество государства, — насилие беззаконное и для монарха самодержавного: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России — виною Петр!»

...В 30–40-х годах минувшего века оживился спор о древней и новой России. В отпор западникам, указывавшим России культурный путь, пройденный Западной Европой, на который Петр толкнул Россию, славянофилы, особенно Хомяков, повторяя прежние упреки, густо подчеркнули едва отмеченную еще Карамзиным вину реформы — в том, что она произвела разрыв в нравственной жизни русского народа, оторвав от него, от его преданий и обычаев, просвещенное общество, которое Хомяков сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей.

...Научный вопрос о значении реформы Петра превращался в шумный журнальный и салонный спор о древней и новой России, об их взаимном отношении; смежные исторические периоды становились непримиримыми житейскими началами, историческая перспектива заменялась философско-историческими построениями двух противоположных культурных миров — России и Европы. Под такими впечатлениями начиналось научное изучение реформы и складывался взгляд на реформу у Соловьева, первого русского историка, который изобразил ее ход документально, в связи с общим движением нашей истории.

Прочтите окончательное изложение этого взгляда в конце III главы XVIII тома его *Истории,* вышедшего в 1868 г. <...> Вот главные черты этого взгляда. Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом под руководством Петра; история ни одного народа не представляет такого великого, многостороннего, даже всестороннего преобразования, сопровождавшегося столь великими последствиями как для внутренней жизни народа, так и для его значения в общей жизни народов, во всемирной истории.

Во внутренней жизни народа положены были новые начала политического и гражданского порядка. В политическом порядке пробуждена самодеятельность общества введением в управление коллегиального устройства, выборного начала и городского самоуправления, а введением присяги не только государю, но и государству впервые дано народу понятие о настоящем значении государства. В частной гражданской жизни приняты меры к ограждению личности: она освобождена от оков родового союза исключительным вниманием Петра к личной заслуге, подушной податью, запрещением браков по принуждению родителей или господ, выводом женщины из терема. Всемирно-исторические следствия реформы были: 1) вывод посредством цивилизации народа, слабого, бедного, почти неизвестного, на историческую сцену со значением сильного деятеля в общей политической жизни народов, 2) соединение обеих дотоле разобщенных половин Европы, восточной и западной, в общей деятельности посредством введения в эту деятельность славянского племени, теперь только принявшего деятельное участие в общей жизни Европы через своего представителя, через русский народ.

...Эти суждения сводятся к тому основному положению, что реформа Петра была глубоким переворотом в нашей жизни, обновившим русское общество сверху донизу, до самых его основ и корней, переворотом знаменитым, даже страшным, как называет его Соловьев; только одни считали этот переворот великой заслугой Петра перед человечеством, а другие великим несчастьем для России... Можно ли остановиться на этом взгляде? Думается, в нем не все ясно; возникает несколько спорных вопросов.

...Как относился Петр к Западной Европе? <...> Как он смотрел на отношение России к Западной Европе, видел ли он в последней всегдашний образец для первой, или западноевропейский мир имел для него лишь значение учителя, с которым расстаются по окончании выучки? Самой тяжкой потерей, понесенной Московским государством

в XVII в., Петр считал утрату земель прибалтийских, которая лишила Россию общения с просвещенными народами Запада. Но для чего нужно было это общение? Петра часто изображали слепым беззаветным западником, который любил все западное не потому, что оно было лучше русского, а потому, что оно было непохоже на русское, который хотел не сблизить, а ассимилировать Россию с Западной Европой. Трудно поверить, чтобы всегда расчетливый Петр был расположен к таким платоническим увлечениям… Он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных ее отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство.

…Итак, сближение с Европой было в глазах Петра только средством для достижения цели, а не самой целью. Чего же хотел он добиться этим средством? <…> Петр заводил в России то, что он видел полезного на Западе и чего не было в России. У России не было регулярной армии — он сформировал ее; не было флота — он построил его; не было удобного морского пути для внешней торговли — он армией и флотом отвоевал восточный берег Балтийского моря; была слаба промышленность добывающая и почти отсутствовала обрабатывающая — после него осталось более 200 фабрик и заводов; для всего этого необходимо было техническое знание… Петр увеличил доходный бюджет в три слишком раза; недоставало рационально устроенной администрации, способной вести все эти сложные новые дела, — специалисты-иноземцы помогли учредить новое центральное управление. Это не все, что сделал Петр, но это именно то, что хотел он сделать с помощью Западной Европы. Техника военная, народнохозяйственная, финансовая, административная и техническое знание — вот обширная область, в которой работать и учить русских работе призывал Петр западного европейца.

…Трудовое поколение, которому достался Петр, работало не на себя, а на государство и после усиленной и улучшенной работы ушло едва ли не беднее своих отцов. Петр не оставил после себя ни копейки государственного долга, не израсходовал ни одного рабочего дня у потомства, напротив, завещал преемникам обильный запас средств, которыми они долго пробавлялись, ничего к ним не прибавляя. Его преимущество перед ними в том, что он был не должником, а кредитором будущего.

…Итак, Петр взял из старой Руси государственные *силы*, верховную власть, право, сословия, а у Запада заимствовал технические *средства* для устройства армии, флота, государственного и народного хозяйства, правительственных учреждений. Где же тут, спросите вы, коренной переворот, обновивший или исказивший русскую жизнь сверху донизу, давший ей не только новые формы, но и новые начала, благотворные или зловредные — все равно? Однако таково было впечатление современников реформы, передавших его и ближайшему потомству. Реформа если не обновила, то взбудоражила, взволновала русскую жизнь до дна не столько своими нововведениями, сколько некоторыми приемами, не характером своим, а темпераментом, если можно так выразиться. <…> реформа шла среди глухой и упорной внутренней борьбы, не раз шумно прорывавшейся: четыре страшных мятежа и три-четыре заговора — все выступали против нововведений, строились во имя старины, ее понятий и предрассудков.

Отсюда враждебное отношение Петра к отечественной старине, к народному быту, тенденциозное гонение некоторых наружных его особенностей, выражавших эти понятия и предрассудки.

...Итак, не преувеличивая и не умаляя дела Петра Великого, можно так выразить его значение. Реформа сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами, дружно совместившимися в одной из тех исключительно счастливо сложенных натур, какие по неизведанным еще причинам от времени до времени появляются в человечестве. С этими свойствами, согретыми чувством долга и решимостью «живота своего не жалеть для отечества», Петр стал во главе народа, из всех европейских народов наименее удачно поставленного исторически. Этот народ нашел в себе силы построить к концу XVI в. большое государство, одно из самых больших в Европе, но в XVII в. стал чувствовать недостаток материальных и духовных средств поддержать свою восьмивековую постройку.

Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил. Но все это приходилось делать среди упорной и опасной внешней войны, спешно и принудительно, и при этом бороться с народной апатией и косностью, воспитанной хищным приказным чиновничеством и грубым землевладельческим дворянством, бороться с предрассудками и страхами, внушенными невежественным духовенством.

Поэтому реформа, скромная и ограниченная по своему первоначальному замыслу, направленная к перестройке военных сил и к расширению финансовых средств государства, постепенно превратилась в упорную внутреннюю борьбу, взбаламутила всю застоявшуюся плесень русской жизни, взволновала все классы общества. Начатая и веденная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам. Это было скорее потрясение, чем переворот.

...Противоречия, в какие он поставил свое дело, ошибки и колебания, подчас сменявшиеся малообдуманной решимостью, слабость гражданского чувства, бесчеловечные жестокости, от которых он не умел воздержаться, и рядом с этим беззаветная любовь к отечеству, непоколебимая преданность своему делу, широкий и светлый взгляд на свои задачи, смелые планы, задуманные с творческой чуткостью и проведенные с беспримерной энергией, наконец, успехи, достигнутые неимоверными жертвами народа

и великими усилиями преобразователя, — столь разнородные черты трудно укладываются в цельный образ.

...Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная.

...Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева.

(Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LXVIII. Значение реформы Петра Великого.)

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович.
Взгляды науки и русского общества на Петра Великого

В научных трудах очень часто XVIII и XIX вв. представляются особым периодом в историческом развитии нашей государственной жизни. Этому периоду усвоено несколько названий: одни зовут его «Императорским», другие «Петербургским», третьи просто называют это время новой русской историей.

Новую русскую историю обыкновенно начинают с так называемой эпохи преобразований нашего общественного быта. Главным деятелем этих преобразований был Петр Великий.

...Но деятельность Петра до сих пор не имеет в нашем общественном сознании одной твердо установленной оценки. На преобразования Петра смотрели разно его современники, смотрим разно и мы, люди XIX и начала XX в. Одни старались объяснить себе значение реформы для последующей русской жизни, другие занимались вопросом об отношении этой реформы к явлениям предшествовавшей эпохи, третьи судили личность и деятельность Петра с нравственной точки зрения.

Ведению историка подлежат, строго говоря, только две первые категории мнений, как исторические по своему существу. Знакомясь с ними, мы замечаем, что эти мнения

иногда резко противоречат друг другу. Происходят такие несогласия от многих причин: во-первых, преобразования Петра, захватывая в большей или меньшей степени все стороны древнерусской жизни, представляют собой такой сложный исторический факт, что всестороннее понимание его трудно дается отдельному уму. Во-вторых, не все мнения о реформах Петра выходят из одинаковых оснований. В то время как одни исследователи изучают время Петра с целью достичь объективного исторического вывода о его значении в развитии народной жизни, другие стремятся в преобразовательной деятельности начала XVIII в. найти оправдания тех или иных своих воззрений на современные общественные вопросы. Если первый прием изучения следует назвать научным, то второму всего приличнее название публицистического. В-третьих, общее развитие науки русской истории всегда оказывало и будет оказывать влияние на представления наши о Петре. Чем больше мы будем знать нашу историю, тем лучше мы будем понимать смысл преобразований.

...Не мы первые начали рассуждать о Петре Великом. Его деятельность уже обсуждали его современники. Их взгляды сменялись взглядами ближайшего потомства, судившего по преданию, понаслышке; а не поличным впечатлением. Затем место преданий заняли исторические документы. Петр стал предметом научного ведения. Каждое поколение несло с собой свое особое мировоззрение и относилось к Петру по-своему. Для нас очень важно знать, как в различное время видоизменялось это отношение к Петру нашего общества.

Современники Петра считали его одного причиной и двигателем той новизны, какую вносили в жизнь его реформы. Эта новизна для одних была приятна, потому что они видели в ней осуществление своих желаний и симпатий, для других она была ужасным делом, ибо, как им казалось, подрывались основы старого быта, освященные старинным московским правоверием. Равнодушного отношения к реформам не было ни у кого, так как реформы задевали всех. Но не все одинаково резко выражали свои взгляды. Пылкая, смелая преданность Петру и его делу отличает многих его помощников; страшная ненависть слышится в отзывах о Петре у многих поборников старины. Первые доходят до того, что зовут Петра «земным богом», вторые не страшатся называть его антихристом. И те, и другие признают в Петре страшную силу и мощь, и ни те, ни другие не могут спокойно отнестись к нему, потому что находятся под влиянием его деятельности. И преданный Петру Нартов, двадцать лет ему служивший, и какой-нибудь изувер-раскольник, ненавидевший Петра всем своим существом, одинаково поражены Петром и одинаково не способны судить его беспристрастно. Когда умер Петр и кончилась его реформационная деятельность, когда преемники, не понимая его, часто останавливали и портили начатое им, дело Петра не умерло и Россия не могла вернуться в прежнее состояние. Плоды его деятельности — внешняя сила России и новый порядок внутри страны — были на глазах у каждого, а жгучая вражда недовольных стала воспоминанием. Но многие сознательно жившие люди и долго спустя после смерти Петра продолжали ему удивляться не меньше современников. Они жили в созданной им гражданской обстановке и пользовались культурой, которую он так старательно насаждал. Все, что они видели вокруг себя в общественной сфере, вело

начало от Петра. О Петре осталось много воспоминаний; о том же, что было до него, стали забывать. Если Петр внес в Россию свет просвещения и создал ее политическую силу, то до него, как думали, была «тьма и ничтожество». Так приблизительно характеризовал допетровскую Русь канцлер граф Головкин, поднося Петру титул императора в 1721 г. Он выразился еще резче, говоря, что гением Петра мы «из небытия в бытие произведены». В последующее время эта точка зрения замечательно привилась: Ломоносов называл Петра «богом», ходячее стихотворение звало его «светом» России. Петра считали творцом всего, что находили хорошего вокруг себя. Видя во всех сферах общественной жизни начинания Петра, его силы преувеличивали до сверхъестественных размеров. Так было в первой половине XVIII в.

...Но не все, что было в России после Петра, было хорошо. Не всем, по крайней мере, оставались довольны мыслящие люди XVIII в. Они видели, например, что усвоение западноевропейской образованности, начатое при Петре, превращалось часто в простое переименование культурной внешности. Они видели, что знакомство с Западом с пользой приносило к нам часто и пороки западноевропейского общества. Далеко не все русские люди оказывались способными воспринять с Запада здоровые начала его жизни и оставались грубыми варварами, соединяя, однако, с глубоким невежеством изящную внешность европейских щеголей. Во всех сатирических журналах второй половины XVIII в. мы постоянно встречаем нападки на этот разлад внешности и внутреннего содержания. Раздаются голоса против бестолкового заимствования западных форм. Вместе с тем развитие исторических знаний позволяет уже людям XVIII в. оглянуться назад, на допетровское время. И вот многие передовые люди (князь Щербатов, Болтин, Новиков) темным сторонам своей эпохи противопоставляют светлые стороны допетровской поры. Они не развенчивают деятельности Петра, но и не боготворят его личности. Они решаются критиковать его реформу и находят, что она была односторонней, привила нам много хорошего со стороны, но отняла от нас много своего хорошего. К такому выводу они приходят путем изучения прошлого, но это изучение далеко не спокойно; оно вызвано недостатками настоящего и идеализирует прошлую жизнь. Однако эта идеализация направлена не против самого Петра, а против некоторых последствий его реформы. Личность Петра и в конце XVIII в. окружена таким же ореолом, как и в начале столетия. Императрица Екатерина относится к нему с глубоким уважением. Находятся люди, посвящающие всю свою жизнь собранию исторического материала, служащего к прославлению Петра, — таков купец Голиков.

Во второй половине XVIII в. зарождается уже наука русской истории. Но историки того времени или усердно собирают материалы для истории (как Миллер), или заняты исследованием древнейших эпох русской жизни (Ломоносов, Байер, Штриттер, Татищев, Щербатов, Шлецер). Петр еще вне пределов их ведения. Первую научную оценку получает он от Карамзина. Но Карамзин как историк принадлежит уже XIX веку. Ученый по критическим приемам, художник по натуре и моралист по мировоззрению, он представлял себе русскую историческую жизнь как постепенное развитие национально-государственного могущества. К этому могуществу вел Россию ряд талантливых деятелей. Среди них Петру принадлежало одно из самых первых мест: но, читая «Исто-

рию государства Российского» в связи с другими историческими трудами Карамзина, вы замечаете, что Петру как деятелю Карамзин предпочитал другого исторического деятеля — Ивана III. Этот последний сделал свое княжество сильным государством и познакомил Русь с западной Европой безо всякой ломки и насильственных мер. Петр же насиловал русскую природу и резко ломал старый быт. Карамзин думал, что можно было бы обойтись и без этого. Своими взглядами Карамзин стал в некоторую связь с критическими воззрениями на Петра упомянутых нами людей XVIII в. Так же, как они, он не показал исторической необходимости петровских реформ, но он уже намекал, что необходимость реформы чувствовалась и ранее Петра. В XVII в., говорил он, сознавали, что нужно заимствовать с Запада; «явился Петр» — и заимствование стало главным средством реформы. Но почему именно «явился Петр», Карамзин еще не мог сказать.

В эпоху Карамзина началось уже вполне научное исследование нашей старины (Карамзину помогали целые кружки ученых людей, умевших не только собирать, но и исследовать исторический материал). Вместе с тем в первой половине XIX в. в русском обществе пробуждалась сознательная общественная жизнь, распространялось философское образование, рождался интерес к нашему прошлому, желание знать общий ход нашего исторического развития. Не будучи историком, Пушкин мечтал поработать над историей Петра. Не будучи историком, Чаадаев принялся размышлять над русской историей и пришел к печальному выводу, что у нас нет ни истории, ни культуры.

Обращаясь к прошлому, русские образованные люди не имели специальных исторических знаний и вносили в толкование прошлого те точки зрения, какие почерпали в занятиях немецкой философией. Германская метафизика XIX в. очень влияла на русскую образованную молодежь, и особенно метафизическая система Гегеля. Под влиянием его философии в 30-х и 40-х годах в России образовались философские кружки, выработавшие цельное мировоззрение и имевшие большое влияние на умственную жизнь русского общества середины XIX в. В этих кружках принципы германской философии применялись к явлениям русской жизни и вырабатывалось, таким образом, историческое миросозерцание. Самостоятельная мысль этих «людей 40-х годов», отправляясь отданных германской философии, приходила к своим особым выводам, у разных лиц не одинаковым. Все последователи Гегеля между прочими философскими положениями выносили из его учения две мысли, которые в простом изложении выразятся так: первая мысль — все народы делятся на исторические и неисторические, первые участвуют в общем мировом прогрессе, вторые стоят вне его и осуждены на вечное духовное рабство; другая мысль — высшим выразителем мирового прогресса, его верхней (последней) ступенью, является германская нация с ее протестантской церковью. Германско-протестантская цивилизация есть, таким образом, последнее слово мирового прогресса. Одни из русских последователей Гегеля вполне разделяли эти воззрения; для них поэтому древняя Русь, не знавшая западной германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой. Эту «азиатскую страну» (так называл ее Белинский) Петр Великий своей реформой приобщил к гуманной цивилизации, создал ей возможность прогресса.

До Петра у нас не было истории, не было разумной жизни. Петр дал нам эту жизнь, и потому его значение бесконечно важно и высоко. Он не мог иметь никакой связи с предыдущей русской жизнью, ибо действовал совсем противоположно ее основным началам. Люди, думавшие так, получили название «западников». Они, как легко заметить, сошлись с теми современниками Петра, которые считали его земным богом, произведшим Россию из небытия в бытие.

Но не все люди 40-х годов думали так. Некоторые, принимая теорию мирового прогресса Гегеля, по чувству патриотизма возмущались его мнением, что германская цивилизация есть последняя ступень прогресса и что славянское племя есть неисторическое племя. Они не видели причины, почему прогресс должен остановиться на германцах; из истории они выносили убеждение, что славянство было далеко от застоя, имело свое историческое развитие, свою культуру. Эта культура была самостоятельна и отличалась от германской в трех отношениях: 1) На Западе, у германцев, христианство явилось в форме католичества и затем протестантства; на Востоке, у славян, — в форме православия. 2) Древнеклассическую культуру германцы восприняли из Рима в форме латинской, славяне — из Византии в форме греческой. Между той и другой культурой есть существенные различия. 3) Наконец, государственный быт в древнегерманских государствах сложился путем завоевания, у славян, и у русских в частности, — путем мирным; поэтому в основании общественных отношений на Западе лежит вековая вражда, а у нас ее нет. Самостоятельное развитие этих трех начал составляло содержание древнерусской жизни. Так думали некоторые более самостоятельные последователи германской философии, получившие название «славянофилов». Наибольшего развития самостоятельная русская жизнь достигла в эпоху Московского государства. Петр нарушил это развитие. Он своей насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала западной германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложную дорогу заимствований. Он не понимал заветов прошлого, не понимал нашего «национального духа». Чтобы остаться верным этому национальному духу, мы должны отречься от чуждых западноевропейских начал и возвратиться к самобытной старине. Тогда, сознательно развивая национальные наши начала, мы своей цивилизацией можем сменить германскую и станем в общем мировом развитии выше германцев.

Таковы воззрения славянофилов. Петр, по их мнению, изменил прошлому, действовал против него. Славянофилы ставили высоко личность Петра, признавали пользу некоторых его дел, но считали его реформу не национальной и вредной в самом ее существе. У них, как и у западников, Петр был лишен всякой внутренней связи с предшествовавшей ему исторической жизнью.

Вы, конечно, уже заметили, что ни одно из рассмотренных нами воззрений на Петра не было в состоянии указать и объяснить внутреннюю связь его преобразований с предыдущей историей. Даже Карамзин не шел далее смутного намека. Эту связь Петра с прошлым уловил чутьем в 40-х годах Погодин, но не ранее как в 1863 г. он мог высказать об этом свои мысли. Причиной этому был отчасти недостаток истори-

ческого материала, отчасти отсутствие у Погодина цельного исторического миросозерцания.

Такое миросозерцание было внесено в наши университеты в конце 40-х годов. Носителями новых исторических идей были молодые ученые, воззрения которых на нашу историю в то время назывались «теорией родового быта». Впоследствии же эти ученые стали известны под собирательным именем «историко-юридической школы». Они первые установили мысль о том, что реформы Петра явились необходимым следствием всего исторического развития русской жизни.

...Первыми сделали это в своих лекциях и печатных трудах профессора Московского университета С. М. Соловьев и К. Д. Кавелин. Они думали показать в русской исторической жизни органическое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени. <...> Петр Великий своими реформами отвечал на требования национальной жизни, которая к его времени развилась уже до государственных форм бытия. Стало быть, деятельность Петра вытекла из исторической необходимости и была вполне национальна.

Так, в первый раз была установлена органическая связь преобразований Петра с общим ходом русской истории.

...Стараясь сыскать это непосредственное преемство, как сами Соловьев и Кавелин, так и их последователи историки-юристы, обращаясь к изучению допетровской эпохи, склонны были думать, что Россия в XVII в. дожила до государственного кризиса. <...> Таким образом, преобразования Петра представлялись естественной исторической необходимостью, они были тесно связаны с предыдущей эпохой, однако только с темными, отрицательными ее сторонами, только с кризисом старого строя.

Но такое понимание исторического преемства между старой Русью и реформой в последние десятилетия заменилось другим. Новую точку зрения внес в науку тот же Соловьев. <...> Говоря о критическом положении Московского государства в XVII в., Соловьев не ограничивается только указанием на явление этого кризиса, но замечает, что государи XVII в. для удовлетворения новых нужд государства начали ряд *преобразований.* ...Таким образом Петр не только получил от старого порядка одно сознание необходимости реформ, но имел предшественников в этом деле, действовал ранее намеченными путями. Словом, он решал старую, не им поставленную задачу, и решал ранее известным способом. Позднее Соловьев блистательно развил такой взгляд в своих «Чтениях о Петре Великом» в 1872 г. <...> «Народ собрался в дорогу, — заканчивает он, — и ждал вождя»; этот вождь явился в лице Петра Великого.

Высказанный после долгого и пристального изучения фактов, этот взгляд Соловьева поражает и глубокой внутренней правдой, и мастерством изложения. <...> Петр — подражатель старого движения, знакомого Древней Руси. В его реформе и направление, и средства не новы — они даны предшествовавшей эпохой. Нова в его реформе

только страшная энергия Петра, быстрота и резкость преобразовательного движения, беззаветная преданность идее, бескорыстное служение делу до самозабвения. Ново только то, что внес в реформу личный гений, личный характер Петра. Такая точка зрения дала теперь полное историческое содержание мысли об органической связи реформы Петра с общим ходом русской жизни.

...Идея Соловьева дала направление и многим частным историческим исследованиям. Исторические монографии о XVII в. и времени Петра констатируют теперь связь преобразований с предыдущими эпохами и в отдельных сферах древнерусской жизни. <...> Увлекаясь этой точкой зрения, некоторые исследователи склонны даже преуменьшать значение самого Петра в преобразованиях его эпохи и представлять эти преобразования как «стихийный» процесс, в котором сам Петр играл пассивную роль бессознательного фактора. У П. Н. Милюкова в его трудах о петровской реформе («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра В.» и «Очерки по истории русской культуры») находим ту мысль, что реформа часто «из вторых рук попадала в сознание преобразователя», бессильного удержать ход дела. <...> Нечего и говорить, что такого рода взгляд есть крайность, не разделяемая последующими исследователями преобразований.

Итак, научное понимание Петра Великого основывается на мысли, полнее и справедливее всего высказанной Соловьевым.

...Но если наша историческая наука пришла к воззрению на Петра, более или менее определенному и обоснованному, то в нашем обществе еще не выработалось однообразного и прочного отношения к его преобразованиям.

...Если мы еще раз мысленно переберем все старые и новые взгляды на Петра, то легко заметить, как разнообразны они не только по содержанию, но и по тем основаниям, из которых вытекали. Современники и ближайшее потомство Петра, лично задетые реформой, судили о нем неспокойно: в основании их отзывов лежало чувство или крайней любви, или ненависти. Чувство столько же руководило и теми людьми XVIII в., которые, как Щербатов, грустно смотрели на развращение современных нравов и считали его плохим результатом резкой реформы. Все это — оценки скорее всего публицистического характера. Но в основе карамзинского взгляда лежало уже отвлеченное моральное чувство: ставя Ивана III выше Петра, он насильственные приемы Петра при проведении преобразований осуждал с высоты моральной философии. В воззрениях западников и славянофилов наблюдаем опять новое основание — отвлеченное мышление, метафизический синтез. Для них Петр менее — историческое лицо и более — отвлеченное понятие. Петр — как бы логическая посылка, от которой можно идти к тем или другим философским заключениям о русской истории. От влияния метафизики не свободны и первые шаги исследователей историко-юридической школы; но фактическое изучение нашей истории, которое производилось ими очень добросовестно, дало нашим ученым возможность избавиться от предвзятых доктрин. Руководимые фактами, стремясь к строго научному выводу, они создали научное отно-

шение к эпохе Петра Великого. Это научное отношение будет, конечно, далее развиваться в нашей науке. Но уже теперь плодом его является возможность основательно и свободно судить о Петре. Его личность не оторвана от родной его почвы, он для нас уже не Бог и не антихрист, он — определенное лицо, с громадными силами, с высокими достоинствами, с человеческими слабостями и недостатками. Мы теперь вполне понимаем, что его личность и пороки — продукт его времени, а его деятельность и исторические заслуги — дело вечности.

(Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Часть III.)

ПЛАТОНОВ Сергей Федорович. Историческое значение деятельности Петра

Реформы Петра по своему существу и результатам не были переворотом; Петр не был царем-революционером, как его иногда любят называть.

Прежде всего деятельность Петра не была переворотом политическим: во внешней политике Петр строго шел по старым путям, боролся со старыми врагами, достиг небывалого успеха на Западе, но не упразднил своими успехами старых политических задач по отношению к Польше и к Турции. Он много сделал для достижения заветных помыслов Московской Руси, но не доделал всего. Покорение Крыма и разделы Польши при Екатерине II были следующим шагом вперед, который сделала наша нация, чем прямо продолжено было дело Петра и старой Руси. В политике внутренней Петр недалеко ушел от XVII века. Государственное устройство осталось прежним: полнота верховной власти, сформулированная царем Алексеем в словах Деяний апостольских, получила более пространное определение при Петре в регламенте воинском, в указах, наконец, в философских трактатах Феофана Прокоповича. Земское самоуправление, не имевшее политического характера и имевшее характер сословный до Петра, осталось таким и при Петре. Над органами сословного самоуправления, как и раньше, стояли учреждения бюрократического характера, и хотя формы администрации были изменены, общий тип ее остался неизменным, как было и до Петра: смешение начал личного с коллегиальным, бюрократического с сословным.

Деятельность Петра не была и общественным переворотом. Государственное положение сословий и их взаимные отношения не потерпели существенных изменений. Прикрепление сословий к государственным повинностям осталось во всей силе, изменился только порядок исполнения этих повинностей. Дворянство при Петре не достигло еще права владения людьми как сословной привилегии, а владело крестьянским трудом лишь на том основании, что нуждалось в обеспечении за свою службу. Крестьяне не потеряли прав гражданской личности и не считались еще полными крепостными. Жизнь закрепощала их все более, но, как мы видели, началось это еще до Петра, а окончилось уже после него.

В экономической политике Петра, в ее задачах также нельзя видеть крутого переворота, Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него, — задачу поднятия производительных сил страны. Его программа развития национальной промышленности и торговли была знакома в XVII веке: теоретически — Крижаничу, практически — Ордыну-Нащокину. Результаты, достигнутые Петром, не поставили народное хозяйство на новое основание. Главным источником народного богатства и при Петре остался земледельческий труд, и Россия, имея после Петра более двухсот фабрик и заводов, была все-таки земледельческой страной с очень слабым торговым и промышленным развитием.

И в культурном отношении Петр не внес в русскую жизнь новых откровений. Старые культурные идеалы были тронуты до него; в XVII веке вопрос о новых началах культурной жизни стал резко выраженным вопросом. Царь Алексей отчасти и царь Феодор вполне являлись уже представителями нового направления. Царь Петр в этом прямой их преемник. Но его предшественники были ученики киевских богословов и схоластиков, а Петр был ученик западноевропейцев, носителей протестантской культуры. Предшественники Петра мало заботились о распространении своих знаний в народе, а Петр считал это одним из главных своих дел. Этим он существенно отличался от государей XVII века. Итак, Петр не был творцом культурного вопроса, но был первым человеком, решившимся осуществить культурную реформу. Результаты его деятельности были велики: он дал своему народу полную возможность материального и духовного общения со всем цивилизованным миром. Но не следует, однако, преувеличивать этих результатов. При Петре образование коснулось только высших слоев общества, и то слабо; народная же масса осталась, при своем старом мировоззрении.

Если, таким образом, деятельность Петра не вносила по сравнению с прошлым ничего радикально нового, то почему же реформы Петра приобрели у потомства и даже современников Петра репутацию коренного государственного переворота? Почему Петр, действовавший традиционно, в глазах русского общества стал монархом-революционером?

На это есть две категории причин. Одна — в отношении общества к Петру, другая — в самом Петре.

На русское общество реформы Петра, решительные и широкие, произвели страшное впечатление после осторожной и медлительной политики московского правительства. В обществе не было того сознания исторической традиции, какое жило в гениальном Петре. Близорукие московские люди объясняли себе и внешние предприятия, и внутренние нововведения государя его личными капризами, взглядами и привычками. Частные нововведения они противополагали частным же обычаям старины и выносили убеждение, что Петр безжалостно рушил их старину. За разрушенными и введенными вновь частностями общественного быта они не видели общей сущности старого и нового. <...> Видоизменения старого порядка они считали за полное его уничтожение.

Такому впечатлению современников содействовал и сам Петр. Его поведение, вся его манера действовать показывали, что Петр не просто видоизменяет старые порядки, но питает к ним страстную вражду и борется с ними ожесточенно. Он и улучшал старину, и гнал ее, и принудительно заменял новыми порядками. Это неспокойное отношение к своему делу, боевой характер деятельности, ненужные жестокости, принудительность и строгость мероприятий, — все это явилось у Петра как результат впечатлений его детства и молодости. <...> В этом объяснение тех особенностей в реформационной деятельности Петра, которые сообщили его реформе черты резкого, насильственного переворота. Однако по существу своему реформа эта не была переворотом.»

(Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Часть III.)

Лев Александрович ТИХОМИРОВ

Государственные принципы всякого народа тесно связаны с его национальным самосознанием, с его представлениями о целях своего существования. В России эти цели национального существования представлялись в очертаниях недостаточно ясных, хотя окутанных сознанием некоторого великого назначения «третьего Рима». Но в этих смутных очертаниях значения нашей Верховной власти мы немногое различали сознательно как до Петра, так и после него.

Даже до настоящего времени, несмотря на появление славянофилов и ряда близких к ним умов, как Данилевский, Достоевский, Катков, Леонтьев, Владимир Соловьев, несмотря на официальное признание формулы «православие, самодержавие, народность», в нашей философии государственного права монархия и самодержавие остаются ничуть не более ясны, нежели в Западной Европе. Так было и раньше.

У нас решительно нет ни одной эпохи, в которую бы нас не уродовала недостаточная сознательность нашего политического принципа. Эпоха Петра Великого представила особенно наглядный пример несознания основного нашего принципа государственности.

Самодержавный инстинкт Петра поистине велик, но повсюду, где требуется самодержавное сознание, он совершает иногда поразительные подрывы своего собственного принципа. Инстинкт редко обманывает Петра в чисто личном вопросе: как он должен поступить, как монарх? Но когда ему приходилось намечать действие монарха вообще, т. е. в виде постоянных учредительных мер, Петр почти всегда умел решить вопросе только посредством увековечения своей временной частной меры.

Принцип есть отвлечение того общего, что объединяет частные меры и что, следовательно, приложимо ко всем разнообразным случаям практики. Этого-то прин-

ципа у Петра и не видно. Он гениальным монархическим чутьем знал, что должен сделать он, и оказывался беспомощен в определении того, что должно делать вообще. Поэтому-то он своим личным примером укрепил у нас монархическую идею, как, может быть, никто, и в то же время всеми действиями, носившими принципиальный характер, подрывал ее беспощадно.

Излишне повторять, что в основной задаче своей Петр Великий был безусловно прав и был великим русским человеком. Он понял, что, как монарх, как носитель царского долга, имел обязанность бестрепетно взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос «быть или не быть». Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европой до конца XVIII века. Мы и при Петровской реформе попали в доселе длящуюся кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском бессилии своем до времен фридрихов великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европой всего мира. Петр, железной рукой принудивший Россию учиться и работать, был, конечно, спасителем всего национального будущего.

Петр был прав и в своих насильственных мерах.

...Петр был безусловно прав и заслужил вечную благодарность Отечества за то, что употребил весь свой царский авторитет и власть на то, чтобы создать жесточайшую диктатуру и силой двинуть страну вперед, и за слабостью ее средств закабалить всю нацию на службе целям государства. Другого исхода не было для спасения России.

Но Петр был прав только для себя, для своего момента и для своего дела. Когда же эта система закабаления народа государству возводится в принцип, она становится убийственной для нации, уничтожает все родники самостоятельной жизни народа. Петр же не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер к тому, чтобы временная система не стала постоянной, не принял мер даже к тому, чтобы закрепощенная Россия не попала в руки к иностранцам, как это и вышло тотчас после его смерти.

...Церковная политика Петра столь же и даже более характеристична, чем национальная.

Здесь повторяется та же черта: он временную необходимую меру превращал в постоянный зловредный принцип.

Значительная доля иерархии, без сомнения, была враждебна реформе Петра и мешала ей своим влиянием на народ. Петр имел право, как самодержец, принять меры к обузданию всякого сопротивления. Но он перешел в этом всякие границы.

...Он, как царь, мог не слушать епископов или казнить их. Но перестраивать Церковь для подчинения ее государству не имел ни малейшего права.

Он вместо охраны своей самостоятельности, посягнул на самостоятельность Церкви, и притом уже в конце царствования, когда провел сближение с Европой до конца и когда ни один сколько-нибудь проницательный человек не мог даже и вообразить, чтобы Россия свернула с установленного пути просвещения.

...Наш известный канонист А. С. Павлов при всей осторожности в выражениях говорит: «Взгляд Петра Великого на Церковь, как на служебную силу государства, образовался под влиянием протестантской канонической системы».

Петр, впрочем, сам определил отношения Синода к царской власти: «Синод в духовных делах имеет такую же власть, как Сенат в мирских». «Таким образом, — замечает А. С. Павлов, — во главе Церкви, по законодательству Петра, стоит та же самодержавная власть, что и во главе государства» (стр. 508).

...Сто лет после Петра при составлении основных законов православная вера признана господствующей... Но если мы, оставаясь православными, не могли явно и последовательно провести протестантского принципа цезаропапизма, то противоречие веры и практики, внесенное церковной реформой Петра, не могло не действовать деморализующе на нашу религиозную жизнь.

Здесь вопрос идет не о личной религиозности Петра Великого. Несмотря на кощунственные пародии церковной иерархии с «князем папой» во главе, он без сомнения верил в Бога и во Христа Спасителя.

...Понимания Церкви у него не было, а с этим невозможно было понимание и собственной власти, как русского монарха. В своем отношении к Церкви он подрывал самую существенную основу своей власти — ее нравственно-религиозный характер.

Та же самая точка зрения, которая позволила Петру совершить ломку церковного управления, проявлялась и в его отношениях к религиозной жизни русского народа вообще. Не входя в анекдотические подробности, вспомним какие черты деспотизма в сфере религии хранит наше полное собрание законов.

...Так, например, № 3910 — запрещено ходить из церкви с образами на дом. В 1725 году запрещено ходить священникам со святой водой по домам (кроме Рождества).

Мудрено ли, что старообрядцы искренно сочли Петра Антихристом? А какой смысл могло иметь в интересах монархии подобное гонение на религиозные потребности народа? Понятно — ни малейшего.

...Правда, личная вера православных императриц, которые, как Елизавета Петровна, сами ходили на богомолье к неуважаемым Петром святыням, уничтожила такие возмутительные меры, как запрещение домашних богослужений (тем более что все эти запрещения всеми нарушались), однако общий дух самовольного распоряжения государственной власти церковным управлением остался, можно сказать, навсегда или по крайней мере до сих пор.

...Без сомнения, только чрезвычайное непонимание идеи своей власти могло двинуть Петра на путь такого отношения к народной вере и поставить Церковь, как неоднократно выражались, в «вавилонское пленение». Но то же непонимание видно в некоторых действиях Петра и в чисто государственной области. Так, он сам уничтожил правильное престолонаследие. Здесь мы замечаем снова общую черту деятельности Петра: случайное, чисто личное затруднение в отношении царевича Алексея, заставляет Петра возвести в принцип то, что могло быть еще кое-как понято разве как неизбежное нарушение принципа.

Устав Петра о престолонаследии, изданный притом уже после смерти его несчастного сына, называет, наследие престола старшим сыном «недобрым обычаем» и устанавливает, «дабы сие было всегда в воле правительствующаго государя — кому оный хочет, тому и определит наследство» [Соловьев, «История России», книга IV, 839-840]. Как известно, Россия расплатилась за такие правила Петра полустолетием государственных переворотов, в которых монархия уцелела только благодаря народу, продолжавшему считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа.

...Петру наш Свод Законов обязан несколькими определениями монархической власти. Иногда они очень хороши, но в этих случаях Петр лишь повторяет народные афоризмы, не обнаруживая при этом никакой более глубокой мотивировки.

...В Духовном Регламенте выражено:

«Монарха власть есть самодержавная, которой повиноваться Сам Бог за совесть повелевает».

...Но действительно замечательным памятником Петра должно признать установленную им формулу присяги. Здесь Петр формулировал то, что у него всегда велико, — личное его монархическое ощущение своей связи с подданными. Формула эта, полагаю, ни в каком законодательстве не имеет ничего высшего по глубине монархического сознания.

В ней подданный, независимо от своего ранга и сословия, обещает: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все ко высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащая права и преимущества, узаконенные и впредь узако-

няемыя, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной) так и по особливой определенной, и от времени до времени Его Императорского Величества, именем от предуставленных надо мною начальников, определяемым, инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит» [Списано по присяжному листу «Клятвенное обещание» 1894 г., Октябрь, присяга нынешнему Государю. (В Основн. Зак. Прилож. V)].

В этом замечательном документе безусловная подчиненность подданного превращается в его нравственное причастие власти Государя. И Катков, впоследствии правильно говорил, что в присяге — наша «конституция», по которой мы имеем «больше, чем политические права, мы имеем политические обязанности».

...Но когда Петр начинает объяснять свои права, то говорит иногда нечто совершенно несообразное с тем чувством, которое подсказало ему формулу присяги. Он обращает себя в абсолютного монарха, а подданных в каких-то безгласных рабов, даже хуже — в нечто политически несуществующее.

В знаменитой «Правде воли монаршей», составленной по поручению Петра Феофаном Прокоповичем, теоретические основы монархии излагаются по Гуго Грецию и Гоббсу. И утверждаются на договорном происхождении государства. Эта «Правда» утверждает, будто бы российские подданные должны были вначале заключить договор между собой, а затем народ «воли своей отрекся и отдал ее монарху».

...Появление абсолютистской точки зрения при Петре подтверждается, таким образом, не только действиями его, но и законодательными формулировками, т. е. поставлено в обязательное руководство подданным. Но все это только по бессознательности. При Петре же, в величайшем акте абсолютистского произвола — в Духовном Регламенте — объясняется, что «правление соборное совершеннейшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», так как, с одной стороны, «истина известнее изыскуется соборным сословием, нежели единым лицом», с другой стороны, даже «вяще (т. е. сильные) ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ».

...Поверив этим заявлениям Верховной власти, народ мог бы только спросить себя: зачем же ему «отрекаться своей воли», если «соборное правительство лучше

единоличного» и если «соборный приговор» возбуждает больше доверия и больше побуждает к повиновению, нежели единоличный указ?

Очевидно, ничего подобного нельзя было бы написать даже при малейшей ясности монархического сознания. Время Петра в этом отношении составляет огромный регресс сравнительно с московской монархией».

(Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М. 1998. С. 203–210.)

Из обзора оценок деятельности Петра I советского историка КАФЕНГАУЗА Бернгарда Борисовича, 1940 г.

Реформы Петра издавна являлись предметом страстных споров в русской публицистике и в исторической литературе. Каждое поколение, каждое политическое и научное направление пыталось по-своему подойти к пониманию этой сложной эпохи. Тотчас после смерти Петра его ближайшие сотрудники, как Феофан Прокопович или Неплюев, пытавшиеся дать оценку эпохи, заполняли свои литературные произведения выражениями восторга перед личностью Петра и его деятельностью. Но и три десятилетия спустя крупнейший представитель русской культуры XVIII в., гениальный ученый М. В. Ломоносов дал высокую оценку деятельности Петра. В «Слове похвальном Петру Великому» (1755 г.) Ломоносов, перечисляя заслуги Петра, останавливается на создании регулярной армии, на его победах над шведами в Северной войне, отмечает реформы государственного устройства, заботы о просвещении; он ставит в заслугу Петру умножение государственных сборов, называя подушную подать «легкой». Ломоносов подчеркивает, что Петра видели «меж рядовыми солдатами» «в своем сообществе за однем столом», что он сам трудился «как мастер», копал рвы «как рядовой солдат», сам строил корабли, вместе с тем «воем повелевая как государь». Ломоносов указывает, что Петру приходилось преодолевать на каждом шагу в своей деятельности препятствия и упорную вражду. Он заключает свою характеристику эпохи замечанием, что не находит никого из исторических деятелей, с кем он мог бы сравнить Петра[1]. Беспредельный восторг по адресу своего «ироя» высказывает также Иван Голиков, составитель «Деяний Петра Великого», обширного сборника первоисточников по этой эпохе (30 томов).

Представитель следующего после Ломоносова поколения, историк, сенатор и публицист кн. Щербатов дал свою оценку реформ Петра. Идеолог аристократии, он ставил в укор Петру его табель о рангах, давшую разночинцам возможность выслужить дворянское звание; в Екатерининской комиссии 1767 г. Щербатов возражал против признания дворянских прав за лицами, получившими дворянство согласно петровской

1 Ломоносов М.В. Сочинения М.В. Ломоносова. Т. 1-5. СПб. 1891–1902. Т.4.

табели и вместе с тем защищал крепостную зависимость крестьян. Щербатов видел в эпохе Петра начало последующего «повреждения нравов», источник роскоши и связанного с нею разорения дворянства, ослабления семейных уз и т. п. Но при этом и Щербатов считает, что реформа была необходима. Он защищает насильственный характер преобразований, указывает на важность устройства войска и флота, организации фабрик. Без «самовластия» Петр не мог, бы осуществить реформы. Предоставленная сама себе Россия совершенствовалась бы крайне медленно и, по расчетам Щербатова, достигла бы того же уровня лишь через семь поколений, к 1892 году[1]. Устами М. Щербатова говорило родовитое дворянство, сознававшее связь дворянской монархии XVIII в. с эпохой Петра И стремившееся усилить И укрепить свое господство.

Критика петровских преобразований с точки зрения революционера XVIII в. была дана Радищевым. Он видел в Петре — великого преобразователя и победителя Карла XII и вместе с тем «столь властного самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». По его словам, Петр мог быть более славен, «утверждая вольность частную», но при этом Радищев указывает, что нет примера, «чтобы царь упустил добровольно что ли из своея власти»[2].

Большого внимания заслуживает отношение Н.М. Карамзина к преобразованиям Петра. В «Письмах русского путешественника» (1790) с точки зрения просветительных идей XVIII в. он высказывает сочувствие реформам Петра. Он говорит, что «путь образования или просвещения один для народов: все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских, итак надлежит от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами». «Все народное ничто перед человеческим», — восклицает он в оправдание западничества Петра. Однако 20 лет спустя Карамзин выразил иной, определенно отрицательный взгляд на значение деятельности Петра. В его «Записке о древней и новой России» (1811 г.) впервые дана резкая и законченная критика петровских реформ, во многом предвосхитившая взгляды славянофилов первой половины XIX в. В этом публицистическом произведении Н. Карамзин упрекает правительство Александра I за «излишнюю любовь его к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи». Основной тезис Записки — защита самодержавия от подготовляемых реформ Сперанского. Карамзин хочет подкрепить историческими примерами свою реакционную программу. Он видит заслугу Петра в завоевании Прибалтики, в учреждении флота, мануфактур, училищ и Академии. Но при этом Карамзин указывает на «вредную сторону его блестящего царствования» — страсть к новым обычаям, которая переступила в нем «границы благоразумия». Он обвиняет Петра в потере национального чувства, приведшей к подражанию Западу. «Мы стали гражданами мира, — говорит Н. Карамзин — но перестали быть в некоторых случаях гражданами России: виною — Петр». Он, «увидев Европу, захотел сделать Россию Голландиею». Карамзин укоряет Петра за введение иноземного платья, порчу языка, замену боярской думы

1 Щербатов М.М. Сочинения. Т. 1-2 СПб. 1896-1898. Т. 2. С. 13–22.

2 Радищев А.Н. Письмо к другу, жительствующему в Тобольске // Радищев. Полное собрание сочинений. Т. 1-3. М.; Л. 1938–1952. Т. 1. С. 151.

Сенатом, возражает против построения новой столицы «на северном крае государства, среди зыбей болотных» и т. д. Европеизация дворянства привела лишь к отрыву его от низших сословий. Он ставит в упрек Петру насильственный характер его преобразований, «ужасы самовластия». Он предпочитает консерватизм Московского государства, где «изменения делались постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»[1]. В своей «Записке» Карамзин, напуганный французской революцией и крушением феодализма в ряде стран Западной Европы, выражал интересы реакционного дворянства периода разложения феодально–крепостного строя в России, когда правящий класс уже опасался приближавшегося крушения своего господства. Славянофилы впоследствии немногое прибавили к аргументам Карамзина.

Один из основателей славянофильства, И. Киреевский, весьма положительно оценивал деятельность Петра и подчеркивал, что просвещением «обязаны мы Петру»[2]. Но в этом отношении более характерны для славянофилов взгляды К. Аксакова. Он усматривал резкое различие между историей России и Западной Европы. В древней Руси он видел «святые начала» — общину, смирение, внутреннюю правду, добровольное подчинение народа государству; поэтому русская история «может читаться как жития святых». Но затем, при Петре, государство совершает переворот, «Петр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников ее жизни, захотел столкнуть Русь на путь Запада, путь... ложный и опасный». Петр «вводит подражательность чужим краям, Западной Европе... Переворот сопровождается насилием... Россия разделилась надвое и на две столицы. С одной стороны государство с своей иностранной столицей Санкт-Петербургом; с другой стороны — земля, народ, с своей русской столицей — Москвой»[3]. Реакционный дворянский смысл этой защиты превратно понятой московской старины вполне ясен. Славянофилы понимали, что история Западной Европы проникнута «войной классов». Об этом писали еще Гизо и Тьерри. И в западническом характере петровских преобразований им чудилась будущая угроза самодержавию и дворянскому» господству[4].

Западники 30–40х годов горячо спорили со славянофилами. П. Чаадаев, в молодости связанный с декабристами, видел в допетровской Руси лишь варварство или чистый «лист белой бумаги», на котором начал чертить только Петр. Он считал, что реформы Петра необходимы для страны и были вызваны настоятельной потребностью: «Если бы Петр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией»[5]. В пику славянофилам Чаадаев восклицает: «Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный

1 Карамзин Н. Записка о древней и новой России / Под ред. В. Сиповского. СПб. 1914. С. 22–32.
2 Киреевский И.В. Полное собрание сочинений / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1–2. М. 1911. Т. 1. С. 105.
3 Аксаков К. Сочинения. Т. 1. 1882. С. 53.
4 Плеханов Г.В. Погодин и борьба классов // Плеханов Г.В. Полное собрание сочинений в 24-х томах. Л. 1923–1928. Т. 23; Плеханов Г.В. И. В. Киреевский // Там же С. 106.
5 Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / Под ред. М. Гершензона. Т. 1–2. М. 1913–1914. Т. 2. С. 243.

патриотизм, патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями»[1].

Белинский И Герцен не раз подчеркивали прогрессивное значение эпохи Петра. В двух статьях по поводу второго издания «Деяний Петра Великого» Ивана Голикова Белинский отмечает стремление Петра к европеизации страны и выдвигает его роль в военной Истории России. «Мы избалованы нашим могуществом, оглушены громом наших побед, — писал Белинский, — привыкли видеть стройные громады наших войск и забываем, что всему этому только 132 года (считая от победы под Лесной — первой великой победы, одержанной русскими регулярными войсками над шведами). Мы как будто все думаем, что это было у нас искони веков, а не с Петра Великого. Мы уже забыли и то, что при Петре Великом у России явился опасный сосед Карл XII, которому нужны были и люди и деньги и который умел бы распорядиться и тем и другим».

Белинский рассматривает эпоху Петра как «ужасную бурю», и в его преобразованиях видит революционный переворот: «Он понял, что полумеры никуда не годятся и только портят дело; он понял, что коренные перевороты в том, что сделано веками, не могут производиться вполовину, что надо делать или больше, чем можно сделать, или ничего не делать и понял, что на первое станет его сил». И по поводу огромных жертв при строительстве Петербурга Белинский замечает: «Когда же и где великие перевороты совершались тихо без отягощения современников?».

Белинский обращается по адресу славянофилов со страстной тирадой: «Да, господа защитники старины, — говорит он, — воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского»[2]. В этих статьях Белинский прозрачно намекал на необходимость ломки всех устоев николаевской монархии. Дальнейшее печатание статей было прекращено по цензурным условиям («по независящим от редакции причинам»). Более полно Белинский мог раскрыть свою мысль лишь в письмах. В письме к Анненкову, в 1848 г., говоря о будущем освобождении крестьян, он восклицает: «России нужен новый Петр Великий»[3]. Неудивительно поэтому, что он в другом письме, к Кавелину, говорил: «Для меня Петр — моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-нибудь делать; быть чем-нибудь полезным»[4].

Эти мысли полностью мог раскрыть только Герцен в заграничной печати. Герцен рассматривал петровскую эпоху (разумеется, совершенно неправильно) как революцию сверху и называл Петра «коронованным революционером». Призыв к революции в настоящем связывается у Герцена с прославлением Петра: «К концу XVII века на престоле

1 Там же. С. 226.
2 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений / Под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова Т. 1-12. СПб. 1900–1948. Т. 6. С. 190, 193.
3 Белинский В.Г. Письма. / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Т. 1–3. СПб. 1914. Т. 3. С. 338.
4 Там же. Письмо к Кавелину. С. 300.

царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей, — писал Герцен, — это деспот по образцу комитета общественного спасения»[1]. Наперекор славянофилам, видевшим в петровских преобразованиях измену национальным началам, Герцен называет Петра «истинным представителем революционного принципа, скрытого в русском народе». Поэтому «петровский период — По его словам — сразу стал народнее периода царей московских. Он глубоко взошел в нашу историю, в наши нравы, в нашу плоть и кровь»[2].

Следующее поколение революционеров, разночинцы–просветители Чернышевский и Добролюбов, отказались видеть в этой эпохе революцию. Еще в 1847 г. западник и либерал Кавелин писал, что «эпоха реформ наступила у нас не внезапно; она приготовлена всем предыдущим бытом». Он отрицал за ней значение революционною переворота[3].

Революционеры–просветители 50х годов сохранили высокое представление о значении петровских преобразований. Н. Чернышевский говорил: «для нас идеал патриота — Петр Великий, высочайший патриотизм — страстное беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Перед своими современниками Чернышевский ставил задачу — «содействие, по мере сил, дальнейшему развитию того, что начато Петром Великим»[4]. Но следует подчеркнуть, что Чернышевский был противником идеализации петровских реформ, в чем он упрекал Белинского и его друзей.

Важно понять новую постановку вопроса у Н. Добролюбова, который в своих статьях подверг критике «Историю царствования Петра Великого» Устрялова. Основная мысль Добролюбова в том, что крупная историческая личность не является основным фактором истории — первое место принадлежит народу. «Только тогда человек может заставить людей сделать что-нибудь, когда он является как бы воплощением общей мысли, олицетворением той потребности, какая вырабатывалась уже предшествующими событиями». С этой: точки зрения на историю он рассматривает и петровскую эпоху: «Петр разрешал вопросы, давно уже заданные самою жизнью народною — вот его значение, вот его заслуги». Поэтому Добролюбов считал, что «нововведения Петра не были насильственным переворотом». Вместе с тем он видит заслугу Петра в «твердом и неотступном преследовании своих целей»; «нужна была гениальная решимость, непоколебимая твердость воли в борьбе с препятствиями»[5].

---

1 Герцен. А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. [и с предисл.] М.К. Лемке. Т. 1-8. Петроград. 1915–1917. Т. 6. С. 325–328

2 Герцен. А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. [и с предисл.] М.К. Лемке. Т. 1-8. Петроград. 1915–1917. Т. 6. С. 325; Т. 8. С. 432–433.

3 Кавелин К.С. Взгляд на юридический быт древней Руси. 1897. С. 58

4 Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода. Полн. Собр. соч. СПб. 1906. С. И, 120, 122.

5 Добролюбов Н. Первые годы царствования Петра Великого. Т. 3. СПб. 1936. С. 129, 137, 169, 184, 196.

У С. Соловьева мы видим этот новый, более научный взгляд, развернутый на конкретном историческом материале. В «Истории России» Соловьев еще называет петровскую эпоху «нашей революцией XVIII века», сравнивает ее. с политической революцией во Франции. Но вместе с тем Соловьев рассматривает исторический процесс как органическое развитие народной жизни, естественное и необходимое, он видит в эпохе преобразований не разрыв с прошлым, а «необходимое следствие всей предшествовавшей нашей истории»[1]. Соловьев дает чрезвычайно высокую оценку петровским, преобразованиям, рассматривает их как дело всего народа: «Никогда ни один народ не совершал такого подвига как русский народ, под руководством Петра». С наибольшей полнотой взгляд Соловьева на эпоху преобразований выразился позднее в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872). Здесь значительно сильнее подчеркнута органичность и преемственность развития, хотя оно рассматривается чисто идеалистически. Однако наряду с идеалистическим построением «Публичные чтения» содержат весьма ценные соображения. Соловьев рассматривает преобразования как обусловленные предшествующим развитием народа. В особенности он подчеркивает экономическую отсталость Московского государства, бедность страны, слабую заселенность и господство крепостного права. Важнейшее место среди петровских преобразований, по его мнению, занимают экономические перемены: «дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением Промышленного и торгового движения и для этого прежде всего добыть себе уголок у Северного Средиземного (Балтийского) моря»[2]. По мнению Соловьева, потребность экономического преобразования была «на первом месте», Россия при Петре производила «у себя экономический переворот», развивая город, торговлю, промышленность. Здесь уже отсутствует прежнее сравнение с политической революцией, вместо этого петровские преобразования сравниваются с другой эпохой: «Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково». Конечно, следует помнить, что при этом Соловьев остается идеалистом; реформы начались, по его словам, «с сознания» своей хозяйственной отсталости; «бедный народ сознал свою бедность и причины ее через сравнение себя с народами богатыми» и в силу этого перешел к экономическим преобразованиям. В основе исторической жизни у Соловьева остается сознание. Все же нельзя не признать ценности построений С. Соловьева и их оригинальности для своего времени. В «петровском экономическом перевороте», по Соловьеву, были даны «средства для «освобождения села чрез поднятие города»[3]. Таким образом, этот буржуазный историк рассматривал эпоху Петра с точки зрения создания некоторых условий для будущего освобождения крестьян. Роль Петра, как исторической личности, Соловьев ограничивает определенными пределами, так как на первый план выдвигает значение народа. Не преувеличивая роли великих людей, он видит вместе с тем в Петре народного вождя и рисует

1 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-6. СПб. 1895–1896. Т. 3. С. 1055.
2 Соловьев С. Публичные чтения о Петре Великом. Собр. соч. СПб. 1903. С. 993.
3 Там же. С. 1109.

красивый образ: «народ поднялся и собрался в дорогу, но кого–то ждали; ждали вождя — вождь явился»[1].

В. О. Ключевский удержал из концепции своего учителя главным образом идею органической связи древней и новой России и пошел в этом отношении еще дальше Соловьева. Он начинает новый период в истории России с начала XVII столетия, а не с эпохи преобразований, как Соловьев, чем еще более сглаживает различия между обоими периодами. Более уклоняется Ключевский от Соловьева в определении сущности реформ. Исходя из буржуазной чичеринской схемы о первенствующем значении государства, он считает, прежде всего, что Северная война «вызвала и направляла реформу». Второй важнейшей чертой эпохи он признавал финансовую реформу: «Война была главным образом движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа ее начальным моментом, устройство финансов ее конечной целью». Напротив, народнохозяйственные явления, рост промышленности и торговли при Петре, довольно подробно изложенные в его курсе, Ключевский рассматривал только как следствия реформы, хотя и признавал, что Петр в стремлении поднять производительные силы страны «стоит одиноко в нашей истории». Но в этой стороне преобразований, по его мнению, Петр видел лишь источник государственного дохода и имел в виду дать народным массам «возможность нести усиленные государственные тяготы»[2]. Наряду с неправильной трактовкой экономических явлений, как производных, у Ключевского, конечно, отсутствует также изображение классовой борьбы.

П. Милюков, этот идеолог российского империализма, воспринял некоторые черты концепции Ключевского. Милюков собрал огромный материал по истории финансов и администрации при Петре, но сделал из него совершенно превратные выводы. По его мнению, внешнеполитические задачи эпохи — завоевание берегов Балтийского моря — не соответствовали экономическим потребностям отсталой страны и поэтому привели будто бы «лишь к отрицательным последствиям». «Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало еще достаточными средствами для их исполнения. Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие... Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы»[3]. Таким образом, в глазах Милюкова грандиозная внешняя политика Петра нисколько не обусловлена состоянием производительных сил, напротив — она будто бы стояла в резком противоречии с ними. Буржуазное представление о господствующей роли государства в русской истории, полный отрыв политических явлений от экономики связан у Милюкова с резкой критикой приемов и итогов преобразовательной деятельности Петра. Милюков говорит, что реформа страдала «отсутствием плана и системы», деятельность Петра напоминает ему «расто-

1 Там же. С. 1101.

2 Ключевский В. Курс русской истории. Т.4. М. 1915. С. 81–82, 141, 167, 284.

3 Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого. СПб. 1905. С. 546. Это — дальнейшее развитие мысли Ключевского, который говорил, что «внешние опасности государства опережали естественный рост народа». (Ключевский В. Курс русской истории. Т. 4. М. 1915. С. 274).

чительность природы в ее слепом, стихийном творчестве, а не политическое искусство государственного человека»[1]. В военной истории эпохи он подчеркивал Нарвское поражение и неудачу Прутского похода; Полтавскую победу относит лишь за счет ошибок Карла XII, и только вскользь указывает, что «завоевание моря он (Петр) сделал и сумел отстоять, хотя конечно и тут — полное разорение завоеванного побережья не свидетельствует об обдуманной программе завоеваний». Так же пренебрежительно отзывается он о создании армии и флота, отмечая «скудость результатов сравнительно с грандиозностью затраченных средств». Реформа государственных учреждений носит «печать торопливости, отрывочности и бессвязности». Строительство фабрик при Петре он называет совершенно беспочвенным на том основании, что многие из них закрылись. Говоря о личности Петра, он отмечал примитивность и грубость его натуры, хотя должен был признать в нем «избыток воли и сильное чувство долга»[2].

После Карамзина и славянофилов не было более злобной характеристики петровской эпохи, более извращающей историческую действительность, чем эти высказывания лидера русской буржуазии. Следует заметить, что эта оценка личности Петра встретила решительные возражения со стороны Н. Павлова-Сильванского и С. Платонова[3]. Основной тезис Милюкова относительно сильнейшего разорения страны в результате Северной войны был подвергнут основательной критике в книге М. Клочкова «Население России при Петре I» (СПб., 1911)...

(Кафенгауз Б.Б. Реформы Петра I в оценке М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского: Сб. ст. М.; Л. 1939–1940. Т. 2. С. 140–176.)

1 Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Вып. 1. СПб. 1909. С. 163–164.

2 Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. Вып. 1. СПб. 1909. С. 143–167; Т.1. СПб. 1989. С. 81.

3 Платонов С. Петр Великий. СПб. 1928.

Authors

Olga AGEEVA — *Chief Researcher, Institute of Russian History, RAS; Doctor of History; ageeva_og@mail.ru.*

Andrey ANDREEV — *Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology (FCTAS), RAS; Professor, Gerasimov Institute of Cinematography; Professor, National Research University MPEI; Doctor of Philosophy; sympathy_06@mail.ru.*

Markku KANGASPURO — *Research Director, Aleksanteri Institute - Finnish Centre for Russian and East European Studies, University of Helsinki (Finland); markku.kangaspuro@helsinki.fi.*

Hanna KOWALSKA-STUS — *Head, Department of Russian Culture and of Cultural Systems Theory, Institute for Russia and Eastern Europe, Jagiellonian University (Krakow, Poland); Doctor of Humanities; kowalska.hanna@gmail.com.*

Elena LINKOVA — *Associate Professor, Peoples ' Friendship University of Russia (RUDN University), Doctor of History; e.v.linkova@yandex.ru.*

Natalia NAROCHNITSKAYA — *President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation; Doctor of History; nn@stoletie.ru.*

Galina SHEBALDINA — *Associate Professor, Department of History of Russian Statesmanship, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Researcher, The Research and Education Center "Humanities Archive", Russian State University for the Humanities; Ph.D. in History; gshebaldina@yandex.ru.*

Alexey SHISHOV — *Senior Researcher, Research Institute (military history), Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia; Ph.D. in History.*

Abstracts and Keywords

Olga AGEEVA

THE PEACE OF NYSTAD AND RUSSIA'S IMPERIAL STATUS

Abstract. *The beginning of the 18th century was marked for Russia by a protracted war with Sweden, which lasted 21 years and ended with the signing of peace in Nystad on August 30, 1721. The article tells a documented story of the celebration of the Russian victory in the Great Northern War and the ceremony of presenting Peter I with the title of the Emperor of All Russia. The author also traces history of international recognition of the imperial title for Russian Tsars and imperial status for their land, which required diplomatic efforts and took several decades. This story clearly demonstrates the predominant understanding of the imperial status in the worldview of the epoch as a sign of a state's place in the European hierarchy of powers rather than other characteristics of the imperial type of rule.*

Keywords: *Russia, Peace of Nystad, Imperial title, imperial status, proclamation of Russia as an empire.*

Andrey ANDREEV

PETER THE GREAT. "THE MONARCH LIKE WHOM THERE HAS BEEN NONE ANYWHERE..."

Abstract. *The article offers a comprehensive analysis of Peter the Great's role and place in both Russian and world history. Peter's role in creating the basic model of Russian modernization is shown, and the main characteristics of this model are identified. Considerable attention is given to the originality of social and political creativity of Peter the Great and his associates. Discussing the revolutionary nature of Peter's reforms, the author considers the relationship of continuity and renewal in Peter's transformations and the key aspects of Peter's "revolution of Enlightenment". It is emphasized that Peter's transformations were not a purely personal initiative of "the autocratic giant", but were prepared by the whole development of Russian society. In this connection, the article analyzes to what extent Peter's reforms had support within Russian society and how they influenced social structures.*

Keywords: *Peter the Great, Peter the Great's Enlightenment, Russian society, variability of modernization, model of development, model of culture, modernity, revolution of Enlightenment, Russian science, Russian traditions.*

Markku KANGASPURO

RUSSIA AND THE BALTIC STATES: FROM NYSTAD TO THE PRESENT

Abstract. *An overview of the main transformations in the geopolitical configuration of the Baltic region over the three last centuries shows that despite new geopolitical realities, which have emerged in our time, old challenges have remained. Nevertheless, there is still a balance of power between the major actors, which minimizes the threat of war and give grounds for an optimistic outlook. The key question is how to realize the full potential of economic, environmental and cultural development in the Baltic region. The author points out that security, trade and political developments in the Baltic space have always been of importance to all major European players and cannot be divorced from events in other parts of the world.*

Keywords: *Baltic region, Northern War, balance of power, major powers, geopolitical configurations.*

Hanna KOWALSKA-STUS

POLISH HISTORIANS' ASSESSMENTS OF THE GREAT NORTHERN WAR

Abstract. *Polish historical science, largely concentrated on the Partitions of Poland, tends to look at both past and future from this perspective. Most Polish historians interpret the Great (Third) Northern War as a prologue to Poland falling into political dependence on Russia and the subsequent partitions of Poland. However, as this article points out, analysis of Polish historiography reveals a variety of approaches to the subject. Thus, some historians paint a broad panorama of the interactions and interests of European powers. Others focus on the Polish–Lithuanian Commonwealth' history, viewing the Northern War in the context of Swedish expansion in Eastern Europe, since the 17th-century Swedish Deluge. This article sets itself the task of acquainting the reader with research works that adhere to historical truth, tend to objectivity and seek non-simplified analysis of complex historical processes. An accompanying goal is to draw attention to the fact that history as a science is often subject to foreign policy pressures.*

Keywords: *Great Northern War, history of Poland, Peter the Great, Polish–Lithuanian Commonwealth, Polish-Russian relations at the turn of the 17th–18th centuries, Polish historiography.*

Elena LINKOVA

"CHARLEMAGNE'S EUROPE" AND "PETER THE GREAT'S EUROPE": RUSSIAN CONSERVATIVE THINKERS' PERSPECTIVES ON RUSSIA'S INTERNATIONAL POSITION IN THE EARLY 18TH CENTURY

Abstract. *The international situation of Russia and its foreign policy were a subject of discussions within the framework of various currents of public thought in the 19th century. However, Russian conservatives, concerned about the future of the country in a changing world, paid special attention to these issues. The conservative concept emerged and evolved in the course of reflections and polemics on Russia's place in the world and the relationships between foreign policy and domestic development. The emphasis in such discussions was placed on the era of Peter the Great, when Russia had become part of the system of international relations, declared its geopolitical interests and begun to implement them consistently. In fact, in Peter's time, the Westphalian system, in which Russia was assigned a clearly peripheral role, was replaced by a new European order based on the Congresses in Utrecht, Rastatt and Baden (1713–1714), on the results of the Great Northern War (1700–1721) and the Treaty of Nystad (1721). Under these new conditions, Peter the Great showed not only continuity with his predecessors' policies but also outlined the main foreign policy vectors, which Russia followed throughout the 18th century and, as conservative thinkers pointed out, the whole of the 19th century.*

Keywords: *conservatism, international position, Peter the Great, Great Northern War, Eastern question, Slavianism, Slavs, foreign policy.*

Natalia NAROCHNITSKAYA

TREATY OF NYSTAD, GEOPOLITICAL TRANSFORMATION OF EUROPE AND CONTROVERSIAL NARRATIVE ON RUSSIA'S IMPERIAL TRADITION

Abstract. *The 300th anniversary of the Peace of Nystad, which boosted a major geopolitical transformation of Europe, prompts a retrospective look at the jealous attitude of European powers toward Russian expansion and consolidation. The creation of the Russian Empire was an imperative of the time as a response to geopolitical and civilizational challenges. Since then, a nihilistic view of Muscovy enshrined in Western historical consciousness has been gradually transferred to Imperial Russia, the USSR and to contemporary Russia turning into a kind of phobia. Western media propagate the image of an alien, undercivilised and hostile Russian realm, originating from selected history books, regardless of differing perceptions of Russian history among Western scientific and intellectual communities. This image has incorporated negative stereotypes about Orthodoxy and Russia from various eras, from the Great East-West Schism and "Mongolian Slavery" to the Communist experiment and the new split over values and progress.*

Keywords: *Peter the Great, emergence of Russian Empire, Russia's geopolitical role, Russia and Europe, Russia and the West, image of Russia, anti-Russian stereotypes.*

Galina SHEBALDINA

THE RELEASE OF PRISONERS: BASED ON MATERIALS FROM PEACE AGREEMENTS BETWEEN RUSSIA AND SWEDEN IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Abstract. *Establishing legal norms regulating the status and position of prisoners of war was a protracted process. It started out as traditions, customs, and practical experiences accumulated during military conflicts. As time went by, the development of humane outlooks, in Europe strongly influenced by Christian morals and ethics, resulted in changes to the status and situation of prisoners. The article traces this process in detail, considering the relevant treaties concluded by Russia and Sweden in the 16th-18th centuries following the end of military conflicts between the two states. This research helps discover prerequisites for shaping a unified international law on prisoners-of-war in the late 19th — early 20th centuries.*

Keywords: *military captivity, prisoners of war, humanitarian law, international relations, Russia, Sweden, Middle Ages and Modern times, diplomacy.*

Alexey SHISHOV

MILITARY REFORMS OF PETER THE GREAT DURING THE NORTHERN WAR (1700–1721)

Abstract. *The Russian regular army and navy were created in the course of Peter the Great's military reforms carried out under the circumstances of warfare of the 20-year long Great Northern War. The article explores the main specificities of this military build-up process. It is shown how the introduction of conscription fundamentally changed the organization of the armed forces, made them regular, well-trained, combat-ready and provided with professional officer corps. The replacement of the old military administration bodies by the new ones as well as military implications of the territorial reform of 1707-1708s are considered. The author emphasizes that at the beginning of the 18th century, conscription was a progressive phenomenon and quickly proved its superiority over the systems of recruiting mercenary armies adopted in Western Europe. The army manning system established under Peter the Great lasted, on the whole, until Milyutin's military reforms of the 1860s-70s. In the course of Peter's reforms Russia created a military that could not only win the Great Northern War, but moved to one of the first places in Europe in organization, armament and combat training.*

Keywords: *Great Northern War, Peter the Great, military reforms, conscription, regular army, foreigners in Russian service, territorial reform of 1707–1708.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»
№4 (7)
2021

E-journal «Perspectives and prospects»
№4 (7)
2021

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*
Дизайн-макет *Ирина Гортинская*
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.
тел./факс: +7(495)789 80 87